

Тина Ворожея

**Здравствуйте,
я ваша мачеха Эмма**

Подскользнулась, упала, очнулась. Гипс?!!! Если бы! Неверный муж который невесть куда профукал огромное состояние некой инфантильной, влюбленной в него до смерти (в буквальном смысле) блондинки. Заносчивый и упрямый пасынок-подросток. Лапочка-разумница падчерица. А я кто в этой компании и в этой ситуации? Время на раздумья у меня нет. Итак — всем здравствуйте! Не ждали? Похоже, что я ваша мачеха Эмма.

Здравствуйте, я ваша мачеха Эмма

Глава первая. Маленькая революция в большом поместье

— Прошу внимания! — тонкий, словно писк издыхающего комара голосок Эммы очень сильно меня раздражал.

Я глядела на ее отражение в огромном зеркале висевшее в холле прямо перед лестничной площадкой на которой я сейчас стояла и безуспешно пыталась привлечь внимание собравшихся внизу многочисленных слуг.

Слегка поморщилась разглядывая хрупкую, достаточно высокую фигурку в черном, вдовьем платье. Не сомневаюсь, что настоящая Эмма гладко зачесала бы волосы и убрала их под уродливый чепец, который еще утром пыталась мне навязать высокомерная горничная. Но я терпеть не могла все головные уборы и даже зимой предпочитала ходить без шапки.

Сегодня мне хотелось бунта, как некой компенсации за то положение в котором я оказалась. По воле неизвестных мне, но несомненно обладающих изощренным чувством юмора богов, я была заперта словно в клетку в тело этой мямли и рохли. Ручки, как птичьи лапки, худое, высокое тельце. Хотя... Волосы шикарные, хоть в этом повезло. Тряхнула головой и залюбовалась переливами золотых локонов, которые словно радуясь отсутствию траурного чепца густой волной упруго подпрыгнули на шуплых плечиках, приятно защекотали спину своей невероятной тяжестью. Я поправила длинными, почти прозрачными пальчиками это шелковое великолепие и задумчиво застыла в ненужных именно сейчас размышлениях.

Уже прошло три дня с того момента когда я вынуждена была признать, что окружающая меня действительность, все эти горничные в форменных белых передничках, дворецкие в ливреях, бесконечные анфилады комнат и залов набитых произведениями искусства и дорогой мебелью, все это мне не кажется и не мерещится. Это тельце так отличающееся от моего знакомого и родного, этот голосок умирающего лебедя — вовсе моими не являются! И это не бред после черепно-мозговой травмы, которую я наверняка получила, когда упала с той высокой скалы, не реакция на препараты которыми меня лечат, не видения коматозного состояния. Нет! Все реально! Железобетонно реально!

Моя прошлая жизнь рассыпалась при падении, как и мое тренированное, сильное и любимое тело. Неотложные дела, срочные совещания помеченные в ежедневнике красными птичками и крестиками очевидно тоже разлетелись и канули в небытие. Даже неверный муж Гоша остался где-то там. Понять бы где... А сейчас время, словно сбилось с дороги, с такой ясной и понятной еще три дня назад. Задержалось в пути, замедлилось и стерло привычный ритм жизни обыкновенной начальницы следственного отдела полиции. Я с досадой хлопнула по холодному, белому мрамору балюстрады. "Вот, черт! Я же не успела сказать заместителю... Так стоп. Какому заместителю? Ты теперь Эмма Загрязская, в девичестве Хрящ. Наследница богатая, глупая и жалкая. Пора привыкнуть, что ты и время заплутали в лабиринтах ненужных воспоминаний, невыполненных обязанностей и призрачных надежд. Возврата к прежней жизни очевидно нет, а значит буду строить новую из подручных материалов.

Я тряхнула головой отгоняя липучие, назойливые мысли. Все! Надо привыкать к тому, что я теперь Эмма. Судя по информации из дневников, которые я читала все эти ночи, торопливо переверачивая пахнущие розой и лавандой страницы, по пренебрежительному

отношению собственных слуг, по чудовищно глупым подписям поставленным под брачными договорами, девушка в "костюмчике" которой сейчас металась моя душа и сознание, была особой крайне нерешительной, болезненно-застенчивой, затюканной любимым, но достаточно жестоким самодуром папочкой.

Не успела Эмма схоронить и освободиться от гнета деспотичного, любящего только себя и свое несметное богатство папочки, как с головой нырнула в новую напасть. Она влюбилась! Влюбилась фанатично, до потери сознания в вдовца с двумя детьми, красавца и разорившегося аристократа графа Мартина Загряжского. Граф видимо был еще тот ходок. У скромницы Эммы практически не было шансов на его ответную любовь. Тогда глупышка просто купила своего кумира, героя всех ее любовных грез, вверила все свое огромное состояние в руки любимые и как я подозреваю не совсем честные. Граф Загряжский судя по всему был игрок, авантюрист и личность довольно мутная. Впрочем почему был? Утонуть-то он утонул, а вот трупа никто не видел... Это не помешало влюбленной Эмме сигануть со скалы. А возможно ее подтолкнула не только потеря любимого, а и потеря всего своего состояния. Последняя запись в дневнике расплылась от слез. "Мне нет места в этом жестоком мире!", написала она дрожащей рукой. Да, жалко конечно девочку Эмму, но себя мне жалко больше.

Завтра в поместье нагрянут новые хозяева, что бы забрать имущество почтенного Платона Хряща, за долги его неудачливого в карточной игре зятя. Вот жизнь шутница и баловница! Один всю жизнь копил и множил для того, что бы другой, чужой и пришлый промотал играючи. Вспомнив о долгах и визите стервятников, я встрепенулась. Мне необходимо быдо извлечь из сложившейся ситуации максимум выгоды. Пусть тело у меня чужое, но жить в этом мире предстояло именно мне, а не бедняжке Эмме.

Я обвела глазами толпу слуг столпившихся внизу. Приглушенно хихикали молоденькие и глупые горничные, которые надеялись, что их смазливые мордашки гарантируют им лояльность новых хозяев. Хмурились мужчины нервно теребя головные уборы. Им явно не хотелось возвращаться в ближайшую деревню, терять сытые и денежные должности и вновь становиться землепашцами.

Особняком держались уверенные в своей необходимости и нужности при любом смене режима работники кухни в белых фартуках и колпаках. Суетливо протирали круглые очки в тяжелой, роговой оправе управляющий. Его лысина покрылась испариной, а ноги нетерпеливо топтались на месте, словно он готовился к старту.

Я вглядывалась в лица пытаюсь вычислить человека, которому поручено присматривать за всеми, беречь добро готовое перекочевать в чужие и загребущие руки. Мой план был простым. Надо сделать этих людей, что стоят сейчас внизу своими сообщниками, дать индульгенцию на разграбление поместья, только тогда мне тоже удастся улизнуть с набитыми карманами и неплохо устроиться в том доме с постоянным двором, документы на который я нашла в отцовском кабинете. Пусть этот дом находится у черта на куличках, где-то на севере, но по документам он принадлежит Эмме, а значит мне.

По завещанию родная тетка Эммы, Агафья Хрящ, все свое имущество отписала племяннице, а если племянница побрезгует таким даром, то дом и постоянный двор пусть стоят и рушатся временем, других хозяев там быть не должно. Никакие мужья и другие родственники, а так же государство забрать завещанное добро, почившей с миром Агафьи Хрящ не могут.

Я искренне была благодарна незнакомой мне женщине. Не знаю, чем она

руководствовалась, когда составляла этот документ, но сейчас эта желтоватая, заверенная гербовой печатью и четкой подписью Агафьи Хрящ бумага была мне дороже денег. Впрочем деньги я тоже надеялась заполучить, при правильном подходе к сложившейся ситуации. Откашлявшись и напрягая голосовые связки я обратилась к слугам.

— Прошу внимания! Пожалуйста послушайте! Тише, я вам сказала!!! — в плотном гомоне голосов, я показала сама себе рыбой безмолвно открывающей рот и пускающей круглые пузырьки. Толпе внизу явно было наплевать на мои призывы.

Я медленно закипала, злилась на Эмму, на слуг которые были похожи на тупое стадо баранов. Злилась на обстоятельства заставляющие меня стоять на этой площадке второго этажа и чувствовать себя неудачницей, ждущей внимания. Похоже на то, что Эмме его не дожидаться, но вот Ольге Николаевне Грановской, вполне возможно!

Еще вчера я заприметила огромную, словно посуду из коллекции великана, фарфоровую вазу. Она поразила меня своими размерами и изяществом росписи.

— Эх, красивая же вещь была! — мой голос ожидаемо не услышали за грохотом вазы окончившей свою хрупкую жизнь на отполированном мраморе пола.

Толпа вздрогнула и отступила подальше от множества белых осколков, которые брызнули острыми стрелами под ноги, разлетелись хищной стаей обоюдоострого фарфора.

Наступила долгожданная тишина. Все взгляды теперь были устремлены вверх, туда где за бело-розовым мрамором пузатеньких балясин, словно за революционной трибуной стояла хрупкая фигурка в черном платье вдовы.

Я усмехнулась, подняла руку, словно опытный и искушенный оратор.

— Уважаемые! Вы были преданными и надежными слугами, можно сказать партнерами моего дорогого отца. Вы служили верой и правдой мне, его дочери. Помогали преодолеть невзгоды и уважали, как справедливую хозяйку! — вдохновенно врала я, радуясь вниманию сбитых с толку людей. — Теперь наступила моя очередь отблагодарить своих верных слуг. Как вы все уже знаете, завтра будет очень непростой день. Мне кажется крайне несправедливым тот факт, что многие из вас не только потеряют работу, но и уйдут без жалованья, так как платить нечем.

Я всхлипнула и поднесла к глазам белый, кружевной платочек, который до этого теребила в руках. Жест должен был получиться красивым и трогательным. Но и переигрывать было нельзя.

— Дорогие мои! Справедливость существует! Все невзгоды придут к нам завтра, а сегодня я все еще являюсь вашей хозяйкой. Именно поэтому я разрешаю брать все, что вам приглянется. При этом соблюдайте благоразумие. Например — картины старых мастеров, драгоценности, мебель, дорогие ковры брать не рекомендую. Их легко опознать. А вот пищевые запасы из всех кладовых, постельное белье без меток, посуду из кухни, одежду попроще, отрезки тканей, дрова и уголь, что лежат на хозяйственном дворе, инструменты и домашнюю птицу, стройматериалы — именно на них рекомендую обратить ваше внимание! — я решительно рубанула рукой воздух, словно посылая всех на штурм неприступной крепости и пристально взглянула на управляющего.

Мужчина явно находился на перепутье. С одной стороны ему наверно заплатили за верную службу, за доносы и собачью службу охранника. Но с другой... Сейчас толпа ринется за законной добычей, всех не остановишь, не уследишь. А возможности то какие открываются! У него ключей то сколько! Сколько всего полезного и ценного можно унести и припрятать!

Управляющий метался между выгодой и очень большой выгодой. Очки съехали на один бок, щеки покраснели, лысина вспотела. Золотые зубы скрипели в попытке принять решение и не ошибиться. Наконец то он махнул рукой и направился к главному выходу, который мог бы пропустить стадо диких слонов, а не только десятка три-четыре слуг, что выбежали в поисках добычи еще пять минут назад.

Я тихонько рассмеялась и тоже поспешила по своим делам. У меня есть примерно сутки, что бы устроиться в этом мире как можно комфортней.

Глава вторая. У меня оказывается есть дети.

Приходится менять планы

Уже через час после моей пламенной речи, которая подстрекала людей к откровенному грабежу, мирное и спокойное поместье напоминало оживленный, растревоженный муравейник. Люди деловито суетились, озабоченно тащили какие то узлы, туго набитые мешки, наспех завернутые свертки, большие корзины из которых торжественно торчали бутылки с маслом и вином, румяные окорока, темно-красные колбасы. В ужасе надрывались квохтаньем куры, вопрошающе гоготали гуси, где-то далеко на хозяйственном дворе истошно вопили испуганные свиньи, которые видимо не хотели покидать свой уютный хлев.

За оградой поместья столпились подводы прибывшие из соседней деревни и ржавые но достаточно крепкие и резвые мобили. Именно так здесь называлось все, что двигалось самостоятельно на четырех колесах. Обыкновенные машины, но их вид был несколько странным, словно они сошли с картинок сумасшедшего художника, который поклоняется стилю стимпанк. На мобили и телеги спешно укладывали мешки с углем, пахнущие свежей стружкой, сверкающие пронзительно желтой древесиной доски, гремевшие медными боками огромные кастрюли с кухни и прочую утварь.

Я тоже не теряла время даром. Путешествовать на лошадях, трястись на допотопной повозке мне явно не грозило. В огромном гараже стояли сверкая хромированными дисками и невероятными, фантастическими деталями, мобили всех цветов и размеров. Долго не могла решить, какой же мне больше подойдет для такого далекого путешествия. Изучив карту я поняла, что преодолеть огромное расстояние на мобиле мне будет под силу. Сейчас я находилась на южном полуострове. Виднеющееся внизу, за верхушками кипарисов море, скалистый ландшафт, темно-синие горы, все очень походило на привычный и любимый Крым, и называлось очень созвучно но немного коротко — Рым. До домика завещанного мне Агафьей Хрящ в холодной Сибири, было почти четыре тысячи километров. Именно так гласила старая и потрепанная карта дорог, которую я нашла в бардачке темно-вишневого монстра, с виду напоминающего странную смесь довоенного, шикарного мерседеса с современным микроавтобусом.

Мне пришлось немного посомневаться, глаза разбежались от такого выбора. Но все же я решила остановиться именно на этой модели, мне она показалась надежной и вместительной, к тому же мобиль стоял ближе всех к выезду из огромного гаража и ключ зажигания лежал на виду, на отполированной, сияющей мягким блеском деревянной панели.

Подняв повыше подол черного платья, поспешила в дом, грузиться мне предстояло самой. Мои так называемые слуги были заняты банальным грабежом. Потные лица, растрепанные волосы, блуждающие в поисках очередного трофея глаза, делали их похожими на одержимых зомби.

Стараясь не наступить на осколки разбитой вазы я птицей взлетела на лестницу и на повороте столкнулась с управляющим. Увидев меня мужчина обрадовался.

— Госпожа Эмма, там из города гости приехали! — его голос хрипел от поспешного шага, а руки что-то быстро спрятали за сутулую спину.

У меня даже дух перехватило от такой новости. Единственная мысль о том, что сама не успела скрыться и подставила людей сверлила мой мозг.

— Как приехали? Уже? Должны же завтра, — прошелестела я пересохшими губами.

Управляющий даже подпрыгнул от моих слов, пугливо озираясь по сторонам, словно пытаясь обнаружить врага, он попятился от меня.

— Вы не тех гостей вспомнили, госпожа Эмма. Чур на вас, чур! Там приехали из пансионата, привезли детей графа Загряжского. Его светлость с оплатой просрочили, вот их и привезли. Если вы брать опеку над сиротами не захотите, значит их того..., — мужчина запнулся и стыдливо отвел глаза в сторону.

— Что того? Ликвидируют? Убьют? — взволнованно предположила я. Кто знает каким образом поступают в этом мире с ненужными детьми.

— Да, типун вам, на ваш язычок, госпожа Эмма! В сиротский приют их отправят. Впрочем вы правы, там медленно, постепенно убивать будут, — мужчина сверкнул стеклами очков и гаденько захихикал.

— Послушайте, как там вас э-э-э, — я нетерпеливо щелкнула пальцами.

Управляющий с удивлением взглянул на меня, сокрушенно покачал лысой головой.

— Так Густав Карлович, я. Управляющий ваш.... был, — в голосе мужчины прозвучала вселенская грусть.

— Ну, да. Ну, да — Густав Карлович, запаматовала, что-то, — растянула я губы в фальшивой улыбке. — Так вот уважаемый Густав Карлович, что вы там за спиной прячете?

Управляющий вздрогнул, пожал плечами и вынул из-за спины скрипку. Он посмотрел на нее словно видел в первый раз и хмыкнул.

— Скрипочку вот сыночку прихватил. Сыночек у меня любит музыку всякую. Вы же сами госпожа Эмма разрешили, — он посмортел на меня прозрачно-голубыми, честными-честными глазами.

Приглушенно и благородно сияя старым лаком, изящно изогнувшись совершенной формой, моему взору явилась скрипка. У меня даже слюни потекли. В скрипках уж я разбиралась. Мои родители были музыкантами. Отец преподавал в консерватории, а мама в молодости была довольно известной скрипачкой. Они очень расстроились, когда я не пошла по их стопам, не продолжила династию музыкантов, а выбрала юридический факультет, а затем стала работать в полиции. Папу очень обижал тот факт, что я талантливая и перспективная скрипачка, играла лишь для мужа Гоши на семейных праздниках.

— Скрипку старые мастера делали, думаю, что пиликать ваш сын может и на другом инструменте!

Мгновенье и драгоценный инструмент оказался в моих руках. Я нежно погладила теплый, словно принадлежащий живому существу бок, провела пальцем извлекая вхлипнувший звук по струнам. Требовательно протянула руку к мужчине.

— Смычок!

— Что? — не понял он.

— Смычок отдайте, Густав Карлович, — в моем голосе звучала сталь.

— Так вот он, пожалуйста! — с досадой крикнул управляющий.

Оглянувшись по сторонам, я направилась к круглому столику, сдернула с него синюю шелковую скатерть с голубой бахромой и бережно, словно ребенка завернула в нее скрипку.

Сравнение скрипки с ребенком, вернуло меня к другой проблеме. Я обернулась к мужчине, который обиженно сопел и фыркал, словно большой и абсолютно лысый ежик.

— Пойдемте Густав Карлович, не будем заставлять ждать уважаемых представителей пансионата и моих уставших с дороги детей.

Мужчина глянул на меня из-под белесых бровей, подозрение мелькнуло в его

прозрачно-голубых глазах. Он хмыкнул и поджал красные, вызывающе пухлые, совсем не мужские губы.

— Прошу пожаловать за мной госпожа Эмма. Они там дожидаются, возле парадного подъезда.

Он быстро зашагал подпрыгивающей походкой, слегка сутулясь и часто оглядываясь назад, словно боялся, что я сбегу.

Я увидела их сразу же, как только вышла на мраморное крыльцо у парадного входа. С моего ракурса живописная компания расположившаяся внизу, в обрамлении двух белых колонн, смотрелась как праздничная глянцевая открытка.

На переднем плане теснились чемоданы, добротные и кожаные, с блестящими на солнце золочеными замками и пряжками они, словно сошли с рекламного плаката о путешествиях. Возле горы чемоданов стоял небрежно засунув одну руку в карман темно-синих вельветовых брюк, черноволосый и кудрявый мальчишка, на вид лет двенадцати. Его вторую руку крепко сжимала девочка лет пяти, такая же кудрявая и черноволосая. Кружева нарядного голубого платья, трепетали от легкого ветерка, огромный белый бант был похож на гиганскую бабочку, которая устала летать и уселась отдохнуть прямо на прелестную детскую головку. Позади стояла молодая женщина. Платиновые волосы уложены в идеальную "ракушку", белая блузка в меру обтягивает высокую грудь, тоже заслуживающую звание идеальной. Надо ли говорить, что в компанию этих "идеальностей" записались и стройные бедра под тонкой тканью серой юбки, и ножки в белых туфельках на высоких каблукках. Всем своим обликом она вдруг напомнила мне Мэри Поппинс, потерявшую где-то свой знаменитый зонтик. Завершал композицию большой, черный мобиль стоящий немного в стороне, он являл собой причудливую смесь гоночного автомобиля и разукрашенной серебряными позументами кареты конца позапрошлого столетия.

Проворный управляющий уже спустился с крыльца и приветствовал наших неожиданных гостей.

— Я рад видеть вас, несравненная Аврора Аркадьевна, рад видеть, — плотоядно урчал он целуя идеальную ручку в короткой, кружевной перчатке.

Аврора Аркадьевна снисходительно-насмешливо улыбалась, красиво морщилась, но ручку свою не отнимала.

Когда мне надоело в третий раз слышать фразу "Я рад видеть вас, несравненная Аврора Аркадьевна", я решила, что сейчас как раз настал мой выход.

— Я тоже рада, видеть вас и..., — немного запнулась пытаюсь вспомнить, упоминались ли имена детей Загряжского в дневниках Эммы.

Огорченно вздохнула. Нет. Эмма писала только о своей любви и о своих страданиях, о детях там не было ни одного слова.

Поняв причину моего замешательства мальчик гордо задрал острый подбородок и посмотрел на меня, словно на ничтожное насекомое.

— Меня зовут, Лиза, — радостно защебетала девчушка и присела скрестив загорелые, крепкие ножки в белых носках и синих туфельках.

Брат сердито дернул ее за руку и Лиза смущенно опустила взгляд голубовато-зеленых глаз. Из-под длинных, черных ресниц крупным бриллиантом скользнула слеза.

Идеальная Аврора Аркадьевна, нахмурила брови-ниточки и протянула девчушке носовой, снежно-белый платок.

— Елизавета, не вежливо влезать в разговор взрослых, — ее покрашенный красной

помадой рот ласково улыбался, а голубые глаза были холодны, словно у замороженной акулы.

— Эмма Платоновна, я прошу прощения, но ваш покойный супруг не успел оплатить проживание и обучение Александра и Лизы в нашем пансионате. Я, как директор этого заведения очень огорчена такими обстоятельствами. Конечно мы благодарны за ваши щедрые пожертвования, за постройку нового корпуса и за другие подарки, — Аврора Аркадьевна вдруг запнулась, порозовела и невольно поправила длинную нитку крупного жемчуга на точенной шейке. — Мартин Григорьевич, был необыкновенным человеком...

Она замолчала подбирая слова, а я усмехнулась. Кем же ты был Мартин Загряжский? Любящим отцом? Обаятельным, любвеобильным красавцем разящим женские сердца? Ловким альфонсом и прожигателем жизни? Мне уже этого не узнать, но твоих детей я не брошу, хотя бы потому, что ненавижу подлость во всех ее проявлениях.

— Аврора Аркадьевна, не надо лишних слов. Дети конечно же останутся под моей опекой. Ведь им грозит приют, не смотря на заслуги и щедрость моего мужа?

Женщина посмотрела на меня пристальным, оценивающим взглядом. Так смотрит успешная любовница на неудачницу жену. Этот взгляд был мне очень знаком. Так смотрела на меня любимая женщина Гоши, когда просила отпустить моего мужа. Я своего отпустила, а вот Эмме удалось избежать подобной просьбы. Впрочем граф Загряжский ушел не к любовнице, а значительно дальше, в небытие.

— Вот это, как я понимаю вещи детей? — я обвела руками гору нарядных чемоданов. — Прошу тогда отдать их документы, и можете быть свободной Аврора Аркадьевна.

Женщина замерла, затем фыркнула и резко протянула мне кожаную, светло-коричневую папку, которая лежала поверх одного из чемоданов.

— Здесь все! — отчеканила она ровным голосом.

Хлопнула дверца черного мобиля, мягко взревел мотор. Помесь гоночного болида с каретой, резко сорвалась с места и скрылась за длинной, пестрой клумбой.

— Она даже не попрощалась с нами! — изумленно всхлипнула Лиза.

— Нужно нам ее прощание, как прошлогодний снег, — совершенно неприлично сплюнул себе под ноги чернявый Александр.

— Не плюй на траву Шурик, она может обидеться. Густав Карлович помогите с чемоданами, как я понимаю слуг нам сейчас не найти. Лиза, детка возьми этот сверток, только осторожней там скрипка, а ты Александр надеюсь сможешь управиться с двумя вот теми кофрами, — я решительно подхватила ближайший баул и двинулась в сторону гаража.

Мальчик растерянно оглянулся в сторону дома.

— Мы, что уезжаем? Как там тебя... Эмма? Я и Лиза хотим есть и пить, уже время обеда, надо распаковывать вещи, покажи нам наши комнаты! — капризным голосом загудел Александр.

Я остановилась швырнула тяжеленный баул на газон и пнула его ногой.

— Вот именно уже время обеда, а у меня еще ничего не подготовлено!!! Завтра этот дом нашим уже не будет. Спасибо твоему папочке, постарался проигратся в пух и прах! Если не хочешь в приют Шурик, то будь добр помогай мне! Кстати, как ты относишься к Сибири?

Мальчик растерянно замер, заморгал прозрачными, как аквамарин голубовато-зелеными глазами.

— Сибири? Ну, там холодно..., — пробормотал он и пожал острыми плечами.

— Правильно там холодно, поэтому мы сейчас отнесем вещи в наш мобиль, затем

заглянем в кладовые и на кухню, возьмем провизии дня на три, надеюсь еще что-то осталось. Затем поищем самые теплые вещи, затем.... Гм... Затем вскроем сейф, — сказала я шепотом и проводила взглядом уже достаточно далеко отошедшего Густава Карловича.

— Вскроем сейф?! А ты можешь? — так же шепотом поинтересовался мальчик.

— Ты же мне поможешь? — с таинственным видом подмигнула я Александру.

Глаза мальчика сверкнули, он подхватил два чемодана и двинулся догонять управляющего.

Остаток дня пролетел как одна минута. По совету Густава Карловича я решила выехать поздно вечером через гору, что бы сократить путь и запутать возможных преследователей.

Я вела мобиль. Вернее, я держалась за руль большого темно-вишневого монстра, а он ехал сам. Мобиль нехотя катился вниз по склону горы, описывая крутые петли и восьмерки. У меня кружилась голова и дрожали руки. Внезапно после очередного крутого виража мы оказались на прямом как стрела и широком шоссе. Я облегченно выдохнула. Шурик тоже заметно расслабился, и только Лиза продолжала мирно посапывать на заднем сиденье удобно устроившись в шубах и пуховых одеялах.

Глава третья. Синие кристаллы

Ночное шоссе было на удивление пустым. Изредка нас обгоняли ярко сияя фарами, такие же поздние путники, как и мы. Мобиль мягко катился по ровной дороге. Я уже почти привыкла к своему монстру, и ощущала его как очень мощное, послушное транспортное средство. Радовалась, что выбрала именно его.

Дети спали под мерный шелест дороги и бархатное урчание мобиля. Лиза что-то неразборчиво бормотала во сне. Беспокойно ворочалась в ворохе одеял которые в торопях, толстой кипой были заброшены на задние сиденья.

Александр категорически отказался перебираться назад в уютное и мягкое гнездо из одеял. Он уже несколько часов мужественно боролся со сном. Отчаянно, громко зевал, тряс головой прогоняя сон и шелестел оберткой очередной конфеты. Из этого соревнования сон вышел победителем и мальчик тихо засопел откинув голову на мягкую спинку кресла.

Я тоже чувствовала себя очень уставшей, словно за прошедшие сутки я прожила целую неделю без отдыха и сна. Не успела принять решения съехать на обочину дороги и дожидаться утра, как мобиль замедлил ход, чихнул, вздрогнул и стал двигаться рывками, словно подавился чем-то очень большим. Видимо он тоже устал или же кончился бензин.

Мысль о бензине заставила меня вздрогнуть. Я покрылась холодным потом, когда поняла, что в суматохе поспешных сборов я совсем забыла проверить бензобак. Выругавшись матерным словом, опасливо покосившись на крепко спящего мальчика, я резко свернула на обочину. Посидела размышляя над неприятной ситуацией и решив, что утро вечера мудренее, открыла дверь и вышла наружу.

Запах дикой лаванды, словно стекал вниз с темно-синих склонов гор. Вокруг нас сомкнулась ватным одеялом тишина. Круглая луна кутаясь в клочья прохладного, серовато-белого тумана, как в побитую молью, старую шаль опускалась к горизонту все ниже и ниже. Мелкий кустарник суетливо ютился на пустынной, каменистой равнине усыпанной большими камнями. Между камней густо росла темная, бурая трава.

Повинуясь приказу мочевого пузыря, я прошла несколько метров подальше от мобиля. За небольшим поворотом, в стороне от дороги темной глыбой виднелась скала, а возле нее горели оранжево-красные огоньки костров. Приглушенно, издалека слышалось конское ржание, переборы гитарных струн. Ветер доносил обрывки разговоров и смех. Запах лаванды нагло потеснили запахи жаренного мяса, паленого пера и подгорелой каши.

Я настороженно, подозрительно застыла, размышляя над тем какую опасность может принести такое соседство. Вряд ли это были мирные туристы. Скорее всего совсем рядом расположился на ночлег цыганский табор. Люди они не самые надежные, но потерпеть их до утра можно. К тому же иного выхода у меня сейчас не было.

Вернувшись к мобилю, я проверила под ковриком наличие оружия. "Вот про бензин забыла, а оружие пропустить не могла!" — сердито бурчала я себе под нос, пытаюсь поудобней устроиться на широком кресле. Стянув с заднего сиденья одно их пуховых одеял, я укрыла им Шурика и накрылась сама. Заблокировала все двери, немного полежала разглядывая круглую, ехидно улыбающуюся луну и незаметно для себя заснула.

— Просыпайся Эмма, вставай соня! — разбудил меня веселый, мальчишеский голос.

От неожиданности я резко подскочила и тихо охнула. Онемевшие от неудобного положения мышцы не желали так просто просыпаться и отозвались недовольной, тупой

болью.

Очень осторожно, как дряхлая старуха вылезает из горячей ванны. я вывалилась из мобиля.

Солнце поднялось уже высоко, и сияло ослепляя глаза. Александр и Лиза сидели на большом камне, ветер весело игрался с множеством ярких фантиков от съеденных конфет.

Мне стало стыдно. Конфеты вроде бы, совсем не то, что должны есть на завтрак дети. Словно подтверждая мои мысли со стороны цыганского табора донеслись аппетитные запахи свежих лепешек.

— Эмма, мы съели почти все конфеты, но ты пожалуйста не волнуйся, мы и тебе немного оставили, — голосок Лизы похожий на щебет маленькой птички прозвучал совсем близко.

Девочка уже стояла рядом со мной. На протянутой, раскрытой ладошке лежала слегка подтаявшая, надкусанная шоколадка.

Я приняла этот простодушный дар. Что-то теплое вдруг заворчалось в груди, а на глаза к моему большому удивлению навернулись слезы. Слезы!!! Да, я не плакала с тех самых пор когда в шестилетнем возрасте упала с лошадки на каруселях. Родители всегда называли меня "стойким оловянным солдатиком."

Интересно, это я плачу или так действует на меня отчаянная плакса Эмма?

Александр был более сдержан.

— Эмма почему мы стоим? Тебя не беспокоит, что ты кажется выбрала не очень удачное место для стоянки. Посмотри, вон там расположился цыганский табор, — он махнул рукой в сторону наших соседей.

— Послушай, Шурик...

Я не успела договорить, мальчик вскочил с камня и швырнул горсть фантиков себе под ноги.

— Не надо называть меня Шуриком! Так звал меня только папа! А ты Эмма, нам просто мачеха, бестолковая и глупая мачеха! — он громко кричал и топал ногой.

— Хорошо, как скажешь Александр, — намеренно равнодушно сказала я. — Как тебя называть это не самое главное на данный момент. Твои слова справедливы, я действительно очень бестолковая тетка. Видишь ли, я совсем не позаботилась о том, что бы вчера проверить наличие бензина в бензобаке, и кажется мы здесь плотно застряли.

Мальчик прекратил свою истерику и с интересом взглянул на меня.

— А, что такое бензин? — спросил он с любопытством.

— Бензин, это еда для машины. Его заливают в бензобак и поэтому она двигается, — проговаривая слова почти по слогам, медленно объяснила я вредному скандалисту.

Александр на минуту замер. Сдвинув брови он думал над полученной информацией.

— Не знаю Эмма, что такое машина. Готов поверить тебе, что именно ее можно заправлять этим таинственным бэ-энзином, но каждый ребенок знает, что мобили работают на синих кристаллах. Их заряжают на зарядочных станциях специальными устройствами. Существуют конечно люди которые могут заряжать кристаллы, но их очень мало.

Я фыркнула и недоверчиво покачала головой. Но потом, решила проверить.

Подошла к мобилю с одной стороны, потом с другой. Темно— вишневые бока монстра были гладкими, никакого, даже малейшего намека на бензобак там не наблюдалось. Оставалось поднять капот, я справилась с этой задачей и пораженно застыла разглядывая сероватый, изредка подрагивающий синими искрами кристалл.

— Разрядился, — сокрушенно вздохнул Александр-Шурик за моей спиной.

Мальчик повернулся к сестре.

— Лиза, нам без тебя не справиться, ты можешь зарядить кристалл? — его голос дрогнул на мгновение, но тотчас твердо зазвенел. — Лиза, только не надо как в прошлый раз, не вкладывай всю силу, ладно?

— Хорошо, хорошо! — запрыгала веселым козленком девочка. — Я люблю заряжать кристаллы!

— Лиза! — строго прикрикнул на нее брат, но она его уже не слушала.

— Ты меня поднимешь, Эмма? — требовательно попросила малышка.

Я молча наблюдала за тем, как девочка приложила ладошки на покрытую пепельно-черной изморью поверхность камня. Закрыла глаза и что-то прошептала. Из-под ладошек брызнули веселые синие искры, разбежались проникая внутрь камня и через несколько минут он засиял ровным синим светом, как лампочка на новогодней елке.

— Ты только никому не рассказывай, ладно? Папа говорил, что это тайна, — прошептала Лиза и уставилась на меня прозрачными голубовато-зелеными глазами.

Я хотела согласиться, но меня отвлек неясный шум. Оглянувшись я увидела движение в мелком, невзрачном кустарнике. Встрепенулась буро-зеленая, высокая трава, из нее стайкой смуглых, чумазных птиц выпорхнули черноволосые, резвые ребяташки.

Сверкая голыми пятками они наперегонки помчались к табору.

— Ты видел, видел? Она заряжает кристаллы! — донеслись до меня восторженные, детские голоса.

— Собирайтесь, дети. Мы выезжаем. Завтракать будем на этой, как ее? — заторопилась я и с силой захлопнула капот.

— На зарядной станции, — подсказал мне Александр.

— Ну, да. На этой нарядной-зарядной станции, — пропыхтела я поднимая фантики с земли и борясь с неясным чувством тревоги.

— Дети давайте уберем за собой, фантикам место в мусоре, а не на природе.

— Сейчас, я помогу тебе, Эмма, — радостно поддержала меня Лиза.

Когда мы собрали цветные бумажки, то быстро уселись в мобиль. Александр сел рядом со мной, а за Лизой громко захлопнулась задняя дверь.

Неладное я заподозрила через пару километров. Слишком уж тихо было позади, слишком глухо.

— Шурик, ой прости Александр, погляди, от чего там притихла Лиза, может уснула?

Мальчик приподнялся и ловко скользнул между сиденьями.

— Тормози, Эмма, тормози! Лизы здесь нет! — закричал пронзительно и испуганно Александр.

Тормозить я и не подумала. Развернулась резко, визжа колесами и оставляя за мобилем крутой, черный след.

— Цыгане! — прорычала я, сквозь стиснутые зубы и яростно увеличила скорость.

Я чуть было не пропустила тот небольшой изгиб дороги за которым темной громадой возвышалась одинокая скала. Мелкие камешки испуганно брызнули из-под колес, всхлипнул ветками умирающий кустарник, упала раздавленная буро-зеленая трава. Мобиль словно дикий зверь, рыча и захлебываясь, на всей скорости пожирал пространство разделяющее нас и Лизу.

Мы успели как раз вовремя. Было видно, что табор в большой спешке собирался

покинуть стоянку.

Тлели тускло-красные угли в сером бархате пепла залитых водой костров, деловито сновали люди наспех собирая свои нехитрые пожитки, трепетали от ветра разноцветные. потрепанные кибитки. Торопливо обгладывали кости оставшиеся от недавней трапезы худые собаки.

— Александр, возьми винтовку под вашими чемоданами, и держи на прицеле тыл. Ты знаешь, что такое тыл? — ласково, что-бы еще больше не испугать бледного мальчишку, спросила я.

— З-знаю, Э-э-это пространство позади нас, — он заикался, острый подбородок дрожал.

— Молодец, Александр! Ты главное ничего не бойся. И не вздумай сомневаться когда придется нажимать на курок. Я, в тебя верю, ты храбрый, ты справишься. Ведь мы с тобой команда? — я обернулась к нему и подмигнула.

Мальчик что-то пытался сказать мне в ответ, я его уже не слушала. Гладкое тело огнестрельного монстра холодной рыбиной скользнуло мне в руки, как только я отвернула угол каучукового коврика. Я не знала насколько надежно это оружие, но выглядело оно достаточно внушительно. Как и все в этом мире оно представляло собой жуткую смесь дуэльного пистолета и революционного маузера.

Я сжала его покрепче и машинально отметила, что слабые и хрупкие руки Эммы, долго его не удержат. Значит надо всеми силами уходить от боя, призвать на помощь всю свою интуицию и практику ведения переговоров с бандитами. Там конечно, как уж пойдет, но без Лизы мы не уедем.

Покинув уже готовые тронуться в путь кибитки к мобилю спешили черноволосые и смуглые мужчины. Они возбужденно переговаривались, жестикулировали руками. Словно у хищных зверей сверкали белым оскалом зубы, хлопали по голенищам сапог короткие кнуты. Между ними сновали босоногие мальчишки, а женщины в ярких, пестрых одеждах выжидательно застыли возле запряженных повозок.

Я тоже застыла возле нашего мобиля и неотрывно, глаза в глаза смотрела на мужчину который возглавлял это агрессивно настроенное войско вооруженное кнутами.

Мужчина был молод, красив и выглядел крайне самоуверенным. Значит должность вожака досталась ему совсем недавно. Не приобрел он еще нужной мудрости и хитрости, изворотливости необходимой для ведения щекотливых дел.

Я немного расслабилась, возможно и удастся мне выграть это сражение бескровно, благодаря одной лишь дипломатии. Невинный вид Эммы играет мне сейчас на руку. Противник уже уверен, что окажется победителем слабой девушки и двух детей. Выдохнув я спрятала оружие за спину и уже спокойно поджидала толпу хищников в человеческом обличьи.

Не доходя с десятков метров толпа остановилась, замерла словно по команде, и лишь вожак скользящей походкой хорошего танцора приблизился ко мне почти вплотную.

Черные, бархатные глаза смотрели насмешливо. Черты лица были тяжеловатые, но правильные. Я бы сказала, что это были очень красивые черты лица. Над высоким, гладким лбом аккуратными волнами были уложены иссиня-черные волосы. Мелкие, блестящие пуговицы белой рубашки были небрежно расстегнуты и обнажали слишком густую поросль черных волос. Это выглядело так, словно черного барана вдруг решили нарядить в человеческую одежду.

Я не смогла сдержать улыбку и наверное допустила ошибку. Самоуверенный мачо

принял мою улыбку за заигрывание.

Он наклонился ко мне и жарко зашептал на ухо.

— Ну, что красавица нравлюсь? Таким беленьким цыпочкам всегда нравятся парни вроде меня. Может тоже решишь остаться в моем таборе вместе с девчонкой? Будешь за ней приглядывать, пока лет через пять я возьму ее в жены. Поверь белоснежка, ты не будешь в обиде, сил у меня хватит на нескольких жен.

Мужчина шептал достаточно громко, что-бы его слова услышала толпа позади нас.

Громкий хохот был тому подтверждением. Грубые шутки, улюлюканье и неприличные советы заставили меня морщиться от отвращения.

Вожак горделиво улыбаясь обернулся к своим людям, но тут же вздрогнул от негромкого звука взведенного курка. Дуло пистолета ласково и мягко уткнулось ему в кудрявую грудь, как раз с левой стороны.

— Я бы с удовольствием осталась с тобой, мой мохнатый красавчик, но увы, сейчас сюда нагрянет полиция. Я успела доехать до ближайшей зарядной станции и сообщить о похищении ребенка. Знаешь ведь, что за такое бывает? Боюсь, что весь твой табор много лет не сможет быть вольным.

Красивое лицо мужчины заметно побледнело. На гладком лбу выступила испарина, влажно заблестела в лучах яркого солнца.

— Ты врешь! — проблеял он, и сейчас был действительно похож на испуганного барана.

— А, ты проверь! Возможно ты хочешь не мучиться в тюрьме, и готов полить своей кровью эту чахлую травку? Промахнуться с такого расстояния мне будет очень трудно.

Мужчина повернул голову и что-то крикнул своим людям на незнакомом мне языке.

— Переведи! — потребовала я, с силой вжимая дуло пистолета в волосатую грудь.

— Я приказал привести сюда девчонку, она не годится мне в жены.

Воздух вокруг нас стал густым и горьким, секунды зависли в прянной смеси страха, ожидания и надежды.

Я не смотрела на толпу, все мое внимание было сосредоточенно на мужчине и оружии в моих руках, которые начинали подрагивать от тяжести пистолета.

Наконец раздался звонкий голосок Лизы.

— Эмма, я уже нагостилась в кибитке! Посмотри, что мне подарили Эмма!

Не оглядываясь назад, я закричала мальчишке, точно зная, что он выполнит мой приказ.

— Александр, возьми Лизу и садитесь в мобиль!

По звукам захлопнувшихся дверей, я поняла, что дети уже сели.

Мгновенно опустила оружие вниз и выстрелила в голенище начищенного до блеска сапога. Яростный крик боли провожал меня, пока я запрыгивала в мобиль. Послушный темно-вишневый монстр рванул с места, резко развернулся и понесся к дороге.

Радостно болтала на заднем сиденье Лиза, придумывая имена худому щенку, с торчащими ребрами под грязной шерсткой. Она совсем не поняла, что произошло с ней на самом деле. Вспоминала хорошую тетеньку Зиту и подружку Раду.

Мрачно молчал Александр, изредка бросая на меня удивленные взгляды.

Через пару часов мы все-же добрались до придорожной закусочной и зарядной станции. Заправили на полную мощность кристалл. Затем зашли в уютное помещение, уселись за чистенький столик.

— Александр, тебе заказать блинчики с мясом или с яблоками? — спросила я мальчика разглядывая меню.

Он помолчал, а затем робко дотронулся до моего локтя.
— Зови меня Шуриком, ладно?

Глава четвертая. Невероятно теплая встреча

Наше дальнейшее путешествие особых сюрпризов не принесло. Пару раз меня пытались обмануть при расчете за обед в придорожных трактирах. Один раз в нашу комнату, которую мы сняли, что-бы выспаться с удобствами, ломился какой-то пьяный постоялец. Он быстро изменил свои планы когда я окатила его ледяной водой из тяжелого, фаянсового кувшина для умывания. Его упрямый лоб наверное еще долго хранил багровый след, оставленный все тем же кувшином.

Чем дальше мы отъезжали от южного полуострова, который нежился в теплых объятиях ранней осени, тем холоднее становился воздух. По мере приближения к конечному пункту нашего длительного путешествия ветра становились злые, леса густые, а люди неприветливые.

К дому Агафьи Платоновны Хрящ, мы подъехали уже в глубоких сумерках. Ранний снежок мерно сыпался из из прохуdivшейся прорези темно-синих, холодных небес. Мрачно шумели высокие сосны и ели, дом темной громадой едва различался на фоне насупившегося, неприветливого леса. Дорога по которой мы приехали вела дальше в большой и густонаселенный по здешним меркам город.

Мы едва не проскочили мимо Агафьиных владений, но в последнюю минуту, высокий дом и строения вокруг него, словно выпрыгнули из мрака и затрепыхались пойманные в золотую сетку света, щедро льющегося из фар мобиля.

Пришлось спешно тормозить. Дорогу к вечеру покрыло тонкой корочкой льда, мобиль потерял равновесие, заскользил, как подвыпивший человек и с громким треском протаранил довольно крепкий, деревянный забор.

Доски, словно выбитые крепким кулаком в пьяной драке зубы, посыпались в разные стороны, а мобиль влетел на запорошенное снегом обширное подворье и остановился.

Звонко затыкал щенок Лимон, получивший свою кличку за светло-рыжую, почти желтую шерсть, которая обнаружилась после того, как мы с детьми его искупали. Испуганно вскрикнула проснувшаяся Лиза, тихонько сквозь стиснутые зубы выругался Шурик и мгновенно прикрыл ладонью рот, под моим строгим взглядом.

Приказав детям пока сидеть в мобиле, я вывалилась наружу. Саднил ушибленный о стекло лоб, от серьезой травмы меня наверное спасла меховая шапка, купленная вчера на придорожной ярмарке. Хорошо, что Шураик в этот раз спал на заднем сиденье, сражаясь за место с Лизой.

Я огляделась вокруг. Обширный двор кое-где порос диким кустарником. Большой и высокий, двухэтажный дом стоял в глубине двора недружелюбно нахохлившись.

Длинное одноэтажное строение было совсем рядом, в его окнах неожиданно вспыхнул желто-оранжевый свет. Послышался глухой лязг открываемых замков и распахнулась тут же подхваченная порывом ветра большая, тяжелая дверь. На высокое крыльцо выкатилась круглая фигура в тулупе и с ружьем целящимся куда-то в небо.

— Стой, где стоишь, ирод! — приказал мне визгливый женский голос, а затем завопил оглушительной сиреной. — Да, что же это делается, люди добрые! Ездить тут всякие, заборы ломают! Вот как дробью всыплю тебе в задницу, до весны сидя кушать не сможешь!

Злобная тетка стояла на крыльце, топала ногами обутыми в высокие валенки и вопила, словно иерихонская труба.

Она наверное еще долго бы грозила мне и моим предкам до десятого колена всеми карами небесными, но слушать такие складные проклятия мне становилось все холодней. Пронзительный ветер сбивал с ног, желудок требовал горячего ужина, а тело мечтало о мягкой, пускай и холодной постеле, к тому же сильно ныл ушибленный лоб.

— Послушайте, уважаемая! Мы приехали и хотим спокойно переночевать. Сейчас на дворе ночь, если вы заметили! — в свое обращение к злобной фурии, я постаралась вложить все свое миролюбие.

Услышав тонкий и нежный девичий голосок, тетка на миг прекратила изрыгать угрозы. Но благодатная тишина длилась недолго.

— Проваливай отсюда, девка! Мы на ночлег не пускаем. Знаем мы таких, прикинутся овечкой, а потом с моим мужем на сеновале милуются! В город поезжай, тут уж недалеко осталось. Ездют тут всякие фифы, заборы ломают! — опять начала заводиться тетка.

Мне стало смешно, я представила, как прошмыгну в дом и с места в карьер примусь соблазнять незнакомого мужика.

— Так сеновал снегом уже замело, ваш муж в полной безопасности! — выкрикнула я и захихикала.

Мой смех явно тетке не понравился.

— Давай, давай проваливай я сказала! Еще на смех, она меня подымать будет! — опять распалялась женщина.

Мне уже порядком надоел этот концерт и я вздохнув открыла дверь мобиля, достала из под коврика привычным жестом оружие.

Женщина видимо в душе была артисткой, свое выступление даже перед такой малочисленной публикой, она прерывать не собиралась. Под злобную но складную теткинуну речь, я добралась до высокого крыльца.

Видимо заезжая девица ей особого страха уже не внушала и поэтому тетка подпустила меня слишком близко. Она запнулась на полуслове, когда холодное дуло нырнуло под сбившийся от жарких речей и выразительных жестов, пуховый платок.

— Уважаемая, как вас по имени и отчеству?

Я изо всех сил старалась, что-бы мой голос звучал мирно и ласково.

Тетка вздрогнула, громко ойкнула и выронила из рук ружье.

— Екатерина Васильевна, — хрипло просипела она, словно вдруг подавилась сырой картошкой.

— Екатерина Васильевна, Катя, — задушевно начала я беседу. — Послушайте Катя, я приехала сюда не на ночлег проситься. Я приехала сюда, как хозяйка. Наследство мне досталось от тетушки покойной, Агафьи Платоновы Хрящ. Вы ведь, Екатерина Васильевна, знали такую?

Тетка согласно закивала головой и промычала что-то неразборчиво. Очевидно запас слов она уже израсходовала.

— А теперь вопрос, Катя. Что вы тут делаете? Почему живете в чужой собственности в обход закона? Может быть мне стоит съездить за полицией? До города, совсем близко, сами ведь говорили.

Я по опыту прошлой жизни знала, что такие злые и многословные тетки, больше всего на свете боятся разбирательств с полицией и законом.

— Так вы дочкой Платона Платоныча будете? Что же вы сразу то не сказали? Сейчас побегу, мужа разбуду, мы дверь то в дом хозяйский откроем, печку да каминчик в большом

зале растопим, ужином горячим гостьюшку дорогую накормим, чайком с медом напоим! — запричитала ласковой скороговоркой Екатерина Васильевна, еще минуту назад бывшая злобной теткой.

Я усмехнулась убирая оружие. Чудеса творит вовремя примененный, тяжелый аргумент.

А тетку уже, словно ветер с крыльца сдул. Мягко затопали обутые в валенки ноги, захлопали торопливо открываемые двери.

— Степан, вставай! Хватит спать! Молодая Хрящиha пожаловала, принесли ее черти на ночь глядя! — говорить тихо, Катя видимо просто не умела.

Глава пятая. Сладкие Хрящики

Проснулась я рано. В огромной "зале", как вчера назвала эту комнату ставшая вдруг вежливой и ласковой Екатерина Васильевна, было уже тепло.

Глели в камине дрова, вдруг изредка вспыхивая яркими языками пламени. Их отчаянные, смелые попытки вновь разгореться и не погаснуть, тут же ловили старинные изразцы, отображая в своих белых выпуклых поверхностях желто-оранжевые всполохи.

Робкий серый свет проникал в частые, но не слишком большие окна и выхватывал из сонной пелены контуры темной, громоздкой мебели. Белыми, пугающими привидениями кружились вокруг стола, заботливо укрытые чехлами стулья с высокими спинками.

Золотыми искрами в такт изразцам вспыхивали завитушки на резной и тяжелой раме, которая обрамляла огромную картину висевшую над камином. Кажется там был нарисован чей-то портрет.

Мой рот не успевал закрываться от сладких, протяжных зевков. Ноги словно ступали по холодному льду, когда я пересекала большую комнату направляясь к камину. Если сейчас не подбросить дров в его черное жерло, то слабые сполохи огня грозились потухнуть.

Щедро подброшенные березовые поленья сухо застучали, словно кастаньеты испанской танцовщицы и тут же вспыхнули ярким красным пламенем. Оно взметнулось и озарило комнату.

Я вскинула руки и с хрустом потянулась, радуясь теплу и надежной крыше над головой, чувствуя себя отдохнувшей и полной сил.

Вдруг вздрогнула от ощущения пристального, изучающего взгляда. Кто-то явно меня рассматривал сверху.

Я отступила два шага назад, задрала голову, растерянно подняла глаза и оторопела.

На огромной картине была изображена женщина. А само полотно возможно принадлежало кисти очень талантливого художника. У меня создалось впечатление, что картина освещается не пламенем бушующим в камине, а своим собственным, внутренним светом, словно за полотном мерцала дюжина свечей.

Фигура на картине была изображена вполоборота, сидящей за круглым столом, покрытым тяжелой, бархатной скатертью.

Лицо женщины было мне очень знакомо. Через секунду я поняла где ее видела совсем недавно. Это было лицо Эммы, к которому я уже привыкла и постепенно начинала считать своим.

Только на картине Эмма была старше лет на сорок и тяжелее килограммов на пятьдесят.

Густые волосы цвета переспелой пшеницы заплетенные в толстые косы, уложены вокруг головы роскошной короной. Черные глаза под соболиными бровями смотрят кажется в душу, а крохотная родинка над верхней губой, кажется сейчас дрогнет от едва сдерживаемой улыбки.

Я машинально дотронулась до своей родинки над верхней губой и отдернула руку. Мне показалось, что женщина на портрете насмешливо выгнула бровь. От этого движения дрогнула серьга в ее маленьком ушке, затрепетала золотой дужкой отбрасывая красным камешком розовые отблески на раскинутую колоду карт, тщательно и детально прописанных. Или это был отсвет горящих, березовых дров в камине?

Агафью Платоновну, а это несомненно ее портрет украшал главную комнату в доме, художник изобразил раскладывающей пасьянс на зеленом бархате вышитой скатерти. А возможно женщина гадала на картах?

В этих тонкостях я не рабиралась. В моей семье ценились шахматы и логика, а не сомнительное везение в карточной забаве, именно так называл все карточные игры мой отец. Он хоть был человеком творческим, но поклонялся философии разума и закономерности. Видимо именно эти качества он передал мне по наследству и подтолкнул к работе в полиции. Хотя сам был против нее.

Вспомнив о своей настоящей семье, в которой фамилия Хрящ, была бы просто немислимой, я тряхнула головой избавляясь от минутного морока.

— Логика и еще раз логика, вот девиз трезвомыслящего человека, — пробормотала я себе поднос. — Хотя надо признать, что художник написавший этот портрет, был не просто талантливым, а супер гениальным.

Я старалась говорить беспечно, что-бы не дрогнул голос, не задрожал испуганно.

Агафья Платоновна на портрере казалось выслушала меня внимательно, слегка наклонила голову и опустила глаза на зеленую скатерть, где в сложном узоре разместились карты. Затем она едва заметно подтолкнула одну из них своим длинным, унизанным перстнями пальцем.

Я икнула от неожиданности, но к карте присмотрелась. На гладком, почти настоящем кусочке картона, победно и нагло улыбался бубновый король.

— Что ты хочешь мне этим сказать, моя дорогая тетушка? Не будем притворяться, ты мне просто мерещишься из-за того, что вчера я сильно приложила лбом о стекло мобилы. Вон на нем даже шишка уже проклюнулась, — я потерла рукой лоб, ощутив под пальцами приличную "гулю", потрясла головой. — Слушай, а может быть вчера эта злобная Екатерина, мне что-то в чай подмешала?

Я отступила еще один шаг назад, что бы лучше рассмотреть портрет и стыдливо хмыкнула.

Портрет, как портрет. Не самого лучшего качества. И почему я решила, что это шедевр гениального художника? Обычное творение местного мазилки.

— Все же ты нарисованная... Блики из камина наверное виноваты. Причудливая игра света и тени. Огонь колеблется, ты двигаешься...

Я резко оборвала свою речь, так как осознала, что разговариваю с портретом!

От звука моего громкого голоса проснулся Лимон, он весело затыкал и смешно перебирая лапками по пыльному, но все еще скользкому паркету подбежал ко мне. Маленький, холодный и мокрый нос ткнулся мне в босую ногу. Толстенький, откормленный в дороге, светло-рыжий клубок шерсти, завертелся волчком требуя взять его на руки.

Я уступила его радостному напору и подняла повыше, поднесла к портрету. Мне хотелось узнать, как щенок отнесется к загадочному полотну. Говорят, что животные видят больше чем мы. Мысль конечно была глупая, но от чего не попробовать? Вдруг все было реальным, и тетенька на портрете двигалась? Я ведь сама совсем недавно, совершила невероятный скачок во времени и мирах. По сравнению с этим, оживший портрет такая ерунда!

Щенок вертелся в моих руках и перебирал лапками, словно собрался плыть. Вдруг он замер, вытянул мордочку к портрету и зарычал. Шерсть поднялась у него на загривке, обнажились белые клычки в крошечной и совсем не страшной пасти.

Громко треснуло поленье в камине, полыхнуло пламя ярким заревом. Агафья Платоновна плавным движением поправила шаль на округлых плечах, нагнулась над столом и подула прямо в нос рычащему щенку. Повеяло ледяным холодом.

Лимон испуганно завизжал, теплая струйка влаги побежала по моим рукам. От неожиданности я тоже взвизгнула. Щенок затих и покосился на меня черной бусиной глаза.

Я не успела опустить его на пол, как розовый, маленький язычок вдруг высунулся из пасти и лизнул холеную руку на полотне.

Агафья Платоновна брезгливо сморщилась, вытерла руку о край расшитой розами шали... и подмигнула мне волооким глазом.

Лимона я выронила из рук и еле успела подхватить возле самого пола. Он обиделся и смешно поковылял к большому дивану, где еще спали Лиза и Александр. Вчера мы решили спать все вместе, что бы скорее согреться в холодном, нетопленном доме.

Вид мирно спящих детей, не дал мне впасть в панику. Ну, не показалось мне все, не привиделось. Разберемся!

Я пожалала плечами и отвернулась от портрета, спиной ощущала пристальный взгляд.

От нашей с Лимоном возни проснулась Лиза. Она потянулась под ворохом пуховых одеял, затем энергично спихнула их ногами в сторону.

— Доброе утро, Эмма! Мне уже жарко! Я сейчас с удовольствием доела бы вчерашние блинчики, там не осталось хотя бы кусочка? — затараторила едва проснувшаяся девочка.

Розовые пятки Лизы, завернутый как в кокон из одеял Шурик, карабкающийся на диван Лимон, заставили меня полностью прийти в себя. Не хватало еще, что бы дети испугались этих маленьких странностей с портретом.

— Ты права Лизок, завтрак нам необходим. Сейчас пойду на разведку, узнаю все. Вы только к камину близко не подходите!

Я быстро оделась, оглянулась выходя из комнаты и погрозила пальцем портрету. Агафья Платоновна, едва заметно кивнула головой, словно поняла мои угрозы.

Ветер утих, солнце зевая вставало из-за темной стены леса. Оно окрасило в нежно-розовый цвет выпавший за ночь снежок, красно-оранжевой краской мазнуло по прямым стволам могучих сосен.

Я спустилась с крыльца и осмотрелась вокруг. Совсем другим при свете солнца показалось мне широкое подворье с постройками.

Дом все так же высился над всеми громадой. Но только мрачным и темным он уже не был. Оранжевым, почти апельсиновым цветом щеголял его первый этаж, сложенный из прочных кирпичей.

Благородной, темной охрой мерцали на солнце бревна второго этажа. Резные наличники, белым кружевом празднично обрамляли множество небольших, но частых окон. Затейливая резьба струилась по столбам поддерживающим большой козырек над крыльцом.

За домом были какие-то хозяйственные постройки, а вот впереди его выступало длинное, высокое, рубленое из объемных бревен, добротное здание. Видимо это и был трактир с постоялым двором, который временно служил жильем вредной Екатерине Васильевне и ее мужу.

На то, что я не ошиблась в своих выводах указывали старательно, но довольно грубовато выточенные из дерева буквы. Они важно расселись на резном козырьке обширного крыльца.

"СЛАДКИЕ Х..ЯЩИКИ" — гласила надпись. Сначала я не уловила смысл этого названия, но улыбнулась, когда рассмотрела, что буква "Р"наверное давно уже упала вниз и

держалась на едином гвозде за свой длинный, слегка сколотый хвостик. Утренний ветерок раскачивал ее, словно скрипучий маятник старых часов.

Мне подумалось, что для постоянного двора и трактира прежняя хозяйка выбрала довольно странное название. Что она имела ввиду, когда заказывала эти буквы? На что намекала, когда сама носила фамилию Хрящ, а в простонародье звалась просто Хрящихой? Мое профессиональное чутье вдруг сделало стойку, словно охотничья собака взявшая след.

Я на ходу нежно погладила грязный бок верного мобиля, отметив про себя, что он не сильно вчера пострадал когда таранил забор.

— Отремонтируем тебя, ты только потерпи! — шепнула я ему.

Возле крыльца, которое охраняли буквы, было очень много следов. Они четко читались на выпавшем за ночь снежке. Вот мягкие следы валенок, они ведут в соседнюю постройку, судя по широким, приоткрытым дверям, это гараж. Об этом говорит и то, что следы валенок исчезли, а следы колес появились.

Я не поленилась, прошла за рифленным, четким следом и вышла на дорогу. След от колес плавно впетался в другие, оставленные проехавшими мимо нас с утра мобилями. Но судя по лихому развороту, кто-то не больше пару часов назад отправился в город.

Я хмыкнула и возвратилась назад. Поднялась на крыльцо добавляя свои следы в общий суматошный рисунок. Задумалась на секунду стоит ли мне стучаться в собственные владения или же на правах хозяйки надо открывать дверь не стесняясь и желательно ногой?

Усмехнулась своим мыслям, кажется я превращаюсь в настоящую Хрящиху!

Поднесла руку к двери, что бы деликатно постучаться, но не успела.

Дверь вздрогнула, рывнула и сбила меня с ног. Больше всего досталось моему многострадальному лбу. От боли у меня на миг потемнело в глазах. Я бы наверняка скатилась бы с высокого крыльца, пересчитав все тринадцать ступенек в обратном порядке, но меня подхватили сильные руки.

— Ох, хозяйка! Прошу покорнейше меня простить! Вот, ведь как оно вышло! — басил надо мной кто-то пахнувший сладким табаком и овчиной.

Я открыла один глаз, потом другой. В ореоле солнечных лучей, словно в светящемся нимбе надо мной склонилось мужское лицо.

Светлорусые усы шевелились над твердого рисунка губами, пронзительно голубые глаза смотрели на меня с тревогой.

— Муж, — простонала я.

— Чего? — опешил мой спаситель.

Я уже вырвалась из его крепких объятий, и сердито отряхивала свою короткую шубку.

— Ты муж, Екатерины Васильевны? — требовательно и высокомерно, как и положенно истинной Хрящихе начала я свой допрос. — Твоя жена, что с утра в город уехала? По каким, таким делам позволешь поинтересоваться?

Молодой мужчина переминался с ноги на ногу, смущенно таращил на меня голубые глаза. Высокий и крепкий, с лицом, словно сошедшим с иллюстраций к скандинавским сагам, он был явно красив и явно значительно моложе своей жены. Я вчера не рассмотрела его.

Но теперь стало понятно, что такое сокровище, женщина была готова защищать с ружьем в руках. Стало весело, я улыбнулась.

Мужчина напротив меня тоже улыбнулся и сдернул в головы шапку. Светло-русые кудри волной рассыпались по его богатырским плечам.

Моя улыбка медленно гасла на губах. "Бубновый король из колоды Агафьи Платоновны?" — предположила я и моментально нахмурилась.

Глава шестая. Ответы на некоторые вопросы

Степан оказался на редкость немногословным и покладистым. Все мои хозяйские распоряжения выполнял быстро и расторопно, а вот на вопросы реагировал странно. Он то невнятно бормотал, при этом глупо тараща голубые глаза, то его начинал мучить не вовремя возникший кашель, то вдруг нападала на него внезапная глухота.

Все мои попытки его разговорить терпели поражение. У меня создалось впечатление, что он втихомолку посмеивается надо мной, считая себя слишком хитрым и изворотливым. Но, он еще не знает с кем связался!

После того как мужчина принес нам завтрак, состоящий из горы разогретых блинов, свежей сметаны и чая, а затем при добровольной помощи Шурика расчистил дорожки от снега, вырубил заросли дикого кустарника вдоль забора, я призадумалась над тем, чем бы его еще нагрузить. Никогда не думала, что иметь безропотного и исполнительного работника так приятно, к тому же у меня возникло много вопросов. Например, почему они с Екатериной живут в самом здании трактира, а не в одном из небольших домиков, которые обнаружились за хозяйским домом. Почему большая, рубленая баня давно не используется и вызывает у богатырского вида мужчины, явный страх. Почему..., этих почему у меня набралось изрядное количество, а вот ответов на них я еще не получила.

Лиза и Шурик увлеченно лепили снеговика. Выросшие на юге, они воспринимали снег как неведомое доселе чудо. "Надо же, он не только белый и холодный, а еще и лепится словно глина!" — удивлялась Лиза, пыхтя и сопя, упрямо стараясь скатать первый шар. Ей помогал Шурик и конечно же Лимон. Мои советы они не слушали, говорили, что снеговиков на картинках видели, и все-все о них знают. Я махнула на них рукой.

Окинула взглядом свои доставшиеся в наследство владения и обрадовалась. Вот ведь! Новое дело для работника наметилось! Буква "Р" болталась маятником, скрипела и служила игрушкой для проказливого ветерка.

— Степан, — мой голос звучал вкрадчиво и даже нежно. — Степан, а есть ли у нас в хозяйстве большая лестница? Такая большая, чтобы достать до букв, на высоком козырьке крыльца?

Мужчина посмотрел на меня внимательно, сокрушенно покачал головой.

— Неужто Эмма Платоновна, букву решили на место поставить? Давно пора конечно. Она ведь в тот самый день, как старая Хрящ... — Ох, Агафья Платоновна, отравились и мир иной отошли, так значит и буква упала. Когда ветер сильный, скрипит она родимая, словно жалуется. Моя Катюша, говорит, что не к добру это, знак плохой, как гроб вынесли так и буква хлоп и повисла! — он округлил глаза и понизил голос до свистящего шепота.

Я встrepенулась, причины смерти тетушки Эммы, мне были не знакомы, а отравление это несчастный случай. В моей практике следователя, половина несчастных случаев таковыми вовсе не являлись.

— А чем отравилась Тетя Агата? — спросила я беспечным тоном, что бы не вспугнуть разговорившегося вдруг Степана.

Он покосился на меня голубым глазом, досадливо потер щеку.

— Так грибами она отравилась на поминках, которые по Аньке, Глашке и Юленьке справить решила. Девки они были безродные, а Хрящ..., тьфу ты! — мужчина вздохнул и виновато зыркнул на меня, словно подснежник бросил. — Агафья Платоновна, говорю,

женщина была доброй, слуг не обижала.

— Ой, страсти какие! Но если она слуг не обижала, так от чего тогда эти, как их? — я запнулась, усердно играя дурочку нежную и бестолковую.

— Анька, Глашка и Юленька, — подсказал мне Степан. — Они в бане угорели, пошли попариться и угорели, — мужчина вздохнул протяжно и тяжело.

— Прямо все трое и угорели? — прикрыла я в напускном испуге ладошкой рот.

— Почему трое, все шестеро! — голос Степана теперь звучал мрачно и торжественно, словно он произносил последнее слово на похоронах.

Я ладошку от лица не убрала, так как вдруг захотелось рассмеяться. Заливисто и истерично.

Вот так дела творились в "Сладких Хрящиках"! Вот так наследство мне на голову упало!

— А, шестеро почему? Кто еще в этот день водные процедуры вместе в девушками принимал? — с нервным смехом мне справиться удалось минуты через две.

— Так известно, кто. Кондрат Филиппович, он самым богатым купцом в округе был, Ибрагимка Пришлый — он золотишком промышлял и Виктор Павлович — полковник местного гарнизона, — проговорил скороговоркой мужчина и тут же решил сменить тему нашей беседы. — Лестница большая имеется, букровку ладить на место будем или как?

— Будем, будем, — рассеянно закивала я головой.

Мои мысли были далеко. Буква "Р" больше меня не интересовала. "Это, что же получается? Агафья Платоновна, не только трактир с постоянным двором держала, а еще и притоном не брезговала? Веселая у меня тетушка была, хм... Хрящика одним словом. Чувствую, что придется мне в это дерьмо с головой окунуться!"

Лестница натужно скрипела под большим телом мужчины, шаталась и грозила завалиться на правый бок. Я как могла удерживала равновесие этой громоздкой штуки, но силы меня покидали. Пыхтя и напрягаясь, я дала себе клятвенное обещание, что непременно возьмусь за тренировки, не дам зачухнуть слабому тельцу Эммы.

Пока я мечтала, что стану сильной, Степан прибил на место букву "Р" новенькими, блестящими гвоздями. Он отложив молоток и потянулся за следующим гвоздем. Лестница не выдержала такого сильного перекося, она словно насмехаясь над моими стараниями, отклонилась от опоры, застыла почти вертикально, а затем плавно начала заваливаться на правый бок.

— Степанушка, держись! — проорал у меня над ухом визгливый и испуганный голос.

Лестница заскрипела, задрожала и выровняла равновесие. Крепкая, похожая на маленького бегемотика, Екатерина Васильевна, отважно подставила свое плечо, отпихнула меня, словно легкую пушинку.

— Да, что же ты творишь! Чужих мужиков гробить удумала?! Вот сейчас с тобой полиция и разберется, вдруг самозванка ты какая? Приехала, да еще не сама, детишек каких-то притащила! А документов, то и не показала. Валериан Антонович, вы документы у девицы то проверьте, здается мне, что она на чужое добро позарилась, — голос у меня над ухом обличительно верещал. — Степанушка, что же ты там зависишь? Спускайся, не бойся, я лестницу крепко держу! — голос женщины сразу стал ласковым, почти нежным, словно она обращалась к несмышленому ребенку, а не к плечистому и здоровому мужчине.

Степан досадливо крякнул, где-то там наверху. Молоток тяжело просвистел в воздухе и плюхнулся почти рядом с голосистой Катериной. Сам мужчина лихо спрыгнул, потеснил свою жену в сторону.

— Давай Катя, я лестницу на место отнесу, — он легко приподнял и отодвинул свою супругу в стороночку.

— Екатерина Васильевна, совершенно права. Будьте любезны гражданка, покажите мне документы на владение имуществом, и свое удостоверение личности. А так же, хотелось бы узнать, кем вам доводятся дети, — мужчина кивнул на играющих в снежки Лизу и Шурика.

Я смотрела на представителя здешней власти. Мужчина, голос которого звучал вкрадчиво, словно он собрался меня соблазнить, подкрался совсем незаметно.

— Не правильно, вы разговор начинаете господин хороший, не по инструкции. Если вы представитель закона, то будьте добры представиться, и документ соответствующий показать, — отчеканила я, глядя в серые, холодные глаза.

Высокий, незнакомый мужчина усмехнулся узкими губами, выгнул черную, широкую бровь. Неторпливо снял форменную фуражку с кокардой.

— Добужинский Валериан Антонович, начальник здешней полиции. Прошу любить и жаловать. Кстати удостоверение личности, можете барышня уже не показывать. Одно лицо с покойной Агафьей Платоновной, одно лицо, — он задумчиво пригладил короткий ежик светло-русых волос, холеной рукой с длинными пальцами.

Меня, словно током ударило. "Еще один бубновый король из колоды карт моей мутной тетушки?" — подумала я, а сама невинно захлопала глазами и обворожительно улыбнулась.

— Ваша тетушка, признаюсь вам Эмма Платоновна, была женщиной незаурядной, — голос моего незваного гостя рокотал, переливался оттенками выставленной на показ грусти и смиренного почтения.

Мужчина стоял напротив портрета бывшей хозяйки "Сладких Хрящиков" и с удовольствием потягивал из хрустальной рюмки коньяк, большие запасы которого были обнаружены мной в мрачном, резном буфете.

Я стояла рядом с ним и пытаюсь объяснить себе занятное и очень интересное явление.

Агафья Платоновна, чье изображение навеяло на моего гостя столько грусти, на портрете хмурилась, едко сверлила взглядом задумчивого Валериана Антоновича. Иногда недовольно морщилась, словно от зубной боли и нервно барабанила холеным пальчиком украшенным массивным перстнем с зеленым камнем по переливающемуся бархату скатерти. Явно злилась моя покойная тетушка, явно злилась.

Но начальник полиции этого не видел. Он спокойно смаковал дорогой коньяк, слегка кривился и щурил серый глаз, когда заглатывал очередную дольку, тонко, почти прозрачно нарезанного лимона. Он любовался или же старательно делал вид, что любит огромный, парадным портретом.

Я встретилась с тетушкой взглядом и незаметно погрозила пальцем сердитой Агафье Платоновне, призывая ее к благоразумию. Она непокорно тряхнула головой, словно норовистая лошадь, еще более нахмурила соболиные, старательно прописанные художником брови.

Беззвучно охнув, я покосилась на Добужинского Валериана Антоновича.

Мужчина был абсолютно спокоен, с удовольствием потягивал коньяк и кажется никаких странностей в портрете не видел.

Я спокойно выдохнула и уже полностью уверилась в том, что все эти телодвижения и ужимки Агафьи Платоновны, кажется могу наблюдать только я. Ну, еще наверное щенок Лимон, если ткнуть его носом в портрет.

Задумавшись о том, что вдруг все же страдаю галлюцинациями, я вздохнула и пригубила ароматный коньяк из своей рюмки. О галлюцинациях подумаю позже, а теперь надо думать о насущном. Деликатно взяла мужчину под локоть, увлекая его за круглый, накрытый новой, красивой скатертью стол. Он был накрыт на две персоны и уставленный угощениями. Тонко нарезанный балык, сочно розовел на широком блюде, рядом скромно притулилась темно-красная в белую крапинку мелко сала, копченая колбаса. Желтоватый сыр гордился крупными дырками. Маслянисто поблескивали в прозрачном хрустале салатницы крепкие грибочки.

Надо признать, что Екатерина Васильевна, не только громко кричать была мастерицей. Она мигом сориентировалась в новой обстановке, опять на глазах превращаясь из бдительной и злобной фурии в расторопную и вежливую прислугу.

Пока мы с Валерианом Антоновичем разбирались с документами, она успела наспех прибраться в гостиной и накрыть для дорогого гостя стол. Даже детей увела наверх, соблазнив их миской с румяными пирожками. Сейчас судя по разговору глухо доносившемуся из таинственных глубин второго этажа, Лиза и Шурик увлеченно выбирали себе комнаты.

Плотно прильнув к крепкой руке местного начальника полиции я подвела его к столу. Он галантно отодвинул для меня стул. Сам сел напротив меня, глядел пристально и улыбался улыбкой чеширского кота.

— Валериан Антонович, у меня к вам будет одна просьба. Вернее их будет несколько. Вы же не откажите бедной вдове с двумя детьми, которая вынуждена обживаться в ваших суровых краях? — мой голос был вкрадчивым.

Я решила полностью сменить свою тактику. Что толку "бодаться" с местной властью? Ласковая и беспомощная вдовушка выиграет больше, чем бескомпромиссная дева-воительница. Такое поведение было для меня несвойственно и где-то на задворках сознания мелькнула мысль о том, что настоящая Эмма была еще той притворщицей. Я удивилась этой внезапной мысли, но додумывать ее не было времени.

Надо признать, что образ нежной девы подействовал на размякшего от хорошего коньяка мужчину, весьма положительно.

— Эмма Платоновна, я всегда готов вам служить, — очевидно коньяк благотворно действовал и на голос Валериана Антоновича, он звучал, словно бархатный рокот кота, которого почесали за ушком.

— Вы конечно понимаете, уважаемый Валериан Антонович, что содержать такое огромное хозяйство в одиночку мне будет весьма затруднительно...

Я не успела договорить, как горячая рука доверительно накрыла мою ладонь.

— О-оо! Я конечно же вас понимаю. Слабой женщине с двумя детьми держать "Сладкие Хрящики", будет весьма и весьма трудно. Но вы не волнуйтесь. У меня уже есть на примете один уважаемый человек, который с удовольствием купит ваше имущество, и прошу заметить, что даст он за это все, очень хорошие деньги. А уж с деньгами, вы Эмма Платоновна...

Мы оба вздрогнули от внезапно громко затрепавших дров в камине. Я невольно посмотрела на портрет тетушки.

Агафья Платоновна приподнялась со своего места и отрицательно трясла головой. Слезы катились из ее черных очей, а губы дрожали.

— Вы меня не правильно поняли, Валериан Антонович! Продавать свое наследство я

вовсе не собираюсь! Мне всего то нужен штат слуг верных и надежных. Вот я и хотела попросить вас об одолжении. Вы людей здешних знаете и...

— Эмма Платоновна! Вы совершаете большую, просто огромную ошибку! Послушайтесь моего доброго совета! Не управитесь вы со своим наследством. Это было под силу только Агафье Платоновне. Ее все любили и уважали, прислушивались к ее мудрому слову! — мужчина прервал меня бесцеремонно и напористо.

Я сложила руки на столе, словно усердная ученица, слушающая разозлившегося учителя. Опустила глаза, рассматривая золотисто-голубые узоры на шелковой скатерти.

— Так любили и так уважали, что решили ненароком отравить? — спросила я сухо. Играть глупую вдову просто уже не было сил.

Мужчина поперхнулся очередным глотком коньяка. Медленно вытер белой салфеткой узкие губы. На меня смотрели колючие серые глаза в которых не было ни капли хмеля.

— Так вы уже все знаете? Это к лучшему. Теперь вы должны понимать, что "Сладкие Хрящики", совсем не для вас. Кстати, вашу тетюшку никто не травил. Несчастный случай. Так бывает, — процедил он холодно и пожал широкими плечами.

Я погладила гладкий шелк скатерти и вздохнула. Сейчас не время углубляться в эту историю.

— Уважаемый Валериан Антонович, давайте говорить о насущном. Мне нужно нанять слуг. Горничных в дом и в постоянный двор. Работников на кухню, официантов. Гувернантку для Лизы, учителей для Александра. Вы можете мне в этом помочь? — мой голос звучал устало.

Мужчина с интересом посмотрел на меня, откинулся на высокую, резную спинку стула.

— Я, конечно же вам помогу в этих вопросах. Но, Эмма Платоновна, вы можете потом пожалеть о своем упорстве, — проговорил он медленно почти по слогам.

Я встрепенулась. Это, что угроза? Хотела ответить резко, но мне помешали дети.

— Эмма, ты будешь выбирать себе комнату? Мы с Лизой уже выбрали, — деловитый Шурик быстро перебирая ногами, вприпрыжку спускался с лестницы.

За ним торопилась сестра с Лимоном на руках.

Наш гость поднялся из-за стола.

— Пожалуй засиделся я у вас. У меня сегодня много дел запланировано, а я вот тут задержался, — он развел руками и хмыкнул. — Спасибо за гостеприимство, Эмма Платоновна. Весьма был рад познакомиться с новой хозяйкой "Сладких Хрящиков". "

Слова, хозяйка и "Сладкие Хрящики", мужчина выделил язвительным тоном и насмешливо улыбнулся.

Я тоже улыбнулась ему в ответ.

Глава седьмая. Забот полон рот

— Я собрала вас, что бы решить один вопрос, — мой голос звучал строго и официально, словно я была председателем на профсоюзном собрании.

Впрочем, по большому счету, это и было профсоюзное собрание и вопрос сейчас я должна была решить важный. От того, как на него отреагируют пока еще мои слуги, молчаливый, исполнительный Степан и крикливая, словно галка весной, Екатерина Васильевна, зависило многое.

Я окинула взглядом большой зал трактира. Мощные бревенчатые стены тускло и благородно блестят отполированной, гладкой древесиной. Столы и стулья под стать им. Мощные, грубоватые и надежные, как нерушимые скалы домашнего быта. Нарочито небрежная резьба лишь подчеркивает тяжеловесность этой незамысловатой мебели. На барной стойке стоит пара пузатых самоваров, а за стойкой кассика жанра — бутылки, бутылочки и бутылкища. Всех размеров, форм и цветов. Чуть дальше виднеется дверь на кухню. Она скорее похожа на крепостную защиту. Толстая древесина двери обшита железными, коваными полосами, словно она приготовилась к длительной осаде. Немного помятое кольцо ручки сияет праздничной, рыжей медью. Маленькие, но частые окна пропускают серый свет холодного утра. Он зябко вздрагивает на стеклянных поверхностях армии разномастных бутылок, лениво и маловыгодно освещает лицо сидящей напротив меня женщины. Скульптурное, точеное лицо молодого мужчины, серый, утренний свет испортить не в силах. Мимо воли любуюсь этим произведением матушки-природы, или породы? Но чувствую на себе сверлящий и ревнивый взгляд Екатерины Васильевны.

Я отвожу глаза и теперь внимательно разглядываю женщину. На вид ей лет сорок пять. Крепко сбитая фигура. Кожа хорошая, гладкая, розово-белая, про такую наверное говорят: — "кровь с молоком". Короткая и сильная, словно у борца шея держит маленькую головку. Должно быть от этого, все на ней мелкое и невыразительное. Глазки цвета старого свинца. Носик, словно маленький баклажанчик грустно повис, может быть от того, что его густо усыпали серо-рыжие, расплывчатые веснушки. Маленькие ушки розовыми мышками зарылись в рыжевато-серые волосы. Такого же цвета брови хмурятся, а маленький ротик кривится. Пухлую нижнюю губу закусил мелкие, белые зубки, и держат рот, как на замке. Видимо Екатерина Васильевна изо всех сил старается не проронить ни слова.

Перевожу взгляд на армию бутылок, рассматриваю мощные балки потолка. Тишина начинает давить, а я все еще не решила правильно ли сейчас поступаю. Моя интуиция вопит, что Катерина ненадежная и мутная личность, но пока другой кандидатуры на ее место я не вижу. К тому же, все ее недостатки уравнивает ее муж, старательный и бесхитростный Степан. Вздыхнув протяжно и тягостно, я решаюсь продолжить разговор.

— Наше знакомство прошло не очень гладко. Говорят, что первое впечатление самое верное. Но я так никогда не думала. Возможно я не очень понравилась вам, и работать на меня вы больше не будете. Но, как работники вы меня устраиваете. Надо признать, что Екатерина Васильевна, прекрасный организатор и замечательный повар, а Степан Степанович мастер на все руки, исполнительный и надежный работник, — мой голос звучал ровно и спокойно, словно я читала текст по бумажке.

От открытой, неожиданной похвалы, Екатерина Васильевна вспыхнула розовым румянцем, мелкие зубки еще яростней впились в нижнюю губу. Степан склонил голову и

опасливо покосился на жену, словно боялся ее реакции на мои добрые слова в свой адрес.

— Я хочу возродить "Сладкие Хрящики", а для этого мне нужны помощники. Сегодня я еду в город, что бы нанять штат слуг. Валериан Антонович, грозился мне помочь, но он человек занятой, прошла уже неделя, а он не дает о себе знать, — я вздохнула и развела руками.

— Сказать честно, я нуждаюсь в ваших советах Екатерина Васильевна, и если вы решите продолжить службу в "Сладких Хрящиках", то в город поедем мы вместе. Степан Степанович останется с детьми и на хозяйстве, — я задумалась на минуту. — Да..., жить конечно вы уже не будете в другом крыле трактира. Сами понимаете, что там располагаются комнаты для постояльцев, надеюсь в скором времени они будут заняты. Я видела, что за двухэтажным, хозяйским домом находится большая баня и в стороне три крепких домика. Отчего там никто не живет?

Белые, мелкие зубки не смогли сдержать поток слов который полился из маленького ротика Екатерины Васильевны.

— Благодарим за доверие, Эмма Платоновна. Нам идти некуда. "Сладкие Хрящики", мы считали своим домом, жили раньше в крайнем домике, в том который рядом с банькой стоит, но там теперь привидения бродят, вот мы со Степаном и перешли подальше. Здесь удобней, кладовые рядом, кухня вся в моем распоряжении, комнату самую просторную выбрали. Думали, что новых хозяев здесь уже никогда не будет, кто в такую даль из югов, то поедет, а мы как жили так будем жить...

Женщина поняла, что проболталась и опять прикусила нижнюю губу. Сердито надулась, ткнула Степана локтем в бок, словно это он был виноват в ее оплошности.

Я сделала вид, что не услышала ее последней фразы. Глаза отвела в сторону от ее настойчивого, тяжелого и вопрошающего взгляда серо-свинцовых глаз.

— Вот и хорошо, значит я на вас могу рассчитывать. Этот вопрос можно считать закрытым. А, что там за привидения вокруг бани бродят? — спросила я, поднимаясь из-за стола.

Супруги дружно, коротко переглянулись, словно маленькими мячиками перебросились. Степан хотел ответить, уже и рот открыл, но его опередила супруга. Криво улыбаясь, она тоже поднялась из-за стола.

— Да, я пошутила, Эмма Платоновна! Какие привидения? Баня старая, большая, вот и шумит там иногда ветер в трубе, — женщина рассмеялась мелким, влажным смехом, словно маленькая жаба заквакала. Ее глаза при этом холодно блеснули свинцовой синевой.

Мобиль сияя помытыми накануне темно-вишневыми боками, отражая холодный свет зимнего солнца тщательно начищенными бронзовыми вензелями декора, резво, словно застоявшийся в стойле конь несся по ровной, слегка заснеженной дороге. В своей прошлой жизни, которая все больше казалась мне ярким, но уже позабытым сном, я всегда относилась к своим автомобилям, как к живым существам и давала им имена. Вот и теперь сравнив темно-вишневого монстра с верным конем, неожиданно назвала его Буцефалом. Это имя очень подходило моему мобилю. Сильный, иногда норовыистый, но верный.

Я увеличивала скорость, давая мобилю возможность "размять", его стальные "кости". Мелькали толстые, оранжево-коричневые стволы сосен. Зелеными лапами махали нам вслед сумрачные, вечно недовольные ели. Изредка нам навстречу попадались, проезжающие мобили, их причудливые, а порой забавные формы заставляли меня отвлекаться от дороги и тогда колеса моего Буцефала, начинали выписывать рванные зигзаги.

Важно нахохлившись, рядом со мной сидела разнаряженная Екатерина. По случаю поездки, она одела новеньку шубку из серо-голубой норки. Шубка была ей явно великовата, ее длинные полы едва не мели землю, не смотря на то, что привычные валенки Екатерина Васильевна сегодня сменила на поскрипывающие при каждом шаге, очевидно тоже новенькие сапожки из тонкой кожи и на высоком каблуке.

У меня вдруг возникли смутные подозрения, что шубка в былые времена принадлежала моей тетушке. Вот Агафье Платоновне, судя по портрету, она была бы в пору. Кому принадлежали сапожки раньше, я с точностью сказать не могла, слишком уж маленький был у них размер, но то, что деньги на такую роскошь повариха Катя, несомненно" заняла" из кармана своей покойной хозяйки, я почти не сомневалась. Впрочем, как говорится — не пойман, не вор. К чему сейчас это бездоказательное обвинение. Решение мной уже принято, супруги Фирсовы теперь служат в" Сладких Хрящиках" официально, а что там будет дальше — время покажет.

Размышляя на тему честных и нечестных слуг, я промчалась мимо большого придорожного строения. Длинный, двухэтажный дом, сложенный из светло-желтого камня, с двумя башнями по краям, с белым кружевом больших, полукруглых окон словно сошел с картинки буклета о путешествиях по Франции. Он выглядел немного инородным, воздушно-нарядным до неприличия на фоне мрачной стены заснеженного леса. Фоном для такого изящества должны были служить лавандовые поля и солнечные виноградники, а не унылые ели с соснами. Но это был явно не мираж, с десятков мобилей стояли возле его парадного входа, дворник чистил и без того безупречные дорожки, словно огромные вареные раки в своей красной униформе стояли швейцары возле белых, арочных дверей.

— Что за прекрасное видение мы только, что проехали? — спросила я, непривычно молчаливую Екатерину.

Женщина мигом оживилась, поправила то и дело, сползающий ей на лоб меховой берет украшенный синим пером неведомой мне птицы.

— Так, это конкуренты наши. Постоялый двор с загородным рестораном, принадлежит сыну почившего Кондрата Филипповича Беркутова, ох и богатый купец был! — женщина недобро прищурилась и усмехнулась. — А сынок его все по заграницам учился, вернулся и давай нам подножки ставить. Открыл вот" Отдохни у Пьера", все наши клиенты к нему и потянулись. Пьер! Раньше Петькой звался.

Екатерина Васильевна вдруг задумчиво провела рукой по переливчатому, короткому меху шубки.

Память на имена у меня всегда была отличной. Про богатого купца Кондрата Филипповича я слышала совсем недавно.

— Отец, этого Пьера-Петьки, не у нас ли в баньке угорел? — спросила я быстро, не давая моей собеседнице опомниться.

— У нас он угорел, у нас любезный, — вдруг злобно оскалилась мелкими, белыми зубками Екатерина.

Она подскочила, и сильно стукнулась о крышу мобиля головой.

— Проболтался все таки Степан! Телок юродивый! — женщина зашипела, возможно от боли, а возможно от едва сдерживаемой злости.

Я резко затормозила, плавно съехала на заснеженную обочину дороги.

— Екатерина Васильевна, не понимаю я вас. Про то, что в бане шестеро людей угорело, я бы все равно узнала. "Хрящики" хоть и в лесу находятся, но все же не в полной изоляции.

Вы согласились мне служить, так будьте любезны, перестаньте меня водить за нос! Нам надо как-то деньги зарабатывать, у заведения репутация была не самой лучшей, как я догадываюсь. Баньки, девки и прочие вольности! А после известных вам событий, боюсь, нам не выкарабкаться! Я попробую, но и вы мне помогайте! Не хотите, я не держу. Ищите другую хозяйку!

Меня немного потряхивало, только после своей бурной речи я вдруг поняла, в каком дерьме оказалась. А у меня дети, их нужно кормить, поить и учить. Надолго ли хватит тех денег и драгоценностей которые я извлекла из вскрытого сейфа в бывшем поместье Эммы?

Успокоилась я быстро. Продать "Сладкие Хрящики" всегда успею. Постоялый двор и придорожный трактир не самый плохой вариант для бизнеса.

Я развернула мобиль и верный Буцефал резво помчался в обратную сторону.

— Куда мы едем, Эмма Платоновна? — робко спросила присмирившая Екатерина Васильевна.

Она заискивающе мне улыбалась, все старалась доверительно дотронуться кончиками пальцев до рукава моей шубки.

— В гости к конкуренту Пьеру-Петьке заедем, посмотрим собственными глазами на его французский мираж.

Мой голос звучал все еще сердито. Смотреть на Екатерину Васильевну мне почему-то не хотелось.

Глава восьмая. Бубновые короли продолжают множиться

— Вот никак не пойму, что сюда намешали хваленые, заморские повара, — задумчиво говорила Екатерина Васильевна, смакуя во рту очередную порцию заказанного ею салата.

Она прикрывала глаза от удовольствия, щурилась, а затем вдруг низко наклонялась над тарелкой, словно пыталась глазами распробовать таинственный и незнакомый ей на вкус ингредиент, который не мог опознать ее язык.

Пронзительно яркое перо, наверное выдернутое из хвоста птицы счастья, забавно колыхалось, реяло синим, пушистым знаменем над ее меховым беретом. Свой головной убор Екатерина Васильевна категорически отказалась снимать, когда мы сдавали свои шубы в гардероб.

Теперь вездесущее ярко-синие перо старательно портило мне настроение. Оно пару раз скользнуло по чашке с чаем, смахнуло белую салфетку на отполированный до зеркального блеска паркет, пыталось вместе с хозяйкой попробовать загадочный салат из большой тарелки с золотым ободком.

После того, как любопытное перышко нырнуло в мою полупустую чашку, аппетит у меня окончательно испортился. Вздохнув я отодвинула чашку на край стола и принялась рассматривать помещение и посетителей.

В это утро их было не много. Женщины одетые дорого, но просто. Мужчины в деловых костюмах. Некоторые просматривали свежие газеты, некоторые не торопясь поглощали свой завтрак.

Человек работавший над дизайном этого заведения постарался на славу, проявив весь свой талант и оригинальность. Впрочем даже самый незаурядный талант, не сможет проявиться без материальных вливаний. А денег хозяин вложил сюда немало. В оформлении просторного зала, в воздушной, словно белый зефир мебели, в высоких арочных окнах пропускающих много света, ощущалась изысканная красота.

Наши мрачные "Сладкие Хрящики", без всякого сомнения проигрывали заведению Пьера-Петьки по всем статьям. Их даже сравнивать было нельзя. Разве можно поставить в один ряд грациозного белого лебедя и косматого, неуклюжего медведя?

Я смотрела на все это великолепие и даже слезы на глазах выступили от досады. Прав был местный начальник полиции, ох как прав! Продавать нужно "Хрящики", пока они не повисли тяжелыми гирями на моей шее. Продавать и бежать не оглядываясь! Бежать от портрета Агафьи Платоновны, развлекающей меня непонятной пантомимой. Бежать от баньки с мрачной славой, которую наверняка породит история с шестью трупами и привидениями. Бежать от сидевшей напротив меня Екатерины Васильевны, женщины ненадежной и вздорной.

Она словно почувствовала, что я про нее думаю, оживилась, встрепенулась и крепко схватила меня за руку.

— Ой, батюшки! Смотрите Эмма Платоновна, никак сам хозяин Петр Кондратович Беркутов пожаловал! А ведь мне посудомойка Нинка, говорила, что он редко здесь бывает, все больше в городе околачивается. У него там еще три ресторана открылись, — горячо зашептала женщина энергично покачивая ярко— синим пером на норковом берете. — Ох, с ним еще и Валериан Антонович явился! — Екатерина беспокойно заерзала на стуле, словно

он вдруг превратился в раскаленную сковородку.

Я и сама слегка занервничала, когда увидела, что начальник полиции Добужинский Валериан Антонович собственной персоной идет рядом с высоким, плечистым мужчиной, что-то говорит ему явно смешное и они сдержанно смеются, не забывая раскланиваться со знакомыми, сидящими за столиками. Мужчины направлялись в нашу сторону. Двигались слаженно, словно танцевали хищный, скользящий танец.

Я подвинула к себе чашку с давно остывшим чаем, увлеченно принялась помешивать в ней серебряной ложечкой и старательно делала вид, что пока не заметила Добужинского. Почему-то мне захотелось что бы он и его спутник прошли мимо. Возможно виной тому было то, что высокий незнакомец очень походил фигурой, походкой, разворотом плечей на моего бывшего мужа Гошу. Его я любила той большой любовью-зависимостью, от которой кружится голова и перехватывает дух. Когда-то он взял и вынул мое бедное сердце, разбил его своим уходом к другой женщине. Даже находясь в чужом теле и в чужом мире я иногда просыпалась по ночам от приступа острой, смертельной тоски. "Гоша, Гоша, ну как ты мог, так поступить со мной?" — шептали губы, а щеку холодила непрошенная слеза.

— Эмма Платоновна, как я рад вас видеть. Не поверите, но именно сегодня хотел навестись в "Сладкие Хрящики", у меня есть для вас сюрприз! Агенство по найму предоставило мне списки, а я выбрал из них людей надежных, проверенных. Впрочем давайте о делах поговорим чуть позже, а сейчас позвольте представить вам, моего друга и вашего так сказать коллегу, Петра Кондратовича Беркутова! — голос мужчины торжественно, парадно завибрировал, словно у опытного конференсье объявляющего смертельный номер в цирке.

Глаза от чайной чашки я поднимала медленно, с очаровательной и надеюсь глупой улыбкой, именно ее я выбрала из всех отработанных перед зеркалом улыбок. Я целую неделю изучала свое лицо, знала как оно выглядит если нахмурю брови, если вдруг соберусь заплакать. Милое личико Эммы украшали все гримасы, ей бы в актрисы податься, а она влюбилась в человека, который разбил ее сердце. Вот этим, мы наверное с ней и похожи, поняла я внезапно. Забавно, а я то думала, что связи между нами нет.

Я улыбнулась своим мыслям, еще старательней растянула в милой гримаске личико. Словно увидела себя сейчас со стороны, смотрясь в старое зеркало в спальне Агафьи Платоновны. Черные глаза светятся мягким, бархатным светом, на щеках появились ямочки, крохотная родинка над верхней, пухлой губой слегка подрагивает, а белые зубы влажно блестят обнажившись в глупенькой улыбке. Именно такая маска показалась мне самой подходящей при знакомстве с успешным конкурентом.

— Ах, как я рада нашей встрече, Валериан Антонович, как рада! — зашебетала я нежным голоском, словно певчая канарейка в брачный период.

Мой веселый щебет не помешал мне с интересом рассматривать Петра Кондратовича Беркутова. Первое, что я отметила, так это его невероятную самоуверенность. У него был вид человека купающегося в деньгах.

Гладко выбритая кожа лица сияла, словно светилась изнутри. Густые и светлые, немного рыжеватые волосы были уложены идеальными волнами. У меня не было никаких сомнений в том, что с утра над прической мужчины усердно поработал мастер парикмахерского искусства. Губы были немного великоваты для мужчины, но твердого и четкого рисунка. Они улыбались насмешливо и даже несколько порочно и нагло. Почему-то мне подумалось, что стоящий передо мной мужчина — порядочная сволочь. Но сволочь с

невинными телячьими глазами, удивительного светло-орехового цвета. В глубине этих глаз скрывалось что-то мальчишечье, чистое и озорное. Что-такое с чем мне приходилось сталкиваться только один раз в своей жизни. Именно такие глаза были у моего бывшего мужа Гоши.

Пауза затянулась, мы рассматривали друг друга с минуту. Чем больше длилось молчание, тем более неловко я начинала себя чувствовать.

Мужчина стоял нависнув над столом плечистой громадой, а я сидела и казалась сама себе маленькой девочкой, робко глядящей на грозного дядьку. Дядька продолжал насмешливо улыбаться, снисходительно смотреть сверху вниз. Казалось, что вот сейчас он достанет конфетку из кармана своих безупречно выглаженных брюк.

Я потупилась и опустила глаза. Когда мне удалось прекратить наш поединок взглядов, поспешила разогнать неловкую, вязкую тишину повисшую над нашим столиком нежным, беззаботным щебетом о всякой ерунде.

— Присаживайтесь пожалуйста, господа! Валериан Антонович, вас наверное нам послали небеса! Вот мы с Екатериной Васильевной поспорили, что такое занятное положили повара в этот салат. Я утверждаю, что это грецкие орехи, а вот Екатерина Васильевна убеждена, что кедровые! — быстро тараторила я, наскоро сочиняя рецепт салата который даже не пробовала.

Краем глаза я заметила, что женщина сидевшая напротив меня застыла, словно внезапно превратилась в статую. Розовый и нежный румянец залил ее лицо, впитал как в губку и растворил расплывчатые веснушки и они удивительным образом исчезли. Глаза, которые я совсем недавно считала тусклыми и невыразительными, вдруг засверкали темными искрами, засветились притягательным сине-серым дурманом. Даже нос уже не напоминал унылый баклажанчик, он вдруг показался мне изящным.

Мужчина за стол садиться не стал, он еще ниже навис над ним. Теперь его взгляд был устремлен на мою спутницу.

— Как поживаешь, Катюша? — спросил он вдруг дрогнувшим голосом. В глубине его телячьих глаз тоже что-то дрогнуло, расплескалось застарелой болью.

Екатерина Васильевна уже справилась с собой, отхлынул с ее лица нежный румянец, вытолкнул проступившие на белой коже расплывчатые веснушки. Только глаза продолжали сиять темным дурманом.

— Хорошо живу Петр Кондратович. Замуж вышла. Вот у Эммы Платоновны управляющей служу, — голос женщины был хриплым, словно она внезапно простудилась.

— Рад за тебя Катюша, очень рад, — бездушным, механическим голосом проговорил мужчина.

Я не верила своим глазам. Перед нами вновь стоял самодовольный, насмешливый хозяин жизни. Просто порядочная сволочь с телячьими глазами.

Он распрямился резко, и посмотрел на меня.

— Эмма Платоновна, в салате есть авокадо. Купил по случаю целый вагон сего замечательного фрукта. Но вам это не интересно должно быть. К хрящикам горчица с хреном полагается, да водочки побольше, да в баньке голы... ,

Договорить ему не дал Добужинский. Наверное по долгу службы он поспешил погасить неприятную для всех тему. Мягко, но настойчиво дотронулся до рукава модного, светло-серого пиджака Беркутова.

— Петр Кондратович, хочу напомнить тебе, что времени у меня не так уж много.

Служба знаешь ли, служба. Может быть мы сегодня все же дойдем до твоего кабинета? — говорил он быстро и весело, но в голосе чувствовалось некое напряжение.

Хозяин заведения усмехнулся, дружески похлопал начальника полиции по плечу.

— Ты прав, Валериан Антонович, дела прежде всего! Дамы, к сожалению вынужден покинуть ваше приятное общество.

Мужчина выпрямился во весь свой рост и шутливо развел руками. На длинном, словно у музыканта пальце сверкнуло тонким ободком обручальное кольцо.

Почему-то я почувствовала щемящее чувство разочарования. Сидела и бессознательно помешивала ложечкой давно остывший чай в белой фарфоровой чашке, густо расписанной букетиками лаванды и роз.

— Что так и будете им в спину пялиться? Валериан Антонович обещал вам список надежных слуг дать, и адрес агенства, — прошипел у меня над ухом сердитый голос Екатерины.

Я вздрогнула, словно от морока очнулась. Действительно, размечталась невесть о чем. Дела то прежде всего!

Быстро, решительно вскочила из-за столика, застучала по паркету слишком высокими каблуками щегольских сапожек, которые мне от Эммы достались.

— Валериан Антонович! Валериан Антонович! Вы что-то забыли! — серебряными колокольчиками звенел мой голосок.

Мужчины дружно остановились, обернулись, как по команде, но с места не сдвинулись. Стояли и наблюдали, как я с трудом держа равновесие спешу к ним.

Цепкий взгляд Петра Кондратовича нахально скользил по моей фигуре, губы чуть кривились в наглой усмешке.

— Быстро же вы бегаете Эмма Платоновна, в точь-точь как моя любимая афганская борзая Эми.

Я споткнулась от его холодных, насмешливых слов, понимая — мне только что объявили войну.

Образ глупенькой дурочки облегчал задачу. Я рухнула всем своим телом на мужчину, уцепилась острыми коготками в его локоть так, что он невольно поморщился от боли.

— Фу, в каком извращении вы мне признаетесь Петр Кондратович! Так вы живете с афганской борзой?! Сейчас вспомню, как это называется.

Я старательно наморщила лоб, задумчиво прикусила нижнюю губу.

— О-о-о! Вспомнила! Точно, точно. Ваша извращенная любовь к собакам, называется зоофилия!

Мой голосок прозвучал так восторженно и так громко, что его наверное услышали и повара на кухне.

Кто-то уронил вилку и она испуганно звякнула столкнувшись с полом. Кто-то нервно хихикнул, а затем наступила тишина. Плотная и тяжелая. Про такую говорят — гробовая.

Она длилась минуту, другую, а затем опять застучали столовые приборы, заговорили люди, зашуршали газеты.

Глава девятая. Занятные знания о моем новом мире

— Напрасно, вы хозяйка, Петра Кондратовича обидели. Не простит он этого, ох не простит! — бубнила себе под нос Екатерина Васильевна, любовно поглаживая синее перышко на своем берете.

Я сосредоточенно смотрела на дорогу и снисходительно улыбалась, вспоминая красное от гнева лицо недавнего знакомого. Рыжеватые люди так забавно злятся! Крылья носа у них становятся белыми, а кожа на лице и даже шею вдруг стремительно принимает ярко-красный цвет. Польшающий и алый, он заливает их лоб, щеки, подбородок, спускается все ниже и ниже. Я хихикнула, подумав о том, что интересно все тело ли покраснело от ярости у этого Петра Кондратовича.

— Я на вашем месте не веселилась бы, Эмма Платоновна, ох не веселилась бы! Петя, он жуть какой злопамятный, — продолжала гнуть свою линию, сердитая и хмурая спутница.

Улыбка медленно сошла с моего лица.

— Петя? А, скажи мне разлюбезная моя Екатерина Васильевна, давно ли ты знаешь этого Петю, Пьера и Петра Кондратовича в одном лице? — мой голос лился вкрадчиво и ласково.

На миг отвлеклась от дороги и посмотрела на женщину. Екатерина хмурилась и кусала губы. Серо-свинцовые глаза стали очень темными, почти синими, как и залегшие тени под ними. Берет она сняла и теперь маленькая ручка, крутила и мучила несчастное синее перо. Рыжевато-серые, но густые волосы растрепались, Чуть волнистая прядка прилипла к влажному и бледному лбу. Она долго молчала, старательно отрывая пух с синего пера.

Мне стало жалко вмиг поредевшее перышко, и я выдернула берет из ее рук.

Это помогло Екатерине Васильевне очнуться. Теперь ее глаза напоминали серые льдышки, таким же ледяным стал и ее голос.

— Давно. Очень давно! Мы с ним пожениться собирались. Если бы не его папашка была бы я сейчас госпожа Беркутова! — сказала женщина с вызовом. — Что смотрите так Эмма Платоновна? Думаете, что если мужик красив, так шансы его заполучить у таких, как я близки к нулю? А если он богат и красив, так можно сразу застрелиться? — она злобно фыркнула, улыбнулась с презрением.

Я пожалала плечами, собираясь соврать, но передумала. Иногда собеседника нужно намеренно провоцировать, злить для того что бы он выложил правду.

— Буду откровенна с вами Екатерина Васильевна, именно так я и думаю. Смотрю и недоумеваю, как серенькая мышка, мужа себе отхватила молодого и красивого, теперь вот выясняется, что и госпожой Беркутовой могла бы стать. Впрочем, насчет госпожи Беркутовой вы наверное врете! Сознайтесь, Катя! — я рассмеялась нарочито весело и громко.

Женщина рядом со мной застыла, внимательно смотрела вперед на дорогу, потом резко повернулась. Мой смех застыл у меня на губах и даже дышать стало немного трудно. Екатерина смотрела на меня так, будто снимала мерку для гроба.

— Моя мать была родом из Ореховки, — сказала она тихо, но так важно, словно сообщила мне о том, что родилась в семье индийского раджи.

Пожимать плечами мне пришлось во второй раз.

— Не понимаю, это имеет какое-то особое значение?

Женщина вздохнула.

— Совсем забыла, что вы не местная Эмма Платоновна, хотя ваша тетушка тоже в Ореховке родилась. А в Ореховке испокон веков ведьмы рождаются. Нашим селом даже детей малых пугают. Я совсем маленькая была, когда мама на службу к богатому купцу Беркутову Кондрату Филипповичу поступила. Сначала на кухню, но быстро ключницей главной стала. Позже я поняла почему, — Екатерина хищно улыбнулась. — У хозяина сын рос — Петя. Мальчонка слабенький, болезненный и плаксивый, на пять лет меня младше. Никто лучше меня его успокоить не мог, если я рядом, так он и не болел даже. Вот и росли мы вместе, я как нянька была. Ему семнадцать лет исполнилось, когда вздумалось маманьке, что лучшей пары для меня не найти. Дар у меня был слабенький, но как зелье правильно сварить, как нужный заговор произнести, этому меня маменька научила. Вот и практиковалась я на самых красивых и видных парнях. Сохли они по мне, один даже вешаться бегал. А я во вкус вошла, до любовных утех ох и охочая была, ох и ловкая! Иногда думаю, зачем мне было зельем приворотным пользоваться? За него ведь цена немалая полагается — деток небеса не дают.

Екатерина Васильевна замолчала. Опять принялась терзать синее перо на меховом берете. Впереди показался заснеженный пригород. Я заволновалась, что не услышу конец этой занимательной истории.

— Ну, продолжайте Катя, если не врете, — опять попыталась я спровоцировать свою собеседницу.

Женщина улыбнулась снисходительно, словно поняла мою уловку.

— Да, уж совсем немного досказать осталось. Влюбился в меня мой Петя, тут и зелье подействовало и опыт мой богатый в любовных утехах. Полтора года мы с ним любовь жаркую крутили. Научила я его всем премудростям. Жениться на мне надумал, к отцу пошел. Но просчиталась моя матушка! Большие деньги, обычно на таких же больших деньгах и женятся. Скандал был огромный! Петю за границу отправили, а нас с матушкой из дома выставили с позором. Вот тут мы горя и хлебнули. Даже милостыню просить приходилось. Матушка заболела и умерла, а меня однажды Агафья Платоновна увидела и к себе взяла.

Екатерина Васильевна протяжно вздохнула, украдкой вытерла щеку.

— Ну, вот за разговором и не заметили, как приехали. Вот он наш город главный, северный, — женщина развела руками, словно пыталась охватить и высокие дома из камня и толстых бревен, и деревянные заборы, и заснеженные деревья.

Мы уже проехали пригород, когда мой мобиль вдруг стал вести себя странно. Но с этими фокусами Буцефала, я уже сталкивалась. Коротко выругавшись, хлопнула себя по лбу.

— Что случилось, Эмма Платоновна? Неужто кристалл разрядился? — обеспокоенно повернулась ко мне Екатерина.

Я хмуро смотрела на медленно и красиво падающий снег за окном мобиля и чуть не плакала. Зарядные станции были здесь не такими частыми, как наши бензоколонки. Как я смогла убедиться за время нашего великого путешествия из краев южных в северную окраину, зарядка кристалла была делом очень дорогостоящим и почти всегда очень желанным. Конечно кристалла хватало не на одну тысячу километров пути, но если он разрядился не вовремя, можно было бросать мобиль и двигаться дальше пешком. Наверное поэтому здешние дороги были почти пустыми, а в далекий путь на мобилях рисковали пускаться лишь единицы смельчаков, или же по незнанию такие экземпляры, как я.

— Разрядился, — мой голос предательски задрожал. — Екатерина Васильевна, а

ближайшая зарядная станция далеко отсюда?

Женщина молча открыла дверь и тяжело вывалилась из мобиля прямо в рыхлый сугроб. Она путаясь в длинных полах своей шикарной шубы, обошла мобиль и открыла мою дверь.

— Выходите Эмма Платоновна, приехали! Дальше пешком пойдем. Зарядных станций у нас всего лишь три на весь город с пригородом и на ближайšie села. Дело это непростое, зарядные станции содержат. Нет, я не спорю оно конечно прибыльное, но где столько людей набраться которым боги такую щедрость отсыпали — кристаллы заряжать.

Я взяла сумочку и соскочила со своего теплого, нагретого места на заснеженную обочину. Поежилась от прохладного ветерка, запахла шубку.

— Вы, что-то путаете Катя. Я сама видела, что на зарядных станциях оборудование стоит, там кристаллы не руками заряжают. Тут перед моими глазами возникли ладошки Лизы, и щедрые синие искры пересыпающиеся из них, прямо в серое нутро кристалла.

— Вот вроде вы девушка умная и современная, а иногда глупой-глупой мне кажется, Эмма Платоновна! Вы уж простите меня за прямоту. Всякому известно, что оборудование будет работать только тогда, когда человек с Синим Даром рядом жить будет! — пыхла Екатерина, преодолевая очередной сугроб.

Я остановилась припоминая, что действительно, возле каждой зарядной станции непременно стоял неподалеку особняк, который больше смахивал на небольшой, укрепленный дворец. Опять вспомнились ладошки Лизы из-под которых весело прыгают синие искры, и мое сердце заняло тупой болью. Ох, девочка моя!

Подняла голову к хмурому серому небу и застыла от неожиданности. Белесой, гиганской сигарой над городом плавно перемещался дирижабль. В точь-точь такой, каким я его видела на картинке в своем детстве. Я проводила его глазами, но вопросов Екатерине Васильевне задавать не стала. Не хотелось вызывать ее удивление, своим отсутствием знаний. Потом во всем разберусь, по всему видно, что здесь я надолго и прочно застряла.

Вначале я с интересом раглядывала город, но потом устала. Одно дело глядеть на все красоты из окна мобиля, совсем другое плестись устало вслед за бодрой Екатериной Васильевной.

— Ну, вот и пришли кажется, — обернулась ко мне женщина и остановилась напротив большого и массивного дома.

Он как и многие здешние постройки состоял из трех этажей, первый был сложен из красного кирпича, а два других матово поблескивали круглыми и толстыми бревнами. Крыша тоже была красной, из толстого и гладкого железа. На ней лежал снег. Когда мы поднялись по широким ступенькам на крыльцо, снег вдруг вздумал спуститься вниз. Он протяжно заскрипел по железу мерзлой коркой, завис на мгновение козырьком гиганской бейсболки, дрогнул пытаясь удержаться на самом краю крыши, а затем рухнул белой лавиной.

Мы с Екатериной едва успели отпрыгнуть назад, что бы избежать участи быть погребенными под снежным сугробом.

Оцепенев я постояла минуту и опасно поглядывая наверх, толкнула дверь под вывеской "Вы ищите — мы находим"

Дверь оказалась заперта. Я разозлилась и увидев неприметную, серую кнопку звонка, резко с силой ее нажала.

Звонок глухо крикнул. Простуженно засипел. Через секунду дверь открылась, словно с той стороны только и ждали когда я позвоню.

Выглянувшая, пожилая мегера придерживая дверь тощей жилистой лапкой, уставилась на меня круглым и злым глазом.

— Мы сегодня закрыты! — проскрежетала женщина, показывая желтоватые, длинные зубы.

Она хотела захлопнуть дверь перед самым моим носом, но не успела. Я оказалась проворней. Рефлекс приобретенный за годы работы в полиции неожиданно сработал. Я мгновенно выставила ногу вперед, героически выдержала удар по щегольскому сапожку, но устояла.

— Я, Эмма Платоновна Загрязская! Мне ваше агенство рекомендовал Валериан Антонович Добужинский! — заорала я громко, то ли от боли, то ли от досады.

В щель полузакрытой двери высунулся нос в красных прожилках и с родинкой-горошиной сбоку, затем показался круглый глаз. Он уже не был злобным и холодным. В нем светилось любопытство смешанное с почтением.

— Да, что же вы сразу то не сказали! — запричитала старая мегера и распахнула дверь.

Она суетливо повела нас через длинный и темный коридор, отворила высокую белую дверь с медной ручкой в виде головы льва держащего в клыкастой пасти кольцо.

— Сюда пожалуйста, Эмма Платоновна! Валериан Антонович, нас предупредил с вашим визите, но мы думали, что вы приедете позже, — произнесла старая мегера вежливо и даже сделала попытку поклониться.

Мы с Екатериной вошли. Огромная комната напоминала канцелярию. Массивный письменный стол стоял у дальнего окна. За столом сидела полная женщина в деловом сером костюме. Ее второй подбородок мягко лежал на белых кружевах пышного жабо, украшенного брошью камеей. Глаза за роговой оправой очков виновато заблестели и она даже привстала, чуть не спихнув монументальным бюстом синюю чашку с чаем.

За соседним столиком поменьше, сидела худенькая бледная блондинка, справа от нее стояла пишущая машинка очень странной конструкции, слева стопка белой бумаги, а прямо перед ней на вязанной салфеточке стояла синяя чашка с горячим чаем, румяной горкой дымились источая ванильный запах ватрушки.

Такой же аппетитный натюрморт расположился на большом столе перед любительницей пышных жабо и брошек с камеями.

— Прошу нас простить покорно, мы тут ватрушками балуемся, — слишком легко для своего веса вскочила нам навстречу из-за стола тучная дама.

Я невольно хмыкнула вспомнив мультфильм из своего детства.

Мое хмыканье дама истолковала по своему.

— Вы уж, Валериану Антоновичу на нас не жалуйтесь. Мы его поручение выполнили. Слуг и работников подобрали вам Эмма Платоновна, самых лучших, — затараторила дама неожиданно тонким голоском.

Фотографии приклепленные к делам "самых лучших слуг и работников", меня испугали. Я вглядывалась в лица людей с которыми должна была жить и работать и они почти все не вызвали у меня доверия. В основном на фотографиях были дюжие ребята с мрачными лицами уголовников.

Я понимала, что Валериан Антонович, не случайно выбрал этих мордovorотов. Они должны были наверное "приглядывать" за глупышкой Эммой и доносить все своему боссу.

Решительно отвергнув почти все предложенные кандидатуры, я погрузилась в дебри солидной картотеки агенства "Вы ищите, мы находим". Наверное прошло не меньше трех

часов, когда я выбрала тех людей, которых посчитала нужными и надежными.

Заплатив за услуги хозяйке агенства, я договорилась, что уже с утра следующего дня люди начнут прибывать в "Сладкие Хрящики". Раскланялась и оставила недовольных дам допивать остывший чай.

Мы вышли на свободу из душного помещения агенства и замерли. На улице уже практически стемнело. Зажглись огни в окнах домов, засверкали разноцветными красками рекламные вывески. Людей на улицах стало значительно больше. Видимо спешили с работы уставшие служащие, проносились резвые мобили, где-то смеялись и визжали играющие в снежки дети.

— Екатерина Васильевна, вы хоть помните в какой стороне мы свой мобиль оставили? — жалобно спросила я, чувствуя себя очень уставшей развалиной.

— Не волнуйтесь Эмма Платоновна, город наш хоть и большой, но я его знаю, как свои пять пальцев, — бодро произнесла женщина и зашагала впереди меня. — Вот только, как мы до "Сладких Хрящиков" сегодня доберемся?

— А, какие у вас есть предложения? — кричала я в спину резво шагающей Катерины. Она остановилась, подождала меня.

— Ну, сейчас пойдём посмотрим, как там ваш мобиль оставленный себя чувствует, а потом будем уже решать, — она опять бодренько зашагала впереди.

Мой мобиль чувствовал себя неважно. Шапка снега криво украшала его крышу. Бронзовая решетка бампера, казалось стучала зубами от холода.

Мы стояли возле почти умершего мобиля и не знали, что делать дальше.

Яркий свет фар вырвал из темноты наши застывшие фигуры, окрасил в радостный лимонный цвет снег. Чей-то мобиль промчался мимо. Вдруг резко затормозил и пятясь задом остановился возле нас.

Хлопнула дверца и знакомый голос, который еще утром сравнил меня с афганской борзой, весело произнес:

— Что застряли Эмма Платоновна? Дайте угадаю... Кристалл разрядился?! Дс ближайшей зарядной станции километров пять будет, я конечно же мог бы вас отбуксировать туда, но тороплюсь к своим любимым собакам. Если хотите довезу до половины пути к вашим "Хрящикам", а дальше сами пешочком дойдете. Ну, что Катя садитесь со своей хозяйкой?

Услышав свое имя Екатерина Васильевна, вспорхнула в мобиль Беркутова легкой пташкой.

— Эмма Платоновна, это единственный выход! Завтра с утра вернемся и оттащим на моей старушке ваш мобиль на зарядную станцию, — радостно закричала она мне.

Я гордо вскинула голову, даже ногой топнула.

— Нет, с Беркутовым не поеду. От этого человека помощь принимать не собираюсь!

— На обидчивых воду возят, Эмма Платоновна. Не хотите, как хотите, — мужчина говорил быстро и решительно.

Взвизгнул трогаясь с места огромный, как вагон трамвая мобиль, обдал меня снежной холодной пылью, секунда и я осталась одна в сгущающихся сумерках зимнего вечера.

Осознав свое положение мне захотелось тихонько заскулить. Слезы показались из глаз и холодными змейками поползли по щекам. Я упрямо сжала губы. Ну, нет! Плакать в сложной ситуации, последнее дело!

Подошла к верному Буцефалу, открыла капот. Черный потухший кристалл угадывался в

открытой пасти мобилия. Не особо надеясь на чудо, я закрыла глаза и протянула руки. Вспомнила Лизу, ее маленькие ладошки и синие искры. Представила, что тоже так смогу. Не знаю сколько так стояла, но только по закрытым глазам вдруг резанул яркий синий свет.

Я едва не закричала, когда увидела, что черный булыжник превратился в сияющий, огромный сапфир.

— Буцефал, ты мой родной! Едем домой, там нас наверное Шурик и Лиза с Лимоном заждались.

Глава десятая. "Сладкие Хрящики" на пороге перемен

Я проснулась очень рано. Открыла глаза резко, словно и не спала. Массивные часы напоминавшие своей формой резной и богатый гроб, показывали пять часов утра.

За маленькими, частыми оконцами было так темно, что мне показалось, наш дом дом просто нырнул в кисельно-густой, непроглядный мрак.

Ночник с крошечным синим кристаллом освещал огромную спальню, которая раньше была тетушкиной, а теперь принадлежала мне. В спальне было прохладно. Тихо сопела рядом Лиза, которая вчера сильно расстроилась и испугалась из-за моего долгого отсутствия. Девочка решила, что я бросила их с братом в "Сладких Хрящиках", а сама уехала. Она долго всхлипывала размазывая слезы по щекам, прижималась ко мне всем своим маленьким тельцем и все спрашивала:

— Эмма поклянись, что не оставишь нас с Александром. Если ты исчезнешь, как наш папа, то нас отдадут в приют. Но нам в приют нельзя, туда не возьмут Лимона! — ее голосок дрожал и срывался.

Шурик прятал глаза, покрикивал на сестренку, чувствовалось, что он тоже сильно переживал.

Когда страсти утихли, а я наверное в десятый раз поклялась, что никогда не оставлю детей по своей воле, засыпающий на ходу Шурик ушел спать в свою комнату, прихватив с собой Лимона для храбрости.

Но Лиза, словно прилипла ко мне, и мы с ней так и уснули крепко обнявшись.

Я посмотрела на девочку, которая чему-то улыбалась во сне, поправила одеяло, укрыв худенькие плечики.

Спустила ноги с кровати, втиснула их в холодные, словно пара лягушат домашние туфли.

Покачиваясь от недавнего сна, зажгла одинокую свечу в медном, высоком подсвечнике и вышла из комнаты тихонько прикрыв за собой дверь.

Дом спал, но было такое ощущение, что он неясно что-то бормотал во сне. Изредка всхрапывал заставляя трещать сухие бревна стен. Ворочался издавая пугающие звуки где-то там на чердаке.

Деревянные ступеньки хрипло и недовольно запели под моими ногами. Причудливые, почти живые тени заплясали на потолке, запутались в хрустальных висюльках массивной и пыльной люстры.

Камин в гостиной почти погас и редкие угольки смотрели на меня красными глазами из его чернильно-черного жерла.

Портрет над камином тоже зиял темным провалом. Сейчас он походил на знаменитую картину Малевича "Черный Квадрат", такой же бархатно-безнадежный и равнодушный, словно вселенная.

Я подкинула дров в почти потухший камин, подождала когда огонь ярко разгорится, с жадностью и аппетитом пожирая березовые поленья.

В гостиной стало почти светло и уютно. Я села за круглый стол, который словно остров нерушимой надежды стоял посредине огромной комнаты.

— Эй, Агафья Платоновна, вы тоже еще спите? — хрипло и простуженно спросила я у

тишины.

Исполинский, черный квадрат мрачно поглощал отблески огня и на мой вопрос не реагировал.

Я усмехнулась, вот наверное потихоньку схожу с ума. Разговариваю с бездушным предметом. Но мне нужен был совет, а посоветоваться в этом мире мне было не с кем.

— Агафья Платоновна, у меня появилась возможность открыть зарядную станцию в "Сладких Хрящиках", но оборудование наверное стоит бешеных денег, а еще всякие бюрократические подножки найдутся. Я конечно точно не знаю, но вот сердцем чувствую, что все не так просто. Что бы нам Беркутова переплюнуть, надо ремонт в трактире делать, пристройку, забор новый. Денег у меня не хватит. Занять? Да кто же мне в займы то даст? — я горестно вздохнула и подперла щеку рукой.

Свеча на столе неожиданно затрещала. Заплясало, затрепыхалось пламя оранжевым слабеньким мотыльком. Мотылек расправил крылья, вырос прямо на моих глазах и ярко осветил пространство вокруг.

Я бросила взгляд на портрет и вздрогнула.

Агафья Платоновна зевая сидела за столом и попровляла фитиль у оплавленной и почти сгоревшей свечи. Под ее пальцами порхал оранжевый близнец моего мотылька.

Тихого вскрика я все же сдержать не смогла, хотя и ожидала нечто подобное.

Неторопясь, степенно встала с жесткого стула и подошла ближе к картине.

Агафья Платоновна бросила возиться со свечой и посмотрела на меня, сладко зевая и прикрывая рот кончиком шали с шелковой, зеленой бахромой. Затем она поманила меня пальцем поближе и молча нагнулась, исчезнув из моего поля зрения на несколько секунд. Выпрямилась, опираясь на стол одной рукой, в другой она держала банку.

Обыкновенная трехлитровая банка, блестела зеленовато-прозрачными, стеклянными боками на которых плясали оранжево-желтые отблески и отражалась сама Агафья Платоновна.

Жестина поставила банку на стол и беззвучно постучала ноготком по ее пузатому боку.

Как ни странно, но ее намек я поняла почти сразу. "Граждане, храните деньги в банке", вспомнилась мне знаменитая фраза.

— Агафья Платоновна, вы хотите мне сказать, что у вас на счетах есть деньги? Я могу ими воспользоваться, как наследница? — мой голос шелестел простудой, которую я наверное подхватила вчера, когда откапывала мобиль из снежного плена.

Агафья Платоновна довольно улыбнулась и кивнула головой.

В дверь постучали неуверенно и робко, словно поскреблась большая мышь. Я знала почти наверняка, как зовут эту наглую мышку.

— Войдите! — крикнула я и подмигнула застывшей на портрете Агафье Платоновне.

Я стояла кутаясь в теплую шаль, которую накинула прямо на длинную ночную рубашку с рюшами и кружевами. Заплетенные в косу на ночь волосы, растрепались и пушистыми прядями лезли в глаза, щекотали нос. Я громко чихнула, отдышалась и повторила свое приглашение.

— Заходите уже, Катерина Васильевна, не съем я вас, — мой простуженный голос неприятно заскрипел.

Дверь открывалась очень долго. Вначале она деликатно и тонко скрипнула, затем послушная чьей-то руке с той стороны вздрогнула, а затем лишь отворилась.

Я замерла с открытым ртом, забыв о том, что собиралась сладко зевать.

Застывшая на пороге высокая и плечистая фигура совсем не напоминала низкорослый, плотно сбитый облик моей вероломной управляющей.

Таинственная фигура нерешительно потопталась на пороге, маскируясь в плотном сумраке за плечами, а затем шагнула в гостиную.

— Петр... как там вас? Вот черт, отчество забыла! Беркутов?! Какими судьбами? — мой голос наверное от испытанного потрясения, больше не сипел, а вновь разливался серебристым колокольчиком.

Петр Беркутов усмехнулся разглядывая меня, задержал взгляд на моих голых щиколотках торчащих из поношенных, но удобных домашних туфель.

— Прошу прощения, Эмма Платоновна, но я должен был убедиться, что вчера с вами ничего страшного не случилось, — он попытался насмешливо улыбнуться, но улыбка вышла неловкой и кособокой. — Когда мы с Катей вернулись, то ни вас ни вашего мобиля на месте уже не было. Я поехал до ближайшей зарядной станции, но там мне сказали, что к ним со вчерашнего вечера никто не приезжал. Всю ночь я промучился ругая себя последними словами, а к утру не выдержал и поспешил сюда. Я должен был убедиться, что с вами Эмма Платоновна, все в порядке, — он развел руками и усмехнулся.

Я тоже усмехнулась, отзеркалила его наглую и самоуверенную ухмылку.

— Убедился? А теперь пошел вон отсюда, Беркутов. Я вчера тоже убедилась, что более гадкого и ненадежного человека в своей жизни еще не встречала! И после того, как вы..., к черту! Как ты бросил ночью, в начинающейся метели бедную женщину, ты сможешь и дальше считать себя мужчиной?! — мой голос почти визжал, я размахивала руками и воинственно наступала.

Беркутов стоял неподвижно, своих позиций сдавать не спешил, а я очнулась лишь тогда, когда уперлась в холодное, пахнущее морозом и дорогим табаком колючее, шерстяное пальто.

Сильные руки обхватили меня за талию и на миг прижали к себе. Я еще глубже зарылась носом в колючую шерсть, даже услышала бешеный стук сердца мужчины. И с ужасом осознала, что все вокруг нас вибрирует, воздух искрит от напряжения, а пространство вдруг сузилось до двух фигур в этой большой и мрачной гостиной. Сейчас были только я и только он — ненавистный Петр Беркутов.

Наверное мужчина ощутил тоже самое, он отодвинул меня от себя вытянутыми, сильными руками, как куклу и поставил в сторонку.

— Я рад, что с вами все в порядке Эмма Платоновна. Способность визжать, брыкаться и не особо выбирать выражение в словах, вы не растеряли. Я искренне рад за вас!

Мужчина резко развернулся и вышел. На этот раз с дверью он не особо церемонился. Она закрылась так громко, что подпрыгнула посуда в дубовом, резном буфете и затрещали поленья в камине.

Я устало добралась до стола, села ощущая небольшое головокружение. Мой взгляд задержался на портрете. Агафья Платоновна поджала губы и осуждающе кивала головой. Ее белые, холеные руки быстро раскладывали карты. Когда последняя карта заняла свое место, женщина внимательно рассмотрела всю комбинацию, а затем досадливо махнула рукой. Небрежно сгребла карты в одну кучу, и накрыла их зеленой, шелковой шалью снятой с круглых, упругих плечей.

— Вы бы мне рассказали, что там нагадали тетушка? — спросила я тихо.

Агафья Платоновна раскрыла рот, словно собралась заговорить, но тут входная дверь

распахнулась и в гостиную влетела Екатерина Васильевна.

— Хозяйка, там люди приехали наниматься на работу. Целая толпа. Я их пока в трактирном зале разместила. Все вас ждут, — она говорила быстро, а глаза отводила в сторону.

— Екатерина Васильевна, это все, что вы мне сказать хотели? — мой голос прозвучал холодно и строго.

Женщина вздохнула, поправила гладко зачесанные волосы и отвернулась.

— Эмма Платоновна, ну вы сами немного виноваты, надо было сразу соглашаться. Мы бы до дому добрались, а там на моей старушке бы обратно к мобилу вернулись. Кстати, а как вам удалось мобиль зарядить? — Екатерина Васильевна глядела на меня подозрительно насупив свои светлые бровки.

Я смотрела на нее пытаясь увидеть смущение или возможно сожаление о том, что так неловко вчера получилось. Но ничего подобного не видела.

— Добрые люди помогли. Не все кругом равнодушные, Екатерина Васильевна!

Женщина скривилась, жалобно хлюпнула носом.

— Эмма Платоновна, так мы вчера вас искали...

— Но не нашли! — развела я руками. — А это потому, что все вовремя делать надо. Оставим этот разговор. Мне завтрак будьте любезны принести. Я пока одеваться буду. Позже детей покормите.

Я развернулась и пошла к лестнице. Уже собираясь поднимать ногу на первую ступеньку, обернулась.

— Запомните, Екатерина Васильевна, вы всего лишь служанка в "Сладких Хрящиках", а служанок всегда новых нанять можно. Как говорится, свято место — пусто не бывает!

Ступеньки скрипели под моими ногами, а в гостиной тихонько всхлипывала Екатерина Васильевна.

Глава одиннадцатая. Весна и умопомрачение

Зима промчалась, словно санки с высокой горы скатились. Так же быстро, и так же головокружительно.

"Сладкие Хрящики" перестраивались, расширялись, обзавелись новыми строениями и новыми людьми, но дохода упорно не приносили. Мне казалось, что я бегу по кругу, подобно цирковой лошади. Очень загнанной, хромающей и отупевшей лошади, которую не грех бы и пристрелить.

Так я думала каждый вечер, когда ложилась спать, а вернее ныряла в спасительный омут сна, что-бы проснуться почти затемно и опять продолжить свой нескончаемый бег. Меня подстегивал страх, он действовал лучше чем хлыст дрессировщика той самой лошади. Я боялась, что вложенные в "Сладкие Хрящики" деньги никогда не начнут "работать". Я боялась за будущее детей, которые мне верили, я уже не могла подводить людей которые ждали своей зарплаты, я боялась за себя. Вдруг когда-нибудь надорвусь от этих ежедневных забот или свихнусь от напряженного ожидания успеха.

Идея обогнать Беркутова уже не казалась мне такой заманчивой. Я в который раз просчитывала все преимущества "Сладких Хрящиков", и в который раз скрипела зубами, когда в заведении соперника был аншлаг, а к нам забредали лишь редкие путники.

Агафья Платоновна, на мои вопросы не отвечала, она холодно пожимала плечами, куталась в зеленую с золотыми цветами шаль и упорно раскладывала бесконечные пасьянсы. На просьбу погадать мне, тетюшка неизменно, стабильно показывала мне бубнового короля, почему-то сердилась и хмурия брови отворачивалась.

Открытие зарядной станции, как я и предполагала, требовало не только денежных вложений, но и преодоление множества бюрократических барьеров. Взятки любили брать и в этом мире, но вот исполнять... Ожидание открытия зарядной станции грозило затянуться до осени. Мне просто позарез были нужны "живые деньги", их мог бы приносить трактор, который после перестройки больше напоминал ресторан в народном стиле, или же постоялый двор, который теперь стоял отдельно от трактора. Но... Приходилось довольствоваться редкими посетителями.

В день моего грехопадения я возвращалась из города домой. Болела голова, болели ноги, им пришлось изрядно побегать по кабинетам высокопоставленных клерков. Каждый раз, количество необходимых для открытия зарядной станции бумажек множилось, а обещания так и оставались пустыми заверениями. Конечно меня терзали смутные подозрения, что кто-то очень влиятельный старательно тормозит весь процесс, но доказательств у меня не было.

Размышляя о тайном, а возможно и не совсем тайном, недоброжелателе, я вскользь посмотрела на обочину дороги и ахнула.

Оказывается за заботами, я совсем не заметила когда растаял снег, а придорожные поляны покрылись сплошным синим ковром подснежников. Мне показалось, что это ясное небо упало и разбилось на миллион ярких, синих брызг. Эти брызги манили и звали, захотелось ощутить в руках их упругие стебли. Я помнила, что подснежники не имеют запаха, но так вдруг захотелось их понюхать.

Остановила мобиль и словно зачарованная синим, настойчивым зовом шагнула в лес. Первые сорванные цветы приятно охладили руки, каждый следующий казался мелковатым по сравнению с тем, что рос там за кособокой елью, или там возле трухлявого пня.

Я наверное уже далеко отошла от дороги, увлеклась и не слышала ничего кроме щебета птиц и мощного дыхания леса. Вот поэтому вскрикнула от неожиданности, когда за спиной раздался мужской голос.

— Эмма Платоновна, так и заблудиться можно! Леса здесь большие, а звери дикие... Я увидел ваш мобиль и решил подождать, но вот прошло уже больше получаса, а вас все нет. Пошел по вашим следам. Изрядно же вы подснежники помяли. На вид такая тоненькая и тщедушная, а топчете все вокруг, словно слон!

Петр Кондратович Беркутов, собственной персоной, стоял на сине-голубом ковре и улыбался весело скаля белые, крепкие зубы. Густые рыжеватые волосы блестели на солнце, словно начищенный шлем средневекового рыцаря, Невинные телячьи, светло-орехового цвета глаза смеялись. Но теперь вряд ли я смогла назвать их невинными. Нечто порочное, наглое и вызывающее светилось в них. И еще они так сильно были похожи на глаза моего бывшего мужа. Моего любимого, вероломного мужа.

От этого пристального, немигающего, словно у большого удава взгляда, я вдруг смутилась. Загрохотало тревожно сердце, пересохли губы, а щеки полыхнули пламенем. Хотелось ответить остроумно и колко, но мой мозг словно потерял способность облекать мысли в слова.

Пока я придумывала ответ, мужчина подошел совсем близко. Нагнулся и вдохнул запах синего букета в моих руках.

— М-м-м, совсем ничем не пахнут! — разочарованно произнес Петр Кондратович.

Медленно, словно давая возможность мне убежать, он расправлял спину, неотрывно смотрел в глаза и приблизив свое лицо к моему, он приглушенно выдохнул:

— Вы пахнете совсем иначе Эмма. Это запах греха и желания. Признайтесь, вы же хотите меня?

Мой ответ его очевидно не волновал, а возможно он прочел его в моих глазах.

Губы мужчины горячие, вкусные, смяли мои в сокрушительном поцелуе. Я чувствовала себя беспомощной перед таким яростным напором, а возможно мне просто захотелось вспомнить свою прежнюю жизнь? Вспомнить, как целуется мой Гоша? Точного ответа я не знала. Азарт и голод, желание и похоть, закружили меня в темном-красном, горячем водовороте этой порочной игры.

Поцелуи покрыли мою шею, опустились ниже. Я успела подумать, что Гоша никогда меня так не целовал. Все у нас было намного нежнее, трепетнее...и скучнее. Наверное он поэтому и ушел от тебя, мелькнула мысль и я чувствуя, что позволяю себе раздваиваться, отпихнула ее от себя, словно она была ядовитой гадюкой. Нет никакого Гоши, нет меня прошлой. Я — Эмма Загрязская, я живу здесь и сейчас! И наверное, ты падшая женщина. Эмма!

— Эмма Платоновна, надо бы что-то с большой баней делать, — говорила мне старшая горничная Галина и старательно отводила глаза в сторону.

Я поперхнулась горячим сырником с изюмом, именно их обожала есть с раннего утра. Закашлялась сипло и долго. Надо сказать, что за последние три месяца у меня не только выросла работоспособность, но и появился просто зверский аппетит. Регулярные, страстные, просто бешеные занятия любовью, требовали пополнение энергии. Связь с Беркутовым была моей постыдной тайной, она тщательно маскировалась и была похожа на азартную игру в шпионов. Встречаясь в городе или ненароком сталкиваясь в государственных учреждениях, в которых я продолжала обивать пороги, мы были непримиримыми врагами, соперниками,

интересы которых схлестнулись в битве за клиентов.

Но монета имеет две стороны, так и наши отношения с Беркутовым были двухсторонними. Никогда не знаешь, что выпадет в следующий раз. Орел или решка? Тайные записки, назначенные встречи в неожиданных местах закручивали нас в водоворот порочной, увлекательной игры. Встречаясь, мы совсем не разговаривали, некогда было тратить время на такую роскошь. Стоило нам приблизиться друг к другу и пространство вокруг нас сужалось, в нем уже не существовали ни мои хозяйские заботы, ни жена Беркутова, ни наше соперничество. Лишь раскаленный жар поцелуев, сплетение ненасытных тел, желание на грани боли. Это было как помешательство, но такое приятное, просто жизненно необходимое мне помешательство.

Размышляя я не заметила, как начала мечтательно улыбаться. На землю меня вернули, строгое сердитое выражение лица Агафьи Платоновны на портрете и настойчивый вопрос горничной, который она задала мне наверное во второй или даже в третий раз.

— Эмма Платоновна, что с баней то решили? Девушки отказываются там мыться. Боятся. Когда горячая вода вдруг становилась ледяной, они по молодости и глупости, только смеялись. Забавно им было. Когда по ночам там слышали плачь и девичьи грустные песни, думали, что их специально пугают. Но когда третьего дня кто-то подпер снаружи дверь и они не могли из жары выбраться на свежий воздух, тут то и прибежали они ко мне жаловаться.

Я замерла, так и не донеся румяный сырник до рта. Белая сметана лениво сползала с его круглого бока, капала на прямо мне в чай, оставляя в нем красивые разводы. Но это, меня сейчас совсем не беспокоило. "Что-то ты расслабилась, госпожа крутая бизнес-леди. И Беркутов тебе голову задурил. А ведь с самого начала знала, что в "Сладких Хрящиках", произошло по меньшей мере два преступления! Тетушка умерла отведав грибов на поминках, а если не грибочки причиной ее смерти были? Как-то странно... Народа на поминках наверное много было, а отравилась лишь одна хозяйка... А поминки были по этим девушкам, как там их звали? Вспоминай Эмма, вспоминай! Анька, Глашка и Юленька? Почему Степан, двоих девушек так грубо назвал, а третью ласково — Юленька? — я осторожно положила сырник обратно на тарелку, поморщилась когда вытерала туго накрахмаленной салфеткой губы. — Надо сказать, что бы крахмала поменьше ложили. — Промелькнула у меня мысль, и я с досадой стукнула кулачком по столу.

От этого стука сухопарая и чернявая Галина испуганно ойкнула, посмотрела на меня с удивлением. Агафья Платоновна на портрете, привстала со своего места и довольно потирала руки.

А у меня перед глазами возникло красивое лицо Степана. Вот он наклоняет голову, чтобы скрыть его выражение от меня. Вот резко, украдкой вытирает большой и мозолистой ладонью глаза. У меня непроизвольно вырывается крепкое и грязное ругательство. Эх, Эмма, да ты большего достойна! Не с того ты свою деятельность бурную в "Сладких Хрящиках" начала!

— Дверь в баню говоришь, кто-то снаружи закрыл? — мой голос звучит по деловому четко, словно на допросе.

Допрос... Конечно же опросить всех нужно, если не хочешь ты Эмма Платоновна, новых смертей в "Сладких Хрящиках"!

— Галя, с баней мы позже решим, а ты пока девушек по одной ко мне в кабинет проводи. Да смотри, что-бы все незаметно было, — говорила я вполголоса, а сама глядела на

портрет.

Агафья Платоновна бурно радовалась, она даже встала со стула и станцевала нечто напоминавшее лезгинку и танец живота одновременно. Мне подумалось, что она должна что-то знать и опрашивать нужно мою тетушку в первую очередь. Только как это сделать? В кабинет Агафью Платоновну не пригласишь, а "разговаривать" с портретом в доме, где кроме меня и детей живет гувернантка нанятая для Лизы. Две учительницы для Шурика, старшая горничная и чудаковатый старик-профессор, которого я приютила из-за человеколюбия и ни разу не пожалела. Стефан Стефанович, был настоящей ходячей библиотекой. На любой вопрос у него был ответ, они очень поладили с Шуриком, играли в шахматы и часто вели глубокомысленные беседы.

Агафья Платоновна исполнила свой танец и поклонилась мне. Лицо ее покраснелось, золотая прядка выбилась из короны-косы и игривым локоном упала на лоб. "Красивая женщина была! — подумалось мне, когда я смотрела на портрет не отрываясь.

Мое пристальное внимание к портрету, Галина истолковала по своему.

— Эмма Платоновна, вы на портрет так не смотрите. Клянусь, девочки с него пыль каждый день вытирают! — громкая и четкая скороговорка старшей горничной, напоминала рапорт бдительного прапорщика.

При словах "пыль" и "каждый день", женщина на портрете отшатнулась и скривилась, словно кислого лимона отведала.

Мне в голову пришла великолепная мысль.

— Знаете, что Галина, вы пыль с портрета не вытирайте. Там живопись слишком нежная, повредить случайно можете. Вы лучше распорядитесь, что-бы портрет Агафьи Платоновны в мой кабинет перенесли.

Я исподтишка подмигнула довольной тетушке и пошла смотреть место предполагаемого преступления.

Глава двенадцатая. Все идет не по плану

"Большая баня", как все называли здесь это здание, стояла в стороне от хозяйственных построек. Она возвышалась обособленно и горделиво, словно знающая себе цену красавица.

Баня действительно была красавицей и скорее напоминала резной терем. Толстые и ровные, как на подбор бревна, сверкали на солнце, будто смазанные яичным желтком. Высокие оконца одетые в замысловатые кокошники резных наличников, казалось взирали на меня строго и настороженно. Тяжелая, громадная дверь легко качалась на кованых петлях и ласково скрипела, словно приглашая меня в темное нутро бани.

Я подумала несколько секунд, покачалась с пятки на носок, но приглашение дубовой двери не приняла. Чем-то жутким и мрачным вдруг повеяло на меня из черного зева здания, промелькнула неясная тень и дверь с грохотом захлопнулась, хотя погода сегодня была безветренной.

Испачканное зеленую платье я отряхивала долго и тщательно, мое лазанье на коленях особых результатов не принесло. Увы, но на зеленой траве, следы не сохранились. Правда нашлась лопата, старая и ржавая, но с крепким и новым черенком. Было видно, что лопату вернули к жизни совсем недавно, а потом зачем-то забросили в заросли крапивы, которая густой, кровожадной стеной росла позади бани и ревностно охраняла все, что ей доверили. Обернув руки подолом платья, я бесстрашно ринулась в бой за улику, но получила несколько жгучих, крапивных укусов и отступила на прежние рубежи.

— Эмма Платоновна, вы наверное сегодня хотели в баню сходить? В ванной, разве можно так попариться, и смыть с себя все заботы? — раздался у меня возле самого уха вкрадчивый, женский голос.

Крепкое словечко сорвалось с моих губ, когда я подскочила от неожиданности, подняла глаза и встретила с немигающим взглядом Екатерины Васильевны.

Женщина смотрела на меня в упор, улыбалась услужливо. Но ее добрая улыбка никак не вязалась с холодным и сосредоточенным выражением свинцово-серых глаз. Круглые, алые пятнышки горели на ее розовых щеках, она дышала тяжело, словно пробежала стометровку.

Я невольно посмотрела на ее подмышки. Голубая ткань в мелкий белый цветочек, потемнела от влаги. А ведь, Екатерина Васильевна, точно весьма торопилась. Неужто она пробежала от самых "Сладких Хрящиков", лишь затем что-бы сообщить мне о прелестях банных процедур? Не удержалась и бросила взгляд на заросли крапивы.

Женщина проследила за моим взглядом и поспешно опустила глаза.

— Так, как насчет баньки, Эмма Платоновна? Может быть истопить ее сегодня к вечеру? — голос управляющей отдавал елейной приторностью.

— Может быть, — весело согласилась я, и мысленно хлопнула себя ладонью по лбу.

Действительно, как это я сама не догадалась? Что-бы во всем разобраться, придется посетить баньку. Не хочется, но придется! Но все же стоит себя обезопасить, так на всякий случай.

— Екатерина Васильевна, честно вам признаюсь, что банными премудростями не владею. Если вы мне составите компанию, то я пожалуй решусь на такой эксперимент, — мой голос продолжал звучать весело и беззаботно. — Но меня еще смущает один факт — говорят, что тут угорели люди... Гм, как то не очень хочется, купаться в том месте где...

— Не беспокойтесь на этот счет Эмма Платоновна, они угорели когда водку пили и...

другими делами занимались, а для этого было совсем другое помещение, — Екатерина Васильевна кивком головы указала мне куда-то за баню.

Я сжала губы и отвернулась, пытаюсь скрыть свое отвращение.

Женщина усмехнулась. Отступила на шаг. Ее глаза были остры и пусты одновременно, и мне подумалось, что так наверное выглядят глаза змеи перед решительным броском.

— Ну, это меняет дело, — все так же весело согласилась я с женщиной. — Распорядитесь Екатерина Васильевна, чтобы баньку к вечеру истопили.

Разворачивалась я поспешно, уходила быстро. Боялась передумать относительно этой безумной идеи с баней. Спиной чувствовала взгляд управляющей. Хотелось сплунуть себе под ноги от досады. Вот почему мне кажется, что меня сейчас нагло подставили?

Вернувшись в дом, я застала интересный момент. Заливисто лаял Лимон, рыча и кусая за ноги работников, которые снимали портрет над камином. Он сильно подрос за это время, из смешного щенка превратился в молодого и сильного пса неизвестной породы. Шерсть немного потемнела, но на солнце по прежнему отливала яркой желтизной. Сейчас он метался по гостиной, лаял пытаясь отвоевать портрет Агафьи Платоновны, который два дюжих молодца собрались нести наверх в мой кабинет.

Портрет несли вниз головой. Колода карт рассыпалась в беспорядке, стол под шелковой, вышитой маками скатертью, опасно наклонился набок. Стул и вовсе задрал резные ножки и уперся ими прямо в пышную грудь тетушки. Сама Агафья Платоновна в ужасе пыталась удержать равновесие и была похожа на цирковую эквилибристку. Забавно, что видела это лишь я, и кажется Лимон.

— Прекратите! — мой голос так громко и резко завизжал, что на мгновение все замерли.

Дюжие парни застыли в недоумении, а затем и вовсе выронили тяжелый портрет из своих крепких рук.

Мое громкое — "Нет!!!", смешалось с заливистым лаем Лимона. К треснувшему портрету мы подбежали почти одновременно.

Я с усилием пыталась приподнять громоздкий подрамник обрамленный тяжелой рамой, а собака помогала мне тревожно скуля, тыкаясь мокрым носом в мои руки.

— Эмма Платоновна, я расчет у вас просить хотела. Не могу больше в страхе жить, — едва слышно шептала сидящая напротив меня милая девушка Юленька и теребила красную, шелковую ленту в русой косе.

По иронии судьбы последнюю девушку из трех моих горничных, тоже звали Юленькой, как и ту, что погибла в бане.

Ее нежное личико было розовым и мокрым от слез. Девушка вытирала их концами широкой ленты, горестно шмыгала остреньким носиком.

Мы с Агатой Платоновной изредка переглядывались и молчали. Она молчала у себя на портрете, обвязав голову зеленой шалью на манер шамаханской царицы и присев на краешек стола. Стул почти исчез с картины, от него осталась лишь одна резная ножка, все остальное уничтожила грубая, широкая и безобразная трещина, которая образовалась когда полотно уронили.

Я же молчала, прогуливаясь вдоль массивного дубового шкафа набитого пыльными книгами. Толстый ковер, с мрачным ржаво-черным узором пружинил под моими ногами, а покрытое темно-бордовым плюшем кресло, больше похожее на гиганский вареник, все время старалось зацепить меня своим мягким боком. Тогда я сбивалась со счета шагов и

шипела, как вода на горячей сковороде.

Злость на себя, на нерадивых работников угробивших полотно, на молоденьких и глупых горничных которые столкнулись с проблемой, но старательно ее замалчивали, эта злость не давала мне спокойно сидеть. Эмоции требовали выхода и пока я боролась с ними, вот таким способом — маршируя по просторному кабинету. Ходьба успокоила меня и тогда в голову начали приходить весьма занятные мысли.

Почему две других девушки, тоже столкнувшиеся с приведением в бане, о расчете даже не намекнули? Рассказали, что вода ледяная была, стоны и песни грустные слышали, что кто-то дверь закрыл, когда они уже выходить из бани собрались. Рассказали, как в дверь напрасно бились более получаса, а та потом сама и открылась. А, вот милая девушка Юленька, сидит у меня в кабинете на диванчике и плачет горько о том, что в страхе жить не хочет...

Я остановилась и внимательно посмотрела на девушку.

Рост у Юленьки был небольшой и фигурка хрупкая, но мелкие белые пуговицы на розовой, ситцевой кофточке грозились превратиться в дробь и разлететься по темным углам кабинета, если девушка вдруг решит глубоко вдохнуть. Грудь полновесная и тяжелая, не меньше пятого размера, стремилась на свободу из оков розового ситца.

Густые светло-русые волосы с медным отливом были гладко зачесаны назад с узкого лобика и заплетены в длинную, толстую косу, ее горничная перебросила через плечо и сейчас нервно теребила потемневшую от слез широкую красную ленту с золотыми цветами и серебряными птицами.

Именно за нее зацепился мой взгляд, а в памяти всплыли мужские крепкие руки, которые держали именно такую ленту не более трех дней назад.

Я резко затормозила и плюхнулась в мягкие, слегка пыльные объятия плюшевого кресла.

— А скажи-ка мне Юленька, кто тебе такую ленту нарядную и дорогую подарил? — мой голос был вкрадчивым и ласковым, именно таким спрашивает мать свое неразумное дитя.

На портрете встрепенулась Агафья Платоновна, качнула головой и шелковые кисти зеленой шали полезли ей в глаза, защекотали нос. Тетушка беззвучно чихнула и с досадой сдернула с головы накрученную чалмой, вышитую пышными розами шаль. Она небрежно кинула ее на остатки стула и сгребла в кучу рассыпанные карты. Через секунду прямоугольные картонки сложились в пухлую колоду, затем замелькали подвластные ловким, белым пальцам в драгоценных перстнях.

В кабинете повисла тревожная тишина. Девушка сидящая на диване, притихла и посматривала на меня из-под нахмуренного узкого лобика, под которым сейчас происходила напряженная работа серого вещества. В лазоревых, немного покрасневших глазах мелькали страх и сомнение, а маленький, почти детский ротик раскрывался в попытке вымолвить слово, а затем схлопывался, словно алый цветок на заходе солнца.

Я ее не торопила, боялась испугнуть своим неосторожным словом. Затаилась в мягком кресле и терпеливо ждала, когда Юленька для признаний созреет.

Агафья Платоновна, ждать не собиралась, она закончила расклад карт и теперь с торжествующим видом показывала мне одну из них.

Пришлось мне вставать с кресла и подходить к портрету, что-бы поближе рассмотреть прямоугольный кусочек глянцевого картона.

Бубновый король едва не подмигивал мне хитрым глазом и вальяжно кутался в свою соболиную шубу.

Я всплеснула руками и фыркнула. Что-то видимо не дается искусство гадания моей тетушке. Что ни расклад, так обязательно бубновый король выпрыгнет, как черт из табакерки! Если прислушиваться к Агафье Платоновне, так во всех бедах виноваты злополучные бубновые короли.

Нахмурилась и пожала плечами, мол подождем признания девушки, совсем немного осталось, расколется Юленька, я это нутром чувствую.

Но тетушка на портрете успокаиваться не собиралась. Она устроила целый спектакль пантомимы. Указывала своим холеным пальчиком на молоденькую горничную, затем трясла картой с изображением бубнового короля, затем вытягивала свои губы трубочкой, будто пыталась целовать воздух, а возможно и бубнового короля. Потом Агафья Платоновна, схватила свою зеленую шаль, сложила ее продолговатым свертком и принялась ее качать, словно шаль была младенцем. При этом она выразительно подымала свои соболиные брови и кивком указывала в сторону дивана на котором сидела понуря и заплаканная Юленька.

— Ребенок?! — догадалась я слишком громко.

— Эмма Платоновна, вы откуда знаете? Я ни одной душе еще не говорила, лишь только он недавно догадался, — всхлипнула за моей спиной девушка.

Глава тринадцатая. Банные откровения

Женское любопытство невозможно держать в узде. Это чувство настолько упрямое и своевольное, что почти не поддается уговорам и дрессировке.

Я украдкой разглядывала Екатерину Васильевну, и в который раз убеждалась, что далеко ей было до горничной Юленьки, в плане женской красоты, далеко...

Широкая, почти квадратная спина, упругие и небольшие, словно два спелых яблока, молочно-белые груди, немного коротковатые, сильные руки. Правда ноги были хорошей формы, неожиданно стройные, с тонкими щиколотками, и с маленькой изящной ступней.

Мы были в бане наверное больше часа, но ничего подозрительного я не заметила. Вода замерзать и покрываться на глазах корочкой льда не торопилась, песнями жалобными нас никто развлекать не спешил.

Екатерина Васильевна закутавшись в белую простыню, сейчас напоминала римского патриция в парадной тоге, или же на самый крайний случай, то самое привидение, которое я надеялась увидеть. Она расслабленно сидела на лавке и лениво расчесывала мокрые волосы круглым, деревянным гребнем.

Неожиданно она ехидно усмехнулась, тщательно собрала с частых зубчиков гребня волосы и аккуратно скрутила их в небольшой комочек. Посмотрела вокруг, что бы не пропустить ни одну выпавшую волосинку, и этот комочек не торопясь положила в голубую чайную чашку, расписанную мелкими, золочеными розочками. Сверху бросила горсть сухих дубовых листьев, которые отщипнула с банного веника, чиркнула невесть откуда взявшейся спичкой и подожгла эту смесь, при этом что-то тихо приговаривая. Запахло паленой шерстью, лесным пожаром, и почему-то тухлыми яйцами.

— От чего это вы на меня, так смотрите Эмма Платоновна? Неужто с собой тайно сравниваете? — в голосе женщины звучала еле скрытая издевка.

Я почти задохнулась от такой наглости. Закашлялась от едкого дыма, который подымался из голубой чашки сизым дурманом. Он настойчиво проникал мне в нос, бесцеремонно и вольно туманил мысли. Поплыли бревчатые стены, заплясали вдруг сухие дубовые веники, которые ровным строем бравых, зеленых служителей банных ритуалов весели в дальнем углу. Замелькали прозрачные, белесые тени, странно напоминающие человеческие фигуры.

Я с трудом откашлялась, открыла и закрыла глаза, пытаюсь убедиться, что мне все померещилось. Дубовые веники больше не танцевали, бревна были весьма крепкими на вид и даже на ощупь, они больше не расплывались зыбким туманом, а белесые тени исчезли.

— Почему такие выводы делаете, любезная Екатерина Платоновна? — я старалась, что бы голос звучал ровно и уверенно, а сама вдруг с ужасом поняла, что в чем-то права моя управляющая. Забыла я про ее откровения о молоденьком Петре, и о их шалостях в юном возрасте. А ведь мой безумный роман с Беркутовым, ставил меня на одну ступеньку с глупенькой горничной Юленькой. На душе так гадко стало, словно не в бане сейчас мылась, а в ведре с помоями.

Я сморщилась и брезгливо дернула плечами.

Женщина сидящая напротив меня задумчиво взяла голубую чашку в руки. Сизый дымок встрепенулся, замер на мгновение и пополз тонкой змейкой в мою сторону.

— Вижу, что все поняли сами Эмма Платоновна. Думали, что о вашем романе с

Беркутовым никто не знает? Да, о нем каждая баба на базаре судачит! Всем интересно, когда же законная мадам Беркутова до ваших белобрых локонов доберется! Говорят, что она еще та ведьма! Посильней меня будет. Таких кобелей, как Петр Беркутов, только приворотами возле себя удержать можно, и то ведь умудряются срываться! Взять моего Степушку... Ведь люблю его, всем сердцем люблю! Жизнь за него готова отдать, а его все на молоденьких горничных тянет!!! Ладно бы побаловался, съел и облизнулся, да опять бы ко мне вернулся! Так нет же, побегу все измышляет, ирод гулящий, — голос Екатерины Васильевны задрожал, гнев в горящих глазах, вдруг потушили выступившие слезы.

— Так это вы первую Юленьку убили? А с ней заодно и еще пять невинных человек приговорили? — мои мысли слегка путались, а язык заплетался.

Женщина глянула на меня угрюмо, от недавних грустных слез не осталось и следа.

— Ха! Невинных говорите? Каждый из них мне боль и страдания причинил, и от расплаты уйти думал. Старый Беркутов мне жизнь сломал, двое других так, по мелочи провинились. Про первую Юленьку, вы наверное и сами поняли, Эмма Платоновна. Девка была — огонь, не чета этой грудастой плаксе. Меня насквозь видела и думается мне, что из ее рук Степушка тоже приворотного зелья отведал...

— Бедный Степушка! — невольно вырвалось у меня. — Так и с ума сойти недолго, а то и вовсе кони двинуть. Если вот любите его всем сердцем, зачем тогда травите?! Когда любишь, то ради счастья любимого, себя не жалеешь. Отпускать любимых нужно! — с трудом прошептала я, борясь с нарастающей тошнотой.

Екатерина Васильевна даже подпрыгнула от возмущения.

— Отпускать?! — завизжала она, словно мои слова принесли ей физическую боль. — Отпускать?! К кому отпускать? К стерве, которая тебя обыграла? Которая будет над тобой смеяться и радоваться своей победе?

— Да, поймите же вы, Екатерина Васильевна! Мужчина не вещь, принадлежащая вам со всеми потравами, мыслями, стремлениями и желаниями! Он не ценный приз, который вы выиграли один раз и на всю свою жизнь! — у меня даже тошнота отступила, когда я принялась доказывать собеседнице такие на мой взгляд очевидные вещи.

Женщина посмотрела на меня исподлобья сверлящим взглядом, а затем откинула голову и расхохоталась весело, звонко показывая крепкие, хищные, белые зубки.

— Ох, и насмешили вы меня Эмма Платоновна, ох и насмешили. Мужик — он конечно же не ценный приз, он приз переходящий! — она сгибалась от дикого хохота пополам, вытирала выступившие от смеха слезы тыльной стороной ладони. — Вы ведь тоже не прочь себе присвоить этот переходящий приз в лице Пети Беркутова!

Смех оборвался так же резко, как и начался. Екатерина Васильевна все еще вытирала остатки слез ладонью, да изредка покусывала нижнюю губу, словно желая задушить остатки своего бурного веселья.

— Вот умная ты девушка, Эмма Платоновна, но такая глу-у-у-пая! — она зацокала языком и горестно вздохнула. — Зачем со мной в баню поперлась? Что решила, если за время нашего купания, никто лопату из зарослей крапивы не достанет, да дверь ее не подопрет, так меня в преступницы записать можно? Кроме меня ведь некому?

Женщина взяла голубую чашку с блестящими розочками в руки, и легонько подула в нее. Сизый дымок, который казалось уже умер, вдруг вздрогнул, окреп и уверенно пополз в мою сторону.

— Послушайте, Екатерина Вас..., ах к черту политес! Послушай, Катя, — мой голос

тягуче плыл расплавленным воском, а язык слегка заплетался, но мысли вдруг стали необыкновенно четкими, будто я не вонючий, сизый дым сейчас вдохнула, а нашатырный спирт на ватке в медпункте. — Послушай Катя, глупо называть по имени и отчеству человека, которого видела голым в бане и даже стегала веником! Я поняла почему в моем бывшем мире, все важные дела неизбежно переносились в баню... А ведь все придумали они — мужики! Вот же сволочи догадливые!

Я несла явную чушь, а сама старалась зорко следить за женщиной сидящей напротив. Но у меня это плохо получалось. Опять кисельным маревом задрожали бревенчатые стены предбанника, заплясали весело сухие, дубовые веники, развешанные в дальнем углу. Нас с Катериной разделял широкий, добротный стол, грубо вырубленный из толстого дерева неизвестным мастером на долгие века.

Екатерина Васильевна довольно улыбалась, наблюдая за тем, как я безуспешно пытаюсь встать с широкой лавки. Мне захотелось стереть ее улыбку с румяного, распаренного лица, о чем сейчас же оповестил мой заплетающийся язык. Я в ужасе закрыла рот руками, но он продолжал выдавать ненужную и сомнительную правду. Странное было у меня состояние... Мозг мыслил четко, а вот язык явно записался в предатели.

Услышав про " мой бывший мир", женщина прищурилась и подвинулась ближе, нависнув белой глыбой над столом.

— Так я и думала, что ты Эмма — нездешняя! — голос Катерины зазвенел от нетерпения, в свинцово-серых глазах вспыхнуло любопытство. — Ну, рассказывай голубушка, откуда ты к нам такая вся правильная, прибыла?

Умом я все понимала и ясно отдавала себе отчет, в том, что наверное сизый дым из голубой чашки действует не хуже пресловутой сыворотки правды, но язык мне не повиновался. Он бойко и подробно рассказывал Екатерине Васильевне о моей прежней жизни. Нет, не той которой жила до двадцати трех лет Эмма Платоновна Загряжская, урожденная под неблагозвучной фамилией Хрящ. Язык захлеб выдавал все тайны и страдания брошенной, одинокой женщины, которая увлеченно строила карьеру в полиции. Которая подскользнулась на мокром, морском камне и улетела вниз головой с приличной высоты.

Екатерина Васильевна слушала меня внимательно. Горестно и сочувственно качала головой, когда я рассказывала о муже-изменнике Гоше, о своем роковом бесплодии.

— Вот видишь, подруга, права я в нашем споре оказалась! Ох, как права! Жалеть и отпускать мужиков на волю не нужно, не достойны они нашей жалости, — женщина погрозила кому-то кулаком и вытерла одинокую слезу, сползающую по румяной щеке крупным алмазом. — Хоть мне тебя и жалко подруга, но сведениями с умом воспользуюсь. Ты выходит, не законная наследница своей тетушки, а самозванка. Слышала я о таких попаданках. Их в закрытый город поселяют, наши ученые все пытаются дорогу в иные миры прощупать. На мой взгляд, напрасно это они делают. Занавес поднимать не следует. А если получится? Как попрет оттуда ересь всякая, сами рады не будут!

Она потянулась всем телом и ее позвоночник захрустел.

— Засиделись мы с тобой подруга, сейчас оденемся красиво, да к Валериану Антоновичу Добужинскому поедем. Он-то знает, что с такими как ты делать. Зелье мое еще долго действовать будет, люблю я им работать. Приятно человеком управлять, словно куклой смиренной и кроткой. Хотя напоследок хочется мне послушать, с Беркутовым то, сладко было? — Катерина гаденько захихикала, глаза ее замаслились похотливым

любопытством.

А вот напрасно она себя так беспечно вела, упиваясь своей властью колдовской. Будь она более внимательной, тогда наверное заметила бы, что я уже минуту, как задержала дыхание, и старательно уворачивалась от сизого дыма идущего из голубой, нарядной чашки.

Я опустила голову и молчала упрямо стиснув губы, и прикусив болтливый язык. Когда молчание затянулось, Екатерина Васильевна всполошилась.

— Эй, подруга! Отвечай на мои вопросы быстро! — в ее голосе звучало настороженное беспокойство.

Она приподнялась с лавки, попыталась силой поднять мне голову, вцепившись в мой подбородок цепкими пальцами.

Радуюсь, тому, что женщина отвлеклась, а руки меня слушаются, я схватила голубую чашку с золотыми розочками и отбросила ее подальше от себя. Но не рассчитала. Чашка взмыла высоко, стукнулась о бревенчатый потолок, отрикошетила от него и полетела голубым, дымящимся снарядом прямо в сухие дубовые веники. Они вспыхнули почти мгновенно, словно давно ждали этого момента.

Мы с Катериной с секунду наблюдали, как сизый дымок на наших глазах превращается в прожорливый огонь, а затем не сговариваясь ринулись к входной двери.

Крепкая дверь встретила напор наших тел, совсем не так, как от нее ожидалось. Она отшвырнула нас, словно норовистая лошадь кованым копытом.

— Заперто! Снаружи заперто! — завопила Екатерина Васильевна, пронзительно и громко, как пожарная сирена.

Я ей не поверила и продолжала биться в дверь, но она неумолимо и жестко отбрасывала меня назад с упорством взбесившегося мула.

Позади уже бушевало жаркое пламя. Оно уже давно сожрало дубовые веники и теперь с наслаждением облизывало бревенчатые стены, пробовало на вкус тяжелую, громоздкую мебель. Вот уж поистине — с маленькой искры может разгореться такой дикий пожар!

— Окна! Окна бить надо! — металась в ярких всполохах огня Екатерина и старалась попасть тяжелой табуреткой в маленькие и высокие оконца.

Наконец-то ей это удалось и она ринулась к ним, пытаясь вскарабкаться по бревенчатым стенам.

— Ку-у-у-уда-а-а-аа! — жуткий, протяжный вой раздался в задымленном, большом помещении предбанника и призрачная женская фигура схватила Екатерину Васильевну за ноги.

— Юленька!? Отпусти меня Юленька, клянусь не хотела я твоей смерти, — рыдала женщина, отбиваясь от разъяренного приведения давно почившей соперницы. Но Юленька, отступить не собиралась. Ее белая фигура росла, принимала гиганские очертания.

Пока Екатерина Васильевна боролась с бывшей соперницей, я отчаянно боролась с закрытой дверью. Но в конечном итоге, дверь вышла победительницей. "Какая жуткая у тебя смерть, Эмма Платоновна! Хоть тебе и не впервой умирать, но превратиться в черную головешку... Страшно... Детей жалко... Агафью Платоновну жалко... Кто ей портрет будет реставрировать..." — равнодушно и отрывочно думала я, сползая вниз по неприступной двери. Сознание уплывало, кашель выворачивал легкие, огонь превратившись в жуткого монстра бушевал совсем рядом.

Глава четырнадцатая. Тили-тили-тили-бом, вот и сгорел приведения дом

Что-то мокрое, горячее трогало мои щеки и громко, сосредоточенно сопело. Я осторожно приоткрыла один глаз и увидела совсем близко белоснежные, острые клыки, розово-красный, проворный язык и черный нос.

— М-м-м, уйди чудовище, — с усилием простонала я, и попыталась увернуться от мокрых, собачьих лобызаний.

Звонкий, залиvistый лай был мне ответом.

— Она очнулась! Очнулась! Эмма, ну открой же скорей глаза! — наперебой, взхлеб закричали детские голоса, принадлежащие Шурику и Лизе.

Я открыла оба глаза и первое, что увидела — это пронзительное синее небо, затем развевающийся подол знакомого, ситцевого платья в черный горошек и смуглые детские ноги в белых носочках и красных туфельках. Летние, серые туфли со сбитыми носками нетерпеливо переминались немного дальше. Четыре мохнатые лапы светло-желтого цвета, на месте не стояли. Они радостно подпрыгивали, мельтешили и вызывали у меня головокружение.

Стон протяжный и хриплый вырвался у меня из горла, и я закашлялась, пытаюсь приподняться.

— Лежите, лежите! — надо мной склонилось морщинистое и доброе лицо профессора Стефана Стефановича. — Слава богам, пришла в себя наша голубушка! Эмма Платоновна, вы простите меня старика, но не могу не задать один вопрос — вы почему в горячей бане оставались, когда легко можно было выйти? Дверь-то открытая была...

Я зажмурилась вспоминая свою борьбу с "открытой" дверью. Почему-то припомнилась ржавая лопата с новеньким и крепким черенком, мирно лежащая в зарослях зеленой, кровожадной крапивы.

Я повернула голову к мальчику.

— Шурик, ты не мог бы сбегать за баню и посмотреть, там лопата в зарослях крапивы все еще лежит?

Ноги Шурика неуверенно и осторожно затоптались, он молчал и отводил глаза в сторону. Лицо профессора сочувственно сморщилось. Выцветшие, голубые глаза за стеклами круглых очков, смотрели на меня жалостливо.

— Ох, голубушка, Эмма Платоновна! Вынужден вас огорчить, нет уже бани... и зарослей крапивы за ней тоже нет... Здание до самого основания выгорело, а крапиву затоптали пока его потушить пытались. Но огонь стоял такой плотной стеной, что даже подойти к пожару не было возможности, он чудом на дом и другие постройки не переметнулся. Просто вразрез, вопреки всем законам физики, этот пожар произошел, — шелестел надтреснутый голос Стефана Стефановича.

Меня вдруг резко затошнило. Закружилось синее небо над головой. Перед глазами возникла визжащая и отбивающаяся от призрака женская фигура на фоне оранжево-красного, мощного пламени.

— Екатерина Васильевна? — я затаила дыхание ожидая ответа на свой вопрос. Хотя в глубине души уже знала, что мне скажет профессор.

Стефан Стефанович снял очки с серыми, металлическими дужками, слишком долго и

тщательно вытирал круглые стеклышки мягким платком, в коричнево-белую, крупную клетку.

— Сгорела ваша управляющая, Эмма Платоновна, сгорела так основательно, словно не из костей и плоти была, а чучелом соломенным, — мужчина понизил голос до шепота и опасно покосился в сторону вытянувших шеи, явно прислушивающихся к нашему разговору детей. — Вы недалеко от крыльца лежали, наверное в последний момент выход в дыму нашли и в открытую дверь смогли выйти.

Я погладила мягкую, зеленую траву, посмотрела в высокое и вечное небо, которому не было никакого дела до возни смешных существ, называющих себя людьми. Только сейчас ощутила запах гари и мокрой земли. На душе стало тоскливо и пусто, но это длилось недолго. Радость — яркая, как само голубое небо над головой захлестнула меня. Пусть это было эгоистично, но я радовалась тому, что осталась жива. Радовалась еле заметному ветерку, который дул мне в лицо, радовалась прыжкам Лимона, улыбкам моих дететей. Радовалась тому, что могу ощущать свои руки, ноги, и они совсем не болят! Я вырвалась из огненного плена практически не понеся никаких потерь!

— Стефан Стефанович, я бы хотела в дом пройти, вы мне помогите? — спросила я ощупывая на себе неповрежденную и совершенно целую простынь.

— Конечно, конечно голубушка, Эмма Платоновна, — засуетился профессор. — Может лучше Степана позвать? Хотя..., не в себе сейчас он. Любимую супругу потерял. Я ему успокоительной настойки дал лошадиную дозу и доверил заботе горничной Юленьке.

— Юленьке..., не хочу сегодня имя это слышать. Степана тоже трогать не надо, мы и сами потихоньку доберемся. Да, Шурик? — мой голос уже не напоминал стон слабейшего в мире создания, он был четким и решительным.

Наша странная процессия тихим шагом побрела к дому. Впереди бежал радостный Лимон, за ним вприпрыжку скакала Лиза. Я же брела медленно, поддерживаемая с одной стороны Шуриком, а с другой пожилым профессором.

Из дома нам навстречу уже бежала старшая горничная Галина, в ее руках синим флагом развевался мой халат.

— Эмма Платоновна, беда какая приключилась! Ох, бе-е-еда! — голосила женщина, вытирая ладонью заплаканное лицо.

— Галина! — резко оборвал ее всхлипывая Стефан Стефанович. — Вы бы лучше постель нашей хозяйке приготовили и чай с лимоном, да сахару положите побольше!

— Сейчас, все будет сделано и чаек уже готов, и постелька, — приговаривала Галина, пытаясь надеть на меня халат.

У нее это получалось не очень хорошо, в конечном счете я вынуждена была забрать халат и одевать его самой поверх простыни, которая так и норовила распахнуться при ходьбе.

Мысли работали четко. Хотелось увидеть Агафью Платоновну и немного подумать над произошедшим событием.

— Мне сейчас нужно в кабинет пройти, постельку оставим на потом. Галина, вместо чая, коньячок из буфета возьмите, там на нижней полке в коричневой бутылке с самой старой этикеткой, а лимон пожалуй оставьте, — распорядилась я на ходу, и шла уже совсем уверенно, отказавшись от помощи Шурика и Стефана Стефановича.

Вторая рюмка коньяка окончательно вернула мне способность мыслить здраво и последовательно.

— Вот понимаешь ли, Агафья Платоновна, возникший в бане пожар объяснить я могу. Сама его нечаянно устроила, — я нервно хохотнула вспоминая полет голубой чашки. — Даже приведение Юленьки могу объяснить. Если дыма наглотаешься и не такое померещится... Но кто подпер дверь с той стороны? Екатерина Васильевна со мной была, а ведь я ее главной злодейкой назначила...

Моя рука потянулась к пузатенькой, пыльной бутылке. Веселое и звонкое "буль-буль", словно весенняя капель полилась в приземистую, зеленоватого стекла, рюмку.

Агафья Платоновна нахмурила брови и укоризненно, осуждающе закачала головой. Темно-карие глаза смотрели неодобрительно, даже зеленая шаль на ее плечах упрекающе зашевелила своими шелковыми кистями. Белые, холеные руки виртуозно тасовали колоду карт, но делать расклад тетушка не спешила.

— Не надо, на меня так смотреть, уважаемая моя родственница! Уверю вас, что эта рюмка будет последней. Просто помянем бедную Екатерину Васильевну, что-бы пусто ей было! — ароматная жидкость маслянисто обожгла мое горло, приятно согрела желудок и немного затуманила мозг.

— Ну, вот видишь Агафья Платоновна, третья рюмка была мне просто необходима! Хочется сейчас забыться, а не разгадывать шарады с дверью, — я зевнула и довольно улыбнулась, разглядывая большой, кожаный диван напротив.

Но опробовать его на мягкость и уютность мне было сегодня не суждено. В дверь осторожно постучали.

— Войдите! — я старалась говорить уверенно и громко, но язык снова решил меня предать, он заплетался и мямлил, словно пьяный путник на ночной дороге.

Дверь распахнулась поспешно и стремительно. Встревоженная старшая горничная Галина, стояла на пороге и теребила белый передник с голубыми, кружевными рюшами. Ее руки немного дрожали, а на смуглом лице лихорадочно и испуганно горели черные глаза.

— Эмма Платоновна, у нас гости! Начальник полиции, Валерьян Антонович Добужинский прибыли. Желают немедленно вас видеть. Гневаются и обвиняют вас и всех слуг в сговоре и в убийстве Екатерины Васильевны! — голос женщины срывался от возмущения.

Я устало вздохнула и встретилась с укоризненным взглядом Агафьи Платоновны. Подняла руки, словно собралась сдаваться в плен.

— Ладно, ладно! Признаю, что алкоголь — зло! Третья рюмка коньяка и правда была лишней! — я икнула и с достоинством прикрыла рот ладошкой.

Галина стояла на пороге и смотрела на меня круглыми от изумления глазами, — Эмма Платоновна, я никогда такого не говорила. Не пристало воспитанной горничной, хозяйке указывать!

— Не пристало, — согласилась я с ней. — Но вот задержать, как можно дольше в гостинной господина Добужинского, вполне можно. А так же приготовить мне платье, свежее белье и холодную воду в ванной комнате, тоже потрудитесь! — мой язык уже не заплетался, способность мгновенно трезветь, как оказалось перешла из прежней жизни вместе с характером и воспоминаниями.

Через минут сорок, я спустилась в гостиную свежая, серьезная и красивая, если конечно мне не соврало большое, круглое зеркало в ванной комнате.

— Валериан Антонович, не скажу, что очень рада вас видеть, но вполне понимаю цель вашего визита. Произошло из ряда вон выходящее событие. Сгорела дотла баня, а вместе с

ней и моя управляющая, Екатерина Васильевна.

Начальник полиции поднялся мне навстречу из-за наскоро накрытого, круглого стола. В одной руке он держал рюмку водки, а в другой — наколотый на вилку, розовый кусочек тонко нарезанной колбасы. Он нерешительно, с досадой поглядывал на рюмку с прозрачной жидкостью в своей руке и по всей видимости не знал, как ему поступить в этой ситуации. В конечном итоге победила чисто мужская привычка — если собрался пить, так пей до дна. Одним махом рюмка была осушена, а розовый кусочек колбаски был отправлен вслед за прозрачной, как слеза младенца, жидкостью.

— Эмма Платоновна, прошу принять мои соболезнования, но вы же понимаете, что в таких делах необходимо произвести расследование, — голос мужчины вкрадчиво ворковал.

На мое счастье прозрачная жидкость в рюмке, сделала свое дело. Теперь начальник полиции немного умерил свой пыл, и не спешил обвинять меня в убийстве.

Я усмехнулась, прошла ближе к столу и присела на стул. Добужинский расположился напротив. Серые глаза пытливо буравили меня, будто начальник полиции собрался проникнуть в мои мысли. Выдержать его взгляд оказалось не просто, но я вышла с честью в этом поединке. Глаза не опустила, щеки не порозовели.

— Я все понимаю, Валериан Антонович. Всякая смерть наступившая от несчастного случая, требует расследования, — я тяжело и шумно вздохнула. — Кстати, это ведь не единственная смерть в этой злосчастной бане? Интересно узнать прямо из первых источников, что там выяснилось в результате расследования самого первого случая? — теперь настал мой черед пристально разглядывать собеседника.

Мужчина видимо не ожидал подобного вопроса от наивной глупышки Эммы. Он заерзал на стуле, нервно застучал кончиками пальцев по белой скатерти и быстро оглянулся по сторонам, как бы желая убедиться в отсутствии нежелательных слушателей.

— Видите ли, Эмма Платоновна, по поводу того несчастного случая, не было возбуждено уголовного дела, — Валериан Антонович, понизил свой голос почти до шепота.

Я даже задыхнулась от подобного беззакония.

— Не было расследования!? Шесть смертей и никаких действий по установлению возможного преступника!? И это говорите вы, начальник полиции и представитель закона в этих краях? — я потрясенно шипела рассерженной гусыней.

Мужчина уже успел взять себя в руки и наверное пожалеть о таком честном ответе на мой вопрос.

— Что же вас так удивляет, Эмма Платоновна? Люди угорели в бане. Так случается довольно часто. От несчастного случая никто не застрахован. К тому же Петр Беркутов, просил не слишком копаться в этом деле, как вы понимаете, что смерть его отца была не самой героической. Баня, голые девки, раздетые собутыльники... Одним словом разврат в чистом виде. Петр Кондратович, как раз готовился стать мэром нашего города, лишняя шумиха вокруг его отца, была совсем лишней.

Валериан Антонович вдруг закашлялся прикрыв покрасневшее лицо крахмаленной салфеткой. Очевидно понял, что опять проболтался. Неужели ему чем-то водку разбавили? Я тихонько хихикнула от такого предположения.

— Как интересно все устроено в вашем ведомстве, Валериан Антонович. Значит смерть шестерых людей — несчастный случай. А вот сгоревшая баня и гибель моей управляющей, дело рук меня лично и моих слуг... Вот так легко вы устанавливаете виноватых? Пришли, подумали, постановили? Или же... Пойдите! Здесь опять не обошлось

без Петра Кондратовича Беркутова? Всем известно, что мы соперники в бизнесе. Убрать меня с дороги он поручил вам? Не по этой ли причине тормозится процесс открытия зарядной станции? Ведь Беркутову это крайне невыгодно! А тут случай такой удобный подвернулся... Без суда и следствия меня убрать можно? Что вы там с ним придумали? Меня в тюрьму, а "Сладкие Хрящики", Петру Беркутову? — мой голос срывался от волнения и звенел натянутой струной. Всегда была противницей проявления бурных эмоций, но тут наверное сыграло свою роль недавнее потрясение от пожара.

— Что вы такое говорите, Эмма Платоновна? Я никогда бы, не позволил бы напрасно обвинить вас. И Петр Кондратович здесь совершенно не виноват. Не знаю, почему вы так решили, откуда взяли такие нелепые предположения! — оправдывался начальник полиции, но глаза отводил в сторону.

Глава пятнадцатая. Вовремя поставить точки

Добужинский внимательно осмотрел еще слегка дымящееся пепелище, задумчиво постоял над новеньким ведром окрашенным в жизнерадостный красный горошек, в котором было собрано все, что осталось от Екатерины Васильевны и засобирался в город.

— Ну, что я могу сказать вам, уважаемая Эмма Платоновна... Беда случилась страшная... Вот стоишь, смотришь на то, что от деятельной и довольно молодой женщины осталось и невольно о бренности жизни думаешь, — мужчина грустно вздохнул и развел руками. — В свете ваших показаний, могу уверенно сказать, что произошел несчастный случай, повлекший за собой гибель вашей управляющей по ее же неосторожности. Значит дело уголовное, заводить мы не будем. Но, предупреждаю вас Эмма Платоновна, чтобы впредь были более бдительней! Слухи о "Сладких Хрящиках" идут не совсем хорошие, прямо скажем мрачные слухи идут... Вы уж, подсуетитесь уважаемая, на корню эти слухи обрубите. Может тогда к вам посетители потянутся... Тогда не придется и Беркутова в грехах смертных обвинять.

Мужчина хитро хмыкнул, многозначительно прошелся взглядом по моей фимгуре. Мне показалось, что даже глазом серым и веселым, решил подмигнуть, но вовремя передумал. Бережно поправил форменную фуражку на голове и поспешил откланяться.

Я смотрела ему вслед и кусала от досады губы. Знает начальник полиции о чем говорит! Вон, как смотрел! Словно кобылку на торгах оценивал... Наверное за рюмкой водки, в дружеской компании не раз обсуждал с Петром Беркутовым, все достоинства и недостатки глупенькой Эммы Загрязской. Мужчины, они же сплетники еще те! Только притворяются безупречными и сдержанными. Я в мужском коллективе не один год проработала, была свидетелем множества приятельских посиделок под "чашку чая", слышала фантастические откровения и пахабные бахвальства этих представителей сильной половины рода людского. Уверенно могу заявить — некоторые по несдержанности пьяного трепа, могут дать фору, любой базарной бабе.

Бросила взгляд на веселенькое ведро в красный горошек и невольно поежилась от его мрачного содержимого. Пахнуло запахом горелой плоти, а голове зазвучал насмешливый голос Екатерины Васильевны. Перед глазами словно наяву, появилось ее лицо, сморщился от едва сдерживаемой ухмылки нос баклажанчиком, да сверкнули свинцово-серые глаза.

Я развернулась и опрометью кинулась к дому.

— Галина! — громко позвала я уже с порога, старшую горничную.

Она возникла передо мной сразу, словно пряталась под лестницей и ждала когда я ее позову.

— Да, хозяйка! — голос женщины был бодрым.

— Галина, узнайте, что там Степан делает. Его жена в ведре уместилась, а он все Юленькины утешения принимает?! О похоронах надо распорядиться, да о соответствующих обрядах позаботиться. Кто этим всем займется? — мой голос громыхал праведным гневом. Хотелось каких либо действий, и немедленных решений всех вопросов. — Галина, вы уж найдите нашего безутешного вдовца, и ко мне в кабинет направьте!

Ступеньки лестницы закрипели под моими ногами. Дверь в кабинет закрываясь, грохнула так сильно, что портрет Агафьи Платоновны вздрогнул и перекосялся. Сама обитательница его живописных глубин, смотрела на меня с явным испугом.

— Ах, тетушка! Какая же, я дура! — стараясь не зареветь, прошептала тихо, и без сил опустилась в мягкие, душные объятия плюшевого кресла.

Через две минуты в дверь робко поскреблись, а затем тихонько ее приоткрыли. В образовавшуюся щель просунулась голова, украшенная взлохмаченными, светло-русыми кудрями.

— Хозяйка, войти можно? — смущенно зарокотал мужской бас.

— Заходи, Степан. Не можешь же, ты скрываться от меня вечно. Самое время настало нам поговорить откровенно. Ведь у тебя есть, что мне рассказать, не правда ли? — мой голос звучал вкрадчиво, а улыбка на лице, надеюсь не напоминала хищный оскал разозлившейся пираньи.

Степан бочком протиснулся в приоткрытую дверь, огляделся по сторонам, задержав взгляд невинно-голубых глаз на портрете Агафьи Платоновны и замер посередине кабинета.

Моя злость быстро угасла. Вот никогда не умела вымещать ее на людях. Устало махнула рукой в сторону кожаного, слегка потертого, коричневого дивана.

— Усаживайся Степан, поудобнее. Наверное разговор у нас долгим будет. От тебя зависит как он закончится. Возможно в тюрьму пойдешь за убийство жены, а возможно счастливым отцом станешь, месяцев эдак через девять-восемь. С молодой женой в деревеньке домик купите. Из тебя прилежный хозяин получится, — нагло блефовала я, в надежде разговорить этого красавца-увальня.

На портрете зашевелилась Агафья Платоновна. Карты эффектным веером разлетелись над столом и опустились на шелковую скатерть определенным раскладом.

Мужчина глядел на портрет круглыми, пронзительно лазоревыми от изумления глазами. Неприлично длинные, рыжевато-русые ресницы глуповато хлопали, отбрасывая на небритые скулы синие тени.

— Ты, что застыл, Степан? — осторожно напомнила я, о своем присутствии.

Мужчина зажмурил глаза и энергично замотал головой, словно пытался сбросить с нее невидимую шапку.

— Так, это... Там это... Прежняя хозяйка карты раскладывает, — он растерянно улыбнулся и привстал с дивана. — Здравствуйте, Агафья Платоновна!

Мы с тетушкой переглянулись. Она посмотрела на Степана и вдруг ее лицо смущенно зарделось, как у девушки встретившей желанного кавалера. Она кивнула головой и кокетливо поправила зеленую шаль на плечах.

— Та-а-а-ак, — произнесла я, старательно растягивая букву "а". — Смотрю, ты Степан времени даром никогда не терял... Ты у нас великий сластолюбец оказывается...

Я поднялась с мягкого кресла и направилась к столу. Миссия мне предстояла важная, а объятия пыльного плюша, на нужный лад не настраивали. Вот жесткий стул, да столешница покрытая зеленым, кое-где подпорченным молью сукном, это совсем другое дело. Садись и сразу себя чувствуешь следователем, прокурором и судьей одновременно..

Степан продолжал разглядывать портрет, а Агафья Платоновна искоса бросала на него пыльные взгляды и теребила шелковые кисти зеленой шали.

Мне стало смешно и вместе с тем очень грустно. Нарисованная, "живет" только в пределах пространства картины, как птица в клетке, а туда же... Видимо в душе настоящей женщины всегда останется место для любви и кокетства...

Пришлось искать тяжелый предмет, что-бы он исполнил роль судейского молотка и всколыхнул напряженную, искрящую атмосферу кабинета. Позеленевшая, бронзовая

статуэтка изображающая нимфу в объятиях приземистого, но очень симпатичного фавна, с громким стуком обрушилась на зеленую столешницу и кажется разбила вдребезги романтический настрой моей тетушки. Она вздрогнула, посмотрела на меня с укором.

Я отвела глаза и задумчиво погладила бронзовые, холодные кудри похотливо улыбающегося фавна.

— Господа, давайте ближе к делу. Начнем пожалуй с самого начала. Ты Степан, на мои вопросы честно отвечать будешь, а любезная Агафья Платоновна, соврать тебе не позволит. Вы готовы тетушка?

Мельком посмотрела на портрет в тяжелой, золоченной раме и погрозила женщине пальцем. Не успела и рта раскрыть, что-бы к Степану обратиться, как он уже и сам заговорил.

— Почему это, я сластолюбец? Зачем меня обижать напрасными словами Эмма Платоновна? Просто мне женщин всегда жалко было. Они существа нежные и красивые. Иногда конечно попадаются среди них ведьмы... Но, каждой из них хочется в этой жизни, ласкового, понимающего и красивого мужчину встретить. Вот я, и дарю всем свою ласку, — медленно, вдумчиво зарокотал чувственный бас мужчины.

Я внимательно посмотрела на Степана, стараясь разглядеть на его красивом лице признаки насмешки или подвоха. Но нет, ничего подобного не заметила. Глаза изумительного, лазоревого цвета были задумчивы, и смотрели на меня предельно правдиво.

— Значит, ты не отрицаешь, что дарил свою ласку и своей жене и моей тетушке? Двух женщин, которые были намного старше тебя, активно счастливыми делал, а о последствиях не задумывался? — вопрос вырвался сам собой, я даже не успела язык прикусить и опасно покосилась на портрет.

Агафья Платоновна сердиться на меня не спешила. Она пыталась устроиться за своим круглым столом, присев на его край своим пышным задом, в темно-вишневом, бархатном платье. С любопытством взирала на бывшего любовника. Улыбка грустная и ласковая трогала ее пухлые губы, да монументальная грудь поднималась под зеленой, шелковой шалью слишком бурно.

Степан посмотрел на меня косо, исподлобья. Сурово сдвинул темно-русые брови. Глаза от возмущения сыпали лазоревые искры.

— Причем тут возраст? Я их варить не собирался. Хотя... К вашему сведенью, Эмма Платоновна, чем женщина старше, тем слаже. Опыта у нее больше в делах амурных, а страсть любовная, как вино выдержанное, — он вдруг застенчиво улыбнулся, сверкнув белоснежными, крупными зубами.

Я совсем не ожидала таких подробных, даже простодушных откровений от взрослого мужчины. От неожиданности подавилась воздухом и закашлялась надсадно. Слезы брызнули из глаз, а все слова застряли в горле. Вспомнилась вдруг, совсем забытая поговорка, о том, что без ста грамм, разобраться будет сложно. Хорошо, что недопитая бутылка коньяка все еще стояла на столе. Откашлявшись, я взяла ее и посмотрела содержимое на просвет. Удовлетворенно кивнула головой, налила в рюмку ароматной жидкости. Задумалась на секунду, поискав глазами вторую рюмку. Но не нашла и протянула бутылку Степану.

— Там еще много осталось, если ты не против, — немного смутилась подбирая правильные слова. — Если ты, Степан ничего не имеешь против того, что бы пить из горлышка, то предлагаю тост — за правду!

Подняв свою рюмку, посмотрела на портрет.

— Извините, Агафья Платоновна, что не предлагаю вам выпить. Ведь это кажется невозможно..., — мой голос виновато прервался. Женщина на портрете задумчиво рассматривала карты, затем покачала головой и сгребла их небрежно в яркую, цветную кучу. Оглянувшись на остатки стула, которые уничтожил зияющий пустотой прорыв холста, и вздохнув поудобней устроилась на краешке стола. Взгляд ее черных глаз был печальным. Она усмехнулась и отрицательно покачала головой, мол не хочу я вашего коньяка, мне и без него грустно.

— Ну, что же тогда начнем! — я решительно опрокинула рюмку в рот. — При каких обстоятельствах, ты Степан попал в "Сладкие Хрящики"?

Мужчина неторопливо отхлебнул глоток из горлышка пузатенькой, коричневой бутылки и отрешенно уставился на портрет.

— Так, это... Екатерина на базаре нашла, и в "Сладкие Хрящики" привезла. Мне тогда семнадцать лет было. Отец умер, а старшие братья наследством делиться не захотели. Родительский дом к тому времени принадлежал старшему брату с многочисленным семейством, а...

— Мельница среднему брату отошла, а тебе достался кот, — вырвалось у меня само собой.

Степан вздрогнул и подозрительно посмотрел в мою сторону. Лазоревые глаза сияли мрачным вопросом.

— Да... Только не кот, а маленький, черный котенок. А, откуда вам это известно, Эмма Платоновна? — мягко зарокотал его чувственный бас.

— Да, так... Вспомнилось... Сказка такая есть, неужели не слышал?

Мужчина отхлебнул еще один глоток из бутылки и хмуро посмотрел на меня.

— Нет, не слышал я такой сказки. Все, что говорю истинной правдой является и произошло со мной десять лет назад. Мы с Катериной благодаря этому черному котенку, на городском базаре и познакомились. Она его украсть хотела, а я погнался за ней. Догнал, толкнул в спину, котенок из ее рук выпрыгнул и удрал. А она посмотрела на меня, улыбнулась и пригласила в соседний трактир. Я голодный был, уж наверное дня три толком ничего не ел. Предложение в тот момент, принимал не я, а мой голодный желудок. Вижу, баба конечно не молодая, да и не красавица, но есть то хочется... А в трактире, уже после первой рюмки, показалась она мне самой настоящей царицей. Милее и краше ее, никого еще не встречал. Я прямо так ей об этом и сказал. А она расхохоталась, спросила, что и замуж возьмешь? Я согласился. Да и как было не согласиться, если чувствовал, что без этой женщины и дня прожить не смогу!

Степан тяжело вздохнул и еще отхлебнул глоток из коричневой бутылки. Агафья Платоновна внимательно его слушала, даже подошла поближе к краю холста и смотрела на мужчину исподлобья.

— Мы в "Сладкие Хрящики", уже мужем и женой вернулись. Катерина постаралась, в тот же день нас и в городской канцелярии расписали, и соответствующий ритуал в храме совершили.

Я посмотрела на портрет, тетушка согласно кивнула головой, подтверждая слова Степана.

— Началась моя семейная жизнь. Первые семь лет, я любил Катерину, словно в тумане был. Краше ее, женщин на земле и не рождалось! А уж, какая затейница была! Бывало не мог вечера дожидаться, что бы поскорей в спальне, со своей Катериной оказаться. А чаще всего,

сбегали мы с ней в лес и посредине дня. Какая работа на ум пойдет, если весь стастью пылаешь, — Степан отрешенно смотрел в одну точку и мечтательно улыбался.

— Ну, а потом, что случилось? — мой вопрос вытер с красивого лица мужчины мечтательную улыбку, словно мокрой, холодной тряпкой по нему прошелся.

Степан сердито засопел, закинул кудрявую голову назад, припал к горлышку бутылки, как помирающий от жажды путник. Его острый кадык ритмично резал воздух. В один миг бутылка стала пустой. Мужчина повертел ее в руках и осторожно поставил на ковер возле дивана.

— А потом весной, я копал по заданию Агафьи Платоновны, грядки под укроп и петрушку, на поляне под самым лесом. И наткнулся на многочисленные захоронения...

— Чего!?! — я даже привстала с места, а мой голос охрип от волнения.

Агафья Платоновна, тоже казалось готова была покинуть свою клетку-портрет. Ее фигура заслонила собою стол, и казалось выпирает за холст.

Степан помолчал, с сожалением покосился на пустую бутылку возле своих ног.

— Многочисленные захоронения черных котят и кошек. Все они были без одной важной детали...

— Без головы! — выдохнула я потрясенно, вспоминая, как однажды одна допрашиваемая мной, солидная дама, утверждала, что ее соседка уничтожает всех черных кошек в округе, отрезая им головы. Тогда я посчитала это бредом, и посоветовала даме обратиться к психиатру.

— Да, без головы, — согласно и печально кивнул головой Степан. — Я не стал трогать их останки, что бы не привлечь внимание жены. Грядку вскопал в другом месте, но на следующий день, с раннего утра отравился в город. Там нашел старую колдунью, которая и пояснила мне, для чего используются бедные, черные кошки. Все оказалось, очень просто! Приворот! Меня семь лет систематически подкармливали сомнительным отваром, а я и рад был! От колдуни я еле выбежал, зажимая рот руками. За первым же углом, меня вырвало. С тех пор, я зорко следил за своей женой, питье и еду из ее рук старался не принимать. Туман из головы исчезал. Я теперь ясно видел, что Катерина из себя представляет. Старше меня, и не красавица... Но иногда меня тянуло к ней и без отвара ее колдовского, жалко было бросать женщину, которую столько лет любил... Умом понимал, что не любовь то была, а морок, но уйти от Катерины не мог. Вот тогда-то я и стал ей изменять, мстил наверное...

Степан виновато посмотрел на портрет и опустил голову, не выдержав пристального взгляда Агафьи Платоновны.

Я встрепенулась. Рассеянно погладила бронзовую статуэтку, с плечистым фавном и полуобнаженной, пышной нимфой.

— С тетушкой моей ты тоже из-за мести своей ненаглядной Екатерине, связался? А, с Юленькой, которая номер один? — мой голос звучал жестко и требовательно.

— Нет, Агафья Платоновна, мне как женщина очень нравилась. Она, ведь такая красавица была! — горячо воскликнул мужчина. Запнулся и резко замолчал, встретившись взглядом с черными, как бархатная ночь глазами, которые смотрели на него с портрета.

— Была, — тяжело вздохнул мужчина и закивал головой с сокрушенным, печальным видом. — Вы, уж простите Агафья Платоновна, что так о вас говорю...

Он открыл и закрыл рот, видимо подбирая нужные слова, но из горла вырвался лишь неразборчивый возглас, сильно напоминающий горестный стон.

Женщина на портрете застыла, словно каменное изваяние, только одинокая и крупная

слеза медленно ползла хрустальной каплей по ее белоснежной, гладкой щеке.

У меня тоже запершило в горле, а глаза защипало от сдерживаемых слез. Только сейчас вдруг поняла, что наверное совсем несладко быть запертой в картине, когда недавно, жизнь вокруг тебя играла всеми красками полноценного бытия.

— Вот, мы и подошли вплотную к основной теме нашего разговора, — глухо просипела я, пытаясь незаметно смахнуть слезы ладонью. — Как по твоему Степан, кто мог отравить мою тетушку, на тех поминках?

Мужчина привстал со своего места, немного побледнел, а синие глаза кажется стали еще больше от изумления.

— Отравить?! — в его голосе было столько неподдельного изумления, что я сразу поверила в его искренность.

— Конечно, Агафью Платоновну, отравили. Тебе Степан ее смерть не показалась странной? Ну, сам посуди, людей на поминках было много, а ядовитый гриб только моей тетушке достался? Почему не тебе или твоей жене? Возможно потому, что Екатерине Васильевне, своего муженька травить было жалко, а вот оставшейся сопернице отомстить хотелось. Юленька то, из игры уже выбыла. Не зря твоя женушка, дверь в баньку лопатой подпирала! Кстати, эта вездесущая лопата и в этот раз свою роль сыграла. Меня интересует, кто ее не так давно, из зарослей крапивы достал и опять, как подпоркой воспользовался. Может быть это был ты, Степан? — мой голос гневно звенел.

Мужчина еще больше побледнел, а глаза потемнели настолько, что теперь казались почти черно-синими. Ноздри скульптурно вылепленного носа раздувались, а губы сжались в одну белую полосу.

— Кто, Агафью Платоновну отравил, мне не ведомо. Возможно, что и жена моя на такое осмелилась... Тут я вам, хозяйка не подсказчик. А лопатой дверь у бани, я подпер. За это готов понести наказание. Напрасно господин, начальник полиции уехали, сразу меня арестовать надо было, — сказал мужчина глухим басом и твердо посмотрел на меня, решительно вздернув квадратный подбородок с ямочкой посредине.

Такого ответа я не ожидала. Вот так все просто?

Дверь вдруг распахнулась широко, грохнулась о стену, задрожала, словно сильно ушиблась и заскрипев вновь захлопнулась. В кабинет влетела горничная Юленька. Глаза отвагой пылают, личико все кривится от сдерживаемых рыданий.

— Не верте ему, Эмма Платоновна! Это я дверь подперла! Хотела, что бы ведьма сгорела! — голос девушки визжал истерическими нотками.

Уже через минуту, она завывала протяжно. Личико покраснело, остренький носик распух, а русая коса расплелась. К девушке кинулся Степан, он бережно ее обнял, большая ладонь гладила распущенные, встрепанные волосы, он что-то ласково бормотал ей на ухо, но Юленька упрямо мотала головой, не желая слушать своего утешителя.

Так продолжалось несколько минут, пока мне не надоело слушать истерические завывания.

— Прекратить! — мой голос звонкий и сильный, заглушил рыдания Юленьки. Она вздрогнула, посмотрела на меня мутно-голубыми глазами из опухших, красных век и с размаха шлепнулась на кожаный диван.

— Эмма Платоновна, это я дверь...

— Нет! — гневно зарокотал бас Степана. — Это я, Эмма Платоновна, дверь подпер! Меня и в тюрьму отправить надо!

Они наверное долго собирались перепираться, но меня посетила мудрая мысль.

— А, покажите мне свои руки! Ну, смелее, смелее! — подбадривала я, влюбленную парочку.

Но, руки показывать они не спешили. У Степана, желваки заиграли на скулах, а девушка вдруг примолкла.

— Руки! — пришлось повесить мне голос.

Вздохнув, Степан выставил вперед большие и красивые кисти рук. Они были немного испачканы в саже, но кожа на них была не повреждена.

Дрожащие ручки Юленьки были опухшими и покрытыми красными, яркими пятнами.

— Крапива, травушка злая. Не травушка, а собака кусачая. Да, Юленька?

Девушка гордо выпрямилась, усмехнулась устало.

— Ваша, правда Эмма Платоновна. Крапива жалит больно, следы оставляет долго. Я лопату из ее зарослей достала, дверь в бане подперла. Злость на Катерину Васильевну, у меня в сердце бушевала. А потом опомнилась, про вас вспомнила... Не заслуживали вы такой смерти. Лопату убрала, вы мне в руки и повалились. Огонь внутри уже бушевал, а я вас оттащить подальше смогла. Хорошо, что вы Эмма Платоновна, весите не больше, чем гусыня у моей матушки, — девушка вдруг улыбнулась, на круглых щеках на мгновение показались задорные ямочки.

— Гусыня? Ну, спасибо за такой комплимент, — пробормотала я, а сама между тем думала, как мне поступить в такой ситуации.

Посмотрела на Агафью Платоновну, кивнула ей головой, мол подскажи мне дорогая тетушка, как тут быть?

Женщина на портрете, медленно провела рукой по белокурым волосам, приглаживая непослушные локоны. Черные, бархатные глаза смотрели устало и задумчиво. Вымученная улыбка тронула тенью, кончики пухлых губ. Они дрогнули, сложились в трубочку и сильно дунули на парочку, которая обнявшись сидела на диване, словно хотели сдуть Степана и Юленьку прочь отсюда.

Я поняла посыл Агафьи Платоновны.

— Получается, ты меня спасла? — сурово обратилась к девушке. — За спасение награда полагается. Екатерину Васильевну, нужно похоронить. Этим, ты займешься Степан. Поминок устраивать не будем, знаем уже чем они закончиться могут. Жалованье я вам выплачу, еще сверху денег положу. Думаю, что на домик небольшой в деревне, вам вполне хватит. После похорон, вы грузите в старенький мобиль Екатерины Васильевны, все нажитое имущество, которое захотите забрать и покините" Сладкие Хрящики". Это все!

Я с силой хлопнула ладонью по столу, словно поставила печать на зеленом сукне.

Парочка несколько секунд сидела не шелохнувшись. Затем, словно опомнившись они переглянулись и начали меня благодарить. Но, я решительно оборвала их горячие речи.

— Некогда нам, время тратить. Ты лучше, Степан похоронами займись.

Мужчина посмотрел на меня мельком, пытаясь скрыть лазоревые слезы в синих глазах. Смущенно, хмыкнул.

— Все будет сделано, Эмма Платоновна, не беспокойтесь.

Он потянул за собой Юленьку и поспешно вышел из кабинета.

Когда дверь за ними закрылась, я задумчиво повертела в руках бронзовую статуэтку. Козлоногий фавн, улыбался пышногрудой нимфе, похотливо и немного зловеще.

— Вот все и разрешилось, моя дорогая тетушка... Все, да не все! Кто же все-таки тебя

отравил?

Подошла к портрету, погладила прохладный и гладкий холст. Провела пальцем по лопнувшей щели.

— Надо бы, мастера найти, отреставрировать твою картину, стул дописать. Хочешь, я тебе кресло удобное закажу?

Пытаясь рассмотреть реакцию Агафьи Платоновны на мои слова, я отошла подальше.

Тетушка усмехалась таинственно и вертела в руках одну карту. Присмотревшись, я увидела красную мантию бубнового короля.

— О-о, нет! Опять бубновый король? Постой, что ты хочешь этим сказать?

От догадки у меня побежали мурашки по коже. Стало немного холодно, из губ вырвался нервный смех.

— Тебя убил бубновый король?

Агафья Платоновна важно кивнула головой, и подбросила карту вверх. Кусочек картона медленно закружился, как лист дерева осенью. Опустился на оставшуюся спинку стула, помедлил немного, а затем скользнул в прорыв холста и с тихим шелестом лег мне под ноги.

Глава шестнадцатая. Приглашение на осенний бал

Лето промелькнуло быстро. В хлопотах и заботах я практически не заметила, как холоднее становились звездные ночи, как чаще клубился по утрам зябкий, седой и косматый туман. Дни сократились, и часто я не успевала выполнить то, что задумала.

Без Степана, и надо признать, что и без Екатерины Васильевны, стало гораздо труднее управляться с моим растущим хозяйством. Новый работник принятый на место Степана, был медлительным и откровенно ленивым, но я его тепела за неожиданно открывшиеся качества. Огромное, черное пятно от сгоревшей бани, долго, с укором смотрело в небо немигающим, мертвым оком. Я старательно его не замечала, долго думала, что построить на этом месте, но по совету Агафьи Платоновны, решила разбить там цветник. Для этого был нанят садовник, который привез с собой трех помощников. Людям надо было платить жалованье, кормить и предоставить крышу над головой. Хорошо, что летом этот вопрос решался легко. Поставила палатки и дело с концом. Но вот деньги... Они таяли, утекали сквозь пальцы, вводили меня в тоскливые размышления. Настроение портилось, от одной только мысли, что я не смогу выбраться из этого капкана, в который угодила.

Зарядная станция сверкала новенькими, белыми стенами, кокетливо улыбалась красной черепицей крыши, но пока так и оставалась, лишь бесполезной коробкой, набитой дорогим оборудованием. Для ее открытия, возникали все новые требования, и порой мне казалось, что я впустую трачу свои силы и воюю с ветряными мельницами.

Но зато, прознав, что именно я обладаю даром, ко мне вдруг выстроилась очередь из женихов. Пожилые и молодые мужчины, степенные вдовцы и ушлые, прожженные дельцы, все поголовно воспылали страстной любовью к Эмме Загряжской.

Вначале, я пыталась быть вежливой, принимала каждого "жениха", приехавшего свататься. Накрывался стол, велись пустые беседы, которые бессовестно крали мое драгоценное время. Я стала видеть детей урывками, мне некогда было поговорить с гувернантками о проблемах Лизы, или с учителями об успеваемости Шурика. Даже Лимон перестал подходить ко мне с любимой палкой, и больше не просил меня поиграть с ним. В итоге я плюнула на приличия, и гнала так называемых "женихов" сразу, не давая им даже приблизиться к дому. "Хозяйка, не принимает!" — объявлял громадный верзила Григорий, которого я приняла на место Степана. Его свирепый взгляд из-под насупленных, косматых бровей и сжатые кулаки, больше похожие свинцовые гири, были настолько убедительными, что у нагловатых свах, и у их протеже, пропадало желание вести игривые, но совершенно бесполезные переговоры. Надо сказать, что совсем скоро, полноводная река из женихов, превратилась в скудный ручеек, а затем совсем иссякла. Теперь я была известна, как гордячка Эмма из "Сладких Хрящиков".

С Петром Беркутовым, я не встречалась. Он с женой уехал отдыхать в теплые края, за границу, чему я была с одной стороны рада, но с другой испытывала непонятные чувства. Иногда сама себе признавалась в том, что мне не хватает наших безумных встреч, но поразмыслив решила, что эти встречи нужны не мне, а моему телу. Эта мысль меня успокоила. Если это правда, то Петра Беркутова вполне можно заменить. А, вот поговорить с ним было просто необходимо! Много вопросов и претензий накопилось к моему, я думаю уже бывшему любовнику.

Весть о том, что супруги Беркутовы вернулись в город, я получила вместе с

приглашением на осенний бал. Однажды по пути, в "Сладкие Хрящики", заехал Валериан Антонович Добужинский. Он с большим удовольствием пообедал в большом и к сожалению почти пустом зале трактира. Отдал должное жареному поросенку с хреном, а пышные, еще горячие расстягаи с рыбой привели его в полный восторг.

— Знаете, Эмма Платоновна, ваши повара готовят намного лучше, чем у прежней хозяйки "Сладких Хрящиков". Агафья Платоновна, тоже ставку делала на наши, привычные блюда, но была немного скуповата. Порции были меньше, расстягаи часто разогревались, — он сыто икнул и не торопясь вытер руки белоснежной, накрахмаленной салфеткой. — Но, надо отдать ей должное, народу здесь всегда было много...

Мужчина обвел взглядом просторное, почти безлюдное помещение, и сокрушенно покачал головой.

— Я так, понимаю Эмма Платоновна, что если в ближайшем будущем, вы не откроете заправочную станцию, то будете нести огромные убытки, — Валериан Антонович хитро улыбнулся. — Вот смотрю, вы все в трактире переделали, даже сцену небольшую оборудовали. Отчего же музыкантов не наймете? Хорошая музыка людей всегда привлекает. Любят они под музыку расстягаи лопать!

Я вначале злилась, слушая ленивые, сытые рассуждения начальника полиции. Но его последние слова заставили меня, закусить губу от волнения. Вот оно! Почему же сама не догадалась?

— Впрочем, хороший музыкант за свои выступления, немалый гонорар потребует, а у вас наверно сейчас не самые лучшие времена, — продолжал не спеша рассуждать мой гость. — Вы, ведь деньги можете и у Беркутова занять. Он с радостью даст вам необходимую ссуду. Спрашивал вчера про вас, Эмма Платоновна, беспокоится о вашем здравии.

Стакан с прохладным квасом, замер в моих руках, но только лишь на секунду. Я постаралась улыбнуться вежливо и отстраненно.

— О-о, супруги Беркутовы вернулись? Не могу сказать, что очень рада. Но, некоторые вопросы у меня к коллеге имеются. Вот, вместо того, что бы мне ссуду предложить, вы бы Валериан Антонович, как представитель власти просветили меня, глупую. Почему так сильно тормозится мое дело, об открытии станции? Ведь смешно сказать! Последним условием кацелярии было, предоставление мной справки о состоянии моего здоровья. Постойте, а нет ли тут связи? — я усмехнулась и пристально посмотрела на мужчину.

Добужинский смутился на миг, на тот самый короткий миг, на который может смутиться начальник полиции. Но это смущение я уловила.

— Ах, Эмма Платоновна, уверяю вас, что в нашем городе всегда закон ставится превыше всего. Скорее всего пришли из столицы какие-то новые указания. Вы же знаете, как кацелярия любит всякие справки собирать, — мужчина вдруг начал говорить торопливо, потеряв свой уверенный и вальяжный тон. — А, знаете, что? Вот скажу вам откровенно, в благодарность за такой вкусный и сытный обед скажу. Без нужных знакомств, ваше дело может и не продвинуться. Вы уже известны в нашем городе и даже в столице, как Гордечка Эмма! Скольких уважаемых людей вы своими отказами обидели и унизили! Скольких врагов нажили! Ну, нельзя же так, голубушка! На общество наплевали, ни на одном балу и мероприятии не появляетесь, а связи полезные, как заводить думаете?

Мужчина сидевший напротив меня, явно сердился. Серые глаза метали молнии, а гладко выбритое, холеное лицо даже покраснело от возмущения.

— Вот, на следующей неделе, у нас городе будет Осенний бал, мероприятие очень

важное, ежегодное. На него все сливки нашего города соберутся, гости столичные приглашены. Я так понимаю, вам приглашение никто и не прислал? — он утвердительно и обличающе ткнул пальцем в мою сторону.

— Нет, не прислал, — прошептала я, наклонив голову и пряча глаза, на которых вдруг появились слезы. Такой одинокой, глупой и беззащитной почувствовала себя в эту минуту.

— Гм-м, так я и думал. Это надо особым талантом обладать Эмма Платоновна, что бы общество против себя в такой короткий срок настроить, — он дружески положил теплую руку на мои сжатые пальчики. — Не беда, не расстраивайтесь вы так! Вот держите!

Он отнял свою теплую руку и полез в карман темно-серого мундира. Через минуту на белую скатерть лег кусочек глянцевого картона. "Приглашение на Осенний Бал", сообщали его золотые буквы с завитушками и росчерками.

— Советую непременно посетить это мероприятие, Эмма Платоновна! Ваше появление будет подобно брошенной бомбе, но ведь вы девушка смелая? Во всяком случае, я лично буду ждать вас с нетерпением. Теперь, разрешите откланяться, — мужчина легко поднялся из-за стола и коротко мне поклонился.

Я смотрела на глянцевую бумажку, как на опасную змею которая может укусить, но все же протянула руку и взяла ее. А, ведь он прав во всем, бравый начальник полиции. Пора тебе Эмма вливаться в этот "коллектив". Как, там говорят? С волками жить, по волчьи выть?

Глава семнадцатая. Удачно подобранный наряд, это залог успеха и самый лучший спутник

С того самого дня, когда моя рука взяла со стола, гладкий и холодный кусочек нарядного картона, жизнь завертелась с неумолимой скоростью. Неожиданно для себя, я волновалась и ждала назначенного дня, как прыщавый подросток ждет свою первую в жизни дискотеку.

— До этих чертовых танцулек, остался один день, а у меня еще ничего не готово! Совершенно не знаю, что одевают на подобные приемы! — жаловалась я вечером Агафье Платоновне. — Вот, ответьте мне на один вопрос, вы на этих осенних танцульках тоже бывала?

Тетушка утвердительно закивала головой и мечтательно зажмурилась. Улыбка немного томная, полная легкой грусти играла на ее губах. Кажется она унеслась на крыльях сладких грез в неведомые мне дали.

— Там будет много людей? — бесцеремонно прервала я, приятные воспоминания своей тетушки.

Агафья Платоновна, поджала губы и холодно посмотрела на меня. Холеные пальцы, унизанные массивными перстнями неспешно поправили зеленую, шелковую шаль, а круглый подбородок тетушки, важно шевельнулся, когда она беззвучно произнесла короткое "Да".

— Агафья Платоновна, не сердитесь! Волнуюсь очень, вот и задаю лишние вопросы. Кстати сказать, сегодня в городе была. Кажется удалось мне найти хорошего художника. Обещал, как только закончится срочный заказ, так и приедет он, в наши "Сладкие Хрящики", холст отремонтировать, да кресло вместо прежнего стула написать. Может еще, чтонибудь интересное подрисует? Вы подумайте, ладно?

Женщину на портрете, мои слова почему-то не очень обрадовали, она задумчиво посмотрела на зияющую щель, развела руками, словно примерялась к ее размерам.

— Еще, я привезла платье. Долго его искала, обошла уйму магазинов. Очень хочется услышать ваше мнение, милая тетушка, — мой голос звенел от предвкушения.

Я никогда не была падкой на дорогие наряды. В прошлой жизни предпочитала вещи элегантные, но достаточно скромные. Теперь мне нужно было нечто роскошное, а тот стиль, и те платья которые несомненно украшали тренированное, статное тело, черноволосой и немного смуглой Ольги Николаевны Грановской, совсем не подходили Эмме Загряжской.

Долго и пристально рассматривала я, дарованное мне тело и пришла к выводу, что все же Эмма Загряжская, несомненно хороша. Гордая осанка, стройные ноги, узкие плечи, талия которую легко обхватывали широкие и сильные, мужские ладони, шея длинная, как у сказочной царевны — лебедь. Перед глазами смутно промелькнул закомый образ, а память в тот же миг выдала имя — Одри Хепберн! А ведь совершенно точно! Вот кого, неуловимо напоминало мне собственное отражение в зеркале! Даже черты лица удивительно похожи, вот только волосы были другими. Холодное золото, сияющее и густое, досталось Эмме Загряжской видимо от родственников по отцовской линии, которые носили странную и смешную фамилию — Хрящ.

Этой хрупкой блондинке, нужно было что-то совсем другое. Но, что именно? В памяти почти стерлись все наряды, в которых щеголяла на экране ослепительная знаменитость. Воспоминания, короткими вспышками выхватывали обнаженные, белые руки, на них

контрастно смотрятся длинные перчатки, черного цвета. Тонкую талию подчеркивает узкое платье. Кажется я нашла, нужный мне образ!

— Вот тетушка посмотри! — мой голос запинался от волнения, когда я немного покрасневшая от спешки, вышла из-за розовой, китайской ширмы.

Длинное, овальное зеркало, которое принесли в кабинет еще вчера, отразило черное шелковое платье, сидящее точно по фигуре. Белые перчатки выше локтя, матово сияли тончайшим атласом, а изысканный меховой шарф был невесомым и пушистым, словно облако, и белым, как первый снег. Я с удовольствием крутанулась на тоненьких каблучках, черных туфелек и отражение в зеркале тоже покрутилось, демонстрируя изящную фарфоровую статуэтку в великолепном наряде. Минуту полюбовавшись собой, я повернулась к портрету.

— Ну, что скажете Агафья Платоновна? Повергнуты будут все ваши городские модницы? А, у мужчин побегут слюнки вот от этого?

Я сняла роскошный мех и повернулась. Зеркало отразило голую спину, гибкую, словно у змеи и фарфорово-белую на фоне черного, узкого платья. Вырез был на грани приличия, еще немного и он бы обнажил вызывающе круглую попку.

Женщина осмотрела меня придирчиво, а затем вытерла уголком зеленой шали повлажневшие от набежавших слез глаза. Губы цвета спелой вишни послали мне воздушный поцелуй, а белые, пухлые ручки неслышно аплодировали. Затем она нахмурилась и жестом показала, что волосы следует поднять в высокую прическу, а в ушах и на шее не хватает украшений.

— Я полностью исполню ваши советы, тетушка! Спа-а-асибо! — весело пропела я, скрываясь за китайской ширмой.

Глава восемнадцатая. Хоть поверьте, хоть проверьте, это был чудесный бал

К началу бала, я конечно опоздала, как и положено золушке из "Сладких Хрящиков". Долго не могла найти дом губернатора в котором проводилось это мероприятие. Город я знала плохо, расспрашивать прохожих не захотела, в результате поколесив по вечерним, широким улицам не меньше часа, я случайно вырулила к огромному трехэтажному зданию, которое своей архитектурой напоминало роскошный Дворец культуры, построенный в сталинские времена.

Высокие, белые колонны, словно стволы вековых секвой, сторожили вход в залитое яркими огням помещение. Под звуки веселой музыки, которая неслась из окон, и разливалась по небольшой площади перед домом губернатора, я с трудом смогла втиснуть свой громоздкий мобиль в общество шикарных мобильных, сверкающих глянцевыми боками и хромированными деталями не хуже новогодних елок.

Двое верзил на входе, которым была явно тесна красно-коричневая униформа, терпеливо ждали пока я искала в своей крошечной, черной сумочке пригласительный билет. С поклоном, больше похожим на четкие движения бездушных роботов, они пропустили меня в щедро залитое светом огромное помещение.

Я уверенно шла на звуки танцевальной мелодии, которая очень напоминала вальс, и не прогадала. Немного волнуясь, толкнула широкие двери, и словно с разбега бухнулась в реку безудержного, праздничного веселья. Зарябило перед глазами от разноцветных нарядов дам, ослепило на мгновение от искр их драгоценностей, от ярких бликов, игриво скользящих по высоким бокалам с шампанским, неистово пляшущих на хрустальных подвесках высоко подвешенных люстр.

Не успела я испугаться этой пестрой толпы, как моего локтя настойчиво коснулась чья-то теплая рука.

— Эмма Платоновна, голубушка, от чего, так опаздывать изволите? Пойдемте, пойдемте, я вас губернатору представлю. Он сейчас в отличном расположении духа находится, такой момент терять не следует! — над моим ухом раздался немного хриловатый голос Валериана Антоновича Добужинского.

Повернула голову и встретилась взглядом с серыми, хитрыми глазами, которые смотрели на меня с восхищением.

— Вы, сегодня просто обворожительны, Эмма Платоновна! — мужчина цокнул языком и одобрительно покачал головой.

Подхватив со столика бокал с шампанским, он вручил его мне, а затем взяв под локоть потащил за собой, заставляя быстро семенить ногами, обутыми в черные, лаковые туфельки на высоком каблуке.

Губернатор оказался крупным, плотно сбитым, черноволосым мужчиной. Его гладко выбритый, сине-сизый подбородок лоснился от недавно съеденного бутерброда с черной икрой. Маленькие глазки-буравчики быстро, воровато проšliсь по моей фигуре, а мясистый нос в красных прожилках, слегка скривился. Видимо я была совсем не в его вкусе.

Пока мой спутник представлял меня губернатору, перечисляя все мои мнимые достоинства и заслуги, мужчина нетерпеливо вертел в розовых, как сардельки пальцах, на которых проступали ямочки, словно у младенца, полупустой бокал шампанского.

Я старательно ощерила в улыбке губы, скороговоркой пробормотала ответное и дежурное:

— Мне тоже, очень приятно с вами познакомиться, уважаемый Карп Львович!

Пользуясь моментом, когда губернатор отвлекся на разговор с Добужинским, развернулась спиной что-бы уйти, но зацепилась ногой о край ковра. Стараясь не расплескать золотистый напиток, я вцепилась в бокал обеими руками, выпустив из пальцев мягкий, белоснежный мех накидки. Она защекотатала мою голую спину и плавно съехала прямо под ноги.

— Эмма Платоновна, позвольте, я вам помогу! — глухой бас губернатора зарокотал где-то у меня над макушкой, а меховая накидка обдав меня ветерком, нежно обернула мои голые плечи.

Высокий мужчина навис надо мной черной глыбой, пахнущей дорогим одеколоном и алкоголем. Сине-сизый подбородок так близко возник перед глазами, что я невольно отшатнулась.

В этот момент музыканты заиграли плавный и слегка грустный вальс.

— Я надеюсь, что вы подарите мне этот танец?

Розовые сардельки пальцев, не дожидаясь моего ответа уже тянулись ко мне. Мне оставалось лишь, успеть поставить бокал на широкий поднос, проходящего мимо официанта и поймав смеющийся, довольный взгляд Добужинского, последовать за своим кавалером.

Мужчина не смотря на свой солидный вес, танцевал легко. Под звуки вальса я словно парила над паркетом, и казалась сама себе, пушинкой от дуванчика, которую вдруг подхватил мощный ветер.

Не успела я отдышаться от вальса, как меня пригласил на следующий танец румяный, моложавый мужчина с бравой выправкой бывшего военного. И опять, я полетела пушинкой над скользким паркетом.

По окончании танца, мой разгоряченный кавалер побежал за шампанским для меня, а я поспешила затеряться в толпе нарядных гостей.

Блуждая среди говорливых, веселых людей, я искала глазами Беркутова, но не находила. А, ведь он мне был очень нужен! План, возможно немного глупый, но по моему разумению способный дать очень неплохой результат, не давал покоя моим мыслям.

Разглядывая публику, я отчего-то замерла, когда увидела смуглого, высокого мужчину. Он показался мне очень знакомым, хотя раньше, я его никогда не встречала. Смуглый красавец стоял в окружении блистательных дам, медленно потягивая из бокала игристый напиток, снисходительно и благосклонно слушая щебет исходивший из множества хороших губ, покрашенных во все оттенки красного цвета. В его уверенной позе, в насмешливой улыбке, чувствовалось некое превосходство.

— Любуешься новой знаменитостью нашего города? О-о, на него как пчелы на мед, слетелись все дамы. Говорят, что он выкупил все залежи синих кристаллов в нашей округе, — сильный запах алкоголя накрыл меня душной волной. Слегка заплетающийся, знакомый голос прозвучал возле самого уха.

Я не успела отодвинуться, а меня уже прижали к стене. Сильные, настойчивые руки смяли пушистый мех, горячие пальцы прошлись по обнаженной спине.

— Э-э-эмма-а, я скучал по тебе, моя фарфоровая статуэтка! — слегка влажные губы коснулись моего виска.

— Беркутов, прекрати немедленно! Мы с тобой не в лесу находимся! — пыталась я

вырваться из жаркой паутины, которую плел вокруг меня Петр Беркутов.

— Ты права, Эмма. Мы с тобой не в лесу... Может быть уедем отсюда? А, Э-э-эмм-а-а-а?

С трудом, но мне удалось отстраниться от мужчины, который не так давно был для меня, словно наркотик. Теперь подозревая его в страшном преступлении, я вздрогнула всем телом, ощущая на себе его руки. Мужчина истолковал это, на свой лад.

— Поехали, Э-э-эмма, ну давай сбежим с этого чертова бала! — его голос запинался от возбуждения.

Я быстро оглянулась по сторонам, отпихнула от себя жадные руки и поплотнее закуталась в белоснежный, пушистый мех.

— Поехали, Беркутов! Жду тебя в своем мобиле, не позже, чем через десять минут! — мой голос звучал, решительно и холодно, по деловому строго. Но ослепленному желанием Беркутову, это не показалось странным.

Поджидая мужчину в своем мобиле, я четко представляла, как буду действовать дальше. Лишь бы усыпить его бдительность по дороге к "Сладким Хрящикам". Сегодня, все тайны должны быть раскрыты. Ведь у Петра Беркутова был весьма серьезный мотив, для убийства моей тетушки. Из сплетен, из обрывков воспоминаний людей, которых мне удалось разговорить, я узнала, что старший Беркутов был большим любителем попариться в баньке с веселой, разудалой компанией. Очень часто он посещал "Сладкие Хрящики", к неудовольствию своего сына, а в итоге там и загинал.

— Мне удалось сбежать от жены, моя дорогая Эмма. Куда поедем? — тяжело дыша, спросил меня мужчина, открывая дверь мобиля.

— У нас с тобой, сегодня одна дорога Петенька, в "Сладкие Хрящики", в мой кабинет. Я звонко, игриво рассмеялась, но почему-то мой смех прозвучал немного зловеще.

Глава девятнадцатая. Свободна!

В "Сладких Хрящиках", уже давно все спали. Стараясь не шуметь, хихикая и спотыкаясь в темноте, мы с Беркутовым поднялись на второй этаж. Старые ступеньки, нас не выдали. Скрипеть и ворчать они не стали. Почти на ощупь мы добрались по длинному коридору, да самой крайней комнаты. Я тихонько отворила дверь и скользнула в темную тишину кабинета, увлекая за собой ночного гостя.

Дверь Наверное была в стоворе со ступеньками, закрылась за нами бесшумно, словно кто-то специально смазал ее скрипучие петли перед самым нашим приходом. В кабинете царил бархатный, темно-синий полумрак. Рогатый, бледно-желтый, молодой и Наверное очень любопытный месяц заглядывал в окно, но комнату освещал тускло.

Отталкивая от себя назойливые и жаркие руки мужчины, я нащупала в темноте шелковый шнур и потянула за него. Вспыхнули голубые кристаллики под потолком и на стенах, их свет ярко осветил большой кабинет. Скукожились и расползлись по углам черные тени, которые отбрасывала громозкая, резная мебель, вздрогнул за окном молодой месяц и пугливо спрятался за тучу. Зевая и потягиваясь, сонно улыбнулась мне с портрета Агафья Платоновна. Ее глаза подслеповато щурились, разглядывая нашего гостя.

— М-м-м, Эмма, — зачем зажгла кристаллы? Нам в темноте было бы лучше! — жарко зашептал мне на ухо мужчина, подталкивая к дивану.

Я ловко увернулась, шмыгнула за письменный стол и оперлась на него руками.

Теперь, когда нас с Беркутовым разделяло огромное пространство старого, дубового стола, покрытого зеленым сукном, я почувствовала себя в относительной безопасности.

— Свет всегда нужен, Петя. Он помогает нам рассмотреть то, что скрыто, — от двоякости своих слов и самой ситуации, я нервно хихикнула.

Мужчина истолковал мои слова и смех по своему.

— Эмма, ты такая выдумщица! Я так по тебе скучал! — его голос ласково, приглушенно ворковал, словно у токующего голубя на площади.

Мужчина снова сделал попытку приблизиться ко мне. Но я отскочила и стала так, чтобы портрет моей тетушки оказался у него прямо перед глазами.

Это оказалось правильной тактикой. Взгляд Беркутова вначале безразлично скользнул по огромному полотну, но затем замер. Глаза расширились от удивления, а лицо немного побледнело.

— Эмма, зачем ты повесила эту грубую мазню у себя кабинете? Насколько я помню, раньше это творение сельского мазилки, висело внизу, — пробормотал он тихо и испуганно. Голубиное воркование вдруг исчезло из его голоса.

— Ты бывал в этом кабинете раньше? — удивилась я. — Интересно, какие общие дела были у тебя и моей тетушки?

Мужчина, досадливо крякнул и потряс головой, словно пытался скинуть остатки любовного томления.

— Я был в этом кабинете, один раз. Пытался уговорить покойную Агафью Платоновну, не принимать моего отца в своих "Сладких Хрящиках". Жирная пища, горячая парилка... и буду откровенным, развеселые девицы, здоровьем моего папеньки были противопоказаны. Но, бывшая хозяйка вашего захудалого трактира, только посмеялась и указала мне на дверь.

Беркутов замолчал, о чем-то задумавшись, затем поднял на меня глаза.

— Может быть уйдем отсюда, Эмма? Зачем нам кабинет с уродливым портретом на стене, когда соседняя дверь ведет в твою спальню? — голубиное воркование вновь зазвучало в его слегка хрипловатом голосе.

— Вряд ли, у нас сегодня получится с тобой Петенька, добраться до моей спальни, — быстро облизнув губы ответила я. — Давай лучше поговорим о искусстве. Ты, правда считаешь, что портрет написан грубо?

Мужчина подошел совсем близко к полотну, задумчиво постучал пальцами по замысловатой, золоченной лепнине тяжелой рамы.

— Художник, который писал портрет твоей покойной тетушки, Эмма, был явно не очень одаренный самоучка. Поверь мне, эта мазня не представляет никакой ценности, — он зябко передернул плечами и хотел уже отойти от картины. Но вдруг, словно повинувшись некой силе, он протянул руку и с силой дернул прорыв холста.

Прореха радостно вжикнула, и быстро расползлась вверх до самого верха.

Агафья Платоновна, смотрела на нее почти с ужасом, но затем слабая ухмылка тронула ее губы. Выгнулась изящной дугой соболина бровь, подмигнул мне лукаво и хитро, черный, блестящий нетерпением глаз. Женщина подошла к краю прорыва и протянула руку. Холеные пальчики сватились за неровный край с этой стороны холста, сверкнули радужно камешки на перстнях под ярким светом. Повевало ледяным, пробирающим до самых костей холодом.

Мне от чего-то стало жутко. Я схватила Беркутова за руку, и поспешила отвести его к креслу.

— Петенька, садись вот сюда! — зашебетала испуганно, и толкнула мужчину в темно-вишневые, мягкие объятия плюшевого монстра.

Он шлепнулся туда с тихим смехом и протянул ко мне руки.

— Ну, иди же сюда, шалунья Эмма!

Но вдруг замер и побледнел. Мужчина сидел совершенно неподвижно, с обиженным выражением лица и созерцал пустую картину.

Обернувшись на неясный шелест шелка, Беркутов замер, лицо словно одеревенело. Его ногти закрипели о деревянный подлокотник плюшевого кресла, когда он хотел, но так и не смог подняться.

— Не думал меня больше увидеть, милый мальчик Петенька?

Голос Агафьи Платоновны оказался очень мелодичным, с чувственной хрипотцой. Улыбка зловещая, недобрая, блуждала по ее губам, а зеленая шаль зацепилась за край стола, и медленно сползла на красно-черный ковер в проплешинах, прямо под ноги мужчины.

В комнате стало еще холодней, мои зубы начали выбивать чечетку. Кажется, даже белый пар вырвался из моего рта, и призрачным, белым облачком устремился к потолку.

Возможно этот аномальный, возникший внезапно холод, позволил Беркутову быстро взять себя в руки. Он тихонько выругался себе под нос, с трудом разжал бледные, почти белые губы.

— Эмма, что означает это представление? Надо признать, актрису для этого дешевого фарса, ты подобрала очень удачно. Гримм, выше всяких похвал, — мужчина нарочито громко захлопал в ладоши. — Но, все же это не настоящая Агафья Платоновна... Оригинал был несколько ярче, самобытней, а копия — так себе... Поэтому, рекомендую этой подставной тетушке, сгинуть! Кыш-кыш!

Беркутов замахал руками, словно прогонял соседскую курицу, которая по ошибке забрела в чужой огород.

Агафья Платоновна гневно сверлила мужчину глазами, ее ноздри раздувались, как у лошади после длинного бега, а пальцы вдруг скрючились, превращаясь в хищные и страшные когти.

— Не настоящая?! Это я, не настоящая?! — взревела она, и ее мелодичный, чувственный голос перешел в отвратительный визг.

Мне стало страшно. Одно дело, видеть благодушную, милую женщину на портрете. Привыкнуть к ее беззвучным пантомимам, не отдавать себе отчет, что участвуешь в не совсем нормальном явлении, а совсем другое — вдруг ясно осознать, что с потусторонними силами шутить и связываться не следует!

— Не настоящая?! — продолжала страшно визжать Агафья Платоновна. — Тебе щенок, надо почувствовать на своей шкуре, какие ощущения испытывает не настоящая, но все же убитая тобой женщина!

С этими словами она стремительно бросилась на Беркутова. Скрюченные, трясущиеся пальцы схватили его за шею и начали душить. Мужчина отбивался как мог, но разве можно сравнить силу призрака и силу обычного человека?

С этого момента происходящее мне резко перестало нравиться. Я ринулась на защиту Беркутова. Пыталась оттолкнуть Агафью Платоновну, но у меня ничего не выходило. Холодное, ледяное нечто, которое ощущали мои руки, совсем не было похоже на человеческое тело. Мужчина уже перестал сопротивляться, когда мне в голову пришла спасительная мысль. Забытые слова молитвы, которым в далеком детстве научила меня старенькая и очень интеллигентная бабушка моего отца, сорвались с моих губ. Произнесенные тихой, неуверенной скороговоркой, они прогремели как гром.

Агафья Платоновна попятилась от меня, отпустив на мгновение Беркутова.

— Эмма? Что ты делаешь Эмма? — прохрипели ее посиневшие губы.

Я плакала, слезы мокрыми ручьями сбегали по моим щекам, скользили по обнаженной шее.

— Агафья Платоновна, вы не можете судить живых, ваше место среди мертвых! — эти слова мне дались с большим трудом, но я, все же их произнесла.

Женщина вздрогнула, посмотрела на синюшно-бледного Петра Беркутова, который часто дышал. Из его глаз тоже бежали слезы.

— Я не виноват в вашей смерти, Агафья Платоновна! Все произошло случайно! Тот отравленный шоколад, предназначался Катерине. Ведь, это она, напрямую была виновна в смерти моего отца. Но в последний момент, я передумал, струсил. Положил злосчастную плитку в карман пальто, а оказалось, что положил ее мимо. Уехал с поминок в смятенных чувствах, и только дома обнаружил, что отравленного шоколада в кармане пальто нет. Вернулся сразу. Гнал мобиль на предельной скорости, но все равно опаздал! Вы, Агафья Платоновна успели подобрать шоколадку и съесть... Простите! — мужчина зарыдал так горько, что стал похож на маленького мальчика, отчаянно горюющего и размазывающего слезы по щекам.

Агафья Платоновна усмехнулась, нагнувшись подобрала с ковра свою зеленую шаль.

— Всегда знала, что меня погубит любовь... Если не к мужчине, так к сладкому, — она жутко засмеялась закинув голову.

Затряслась пышная грудь обтянутая вишневым бархатом нарядного платья. Затрепетали перекатываясь на белоснежной шее, крупные жемчужины бус. Женщина была такой реальной, такой живой, что я не сразу уловила, как начал таять ее облик. Он истончался,

становился прозрачным. Вот уже видно сквозь зеленую шаль черное полотно пустой картины, вот темно-вишневое платье, уже похоже на редкий, фруктовый кисель.

Перед тем, как исчезнуть навсегда, Агафья Платоновна бросила на меня прощальный взгляд.

— Не плачь Эмма, я наконец-то свободна! Быть запертой в портрете, еще та мука!

Потрясенные увиденным, мы с Беркутовым переглянулись. В глазах мужчины застыл ужас. Он поглаживал пальцами свою шею и кривился от боли.

Я отчаянно плакала. Мне жалко было свою тетушку, совсем по другому я представляла эту разоблачительную встречу.

Не знаю сколько бы продолжались мои страдания, но их прервал тихий стук в дверь кабинета. Она робко отворилась и в темном проеме возникло встревоженное лицо старшей горничной.

— Эмма Платоновна, там внизу, дама скандалит. Требуется впустить ее в дом, не то грозит разбить все окна, — Галина стыдливо опустила глаза и покраснела. — Еще она говорит, что бы вы, ей мужа вернули...

— Татьяна! — взвился в кресле, словно укушенный пчелой, Беркутов.

— Ага, она так и назвалась — госпожа Татьяна Беркутова, — согласно закивала головой женщина, и злорадно улыбнулась.

Теперь меня не слишком беспокоило, что старые, деревянные ступеньки отчаянно скрипят и ругаются под моими ногами. К чему осторожничать, если их жалобные стоны заглушали глухие, настойчивые удары в дверь. Если они продолжатся еще немного, то наверняка разбудят Лимона. Собака начнет гавкать, и тогда проснутся дети. А если, проснутся дети... Я заскрипела зубами и перескочила через пару ступенек.

Вихрем пролетела по длинной, большой гостиной, едва не сшибла на бегу круглый стол, который в окружении высоких, резных стульев в полутьме напоминал причудливый корабль. Выскочила в освещенный голубоватым светом коридорчик и резко выдернула из мощной, кованной петли, такой же мощный, тяжелый крючок, который больше напоминал собой согнутый китобойный гарпун, чем обычную принадлежность каждой уважающей себя, дубовой двери.

С той стороны опять глухо застучали, незапертая дверь покорно качнулась от ударов, резко открылась и прямо мне под ноги кулем свалилась нарядная, пахнущая смесью дорогих духов и алкоголя, женщина. Пока она растеряла весь свой агрессивный, враждебный настрой от неожиданности, и пыталась подняться на ноги, я старалась ее рассмотреть.

Но пока, сделать какие-то выводы о ее внешности, не могла. Мелькали складки зеленого, бутылочного цвета платья, яркие медно-рыжие, растрепанные кудри, да стройные ноги в тончайших, телесного цвета чулках и зеленых туфельках.

Видимо госпожа Татьяна Беркутова, приняла для храбрости изрядную долю алкоголя, поэтому самостоятельно встать ей было не под силу.

Я сомневалась несколько секунд и наблюдала за ней. Во мне боролись злость на нарушительницу спокойствия моего дома, страстное любопытство и мерзкое, высокомерное превосходство любовницы.

В итоге победила женская солидарность и я протянула ей руку.

— Позвольте, вам помочь сударыня!

Сударыня устало сдула с мокрого лба рыжий локон, и протянула мне руку.

Когда ее лицо оказалось напротив моего, я тихонько ахнула. Уж слишком была похожа,

госпожа Татьяна Беркутова на незабвенную Екатерину Васильевну, но похорошевшую и помолодевшую лет этак на двадцать. Значит Петр Беркутов, сознательно или бессознательно выбрал в жены, девушку которая напоминала ему, о его первой, пускай и наведенной колдовством любви. Тут явно было видно, какой типаж предпочитает мужчина. Сразу возник вопрос, а для чего ему я? Сухопарая, высокая блондинка, у которой минимум округлостей и максимум выпирающих костей? Не иначе, как для разнообразия, гурман однако ты Петенька Беркутов... Я хмыкнула и весело улыбнулась.

Пока я размышляла о непостижимости мужских предпочтений, меня тоже внимательно рассматривали. Не знаю какое впечатление произвели на госпожу Беркутову, мое наверняка заплаканное лицо и потекшая косметика, но она победно задрала свой круглый подбородок.

— Я так и знала, что ты еще будешь плакать, су-чка белобрысая. Петенька поиграется и вон пошлет, такой уж него характер! — заверещала победно моя соперница.

Я молниеносно качнулась вперед и зажала ладонью кривляющийся рот.

— Слушай, сударыня Таня, ты громко не ори. У меня знаешь ли дети спят. Разбудишь их, не получишь своего Петеньку никогда! Уведу, разведу и..., — я запнулась не зная, что сказать. — И в полицию сдам, поверь мне, есть за что. Впрочем, не нужен он мне. Если обещаешь больше не шуметь, давай пройдем в мой кабинет. Ты появилась вовремя, как и положенно настоящей жене. Петеньку немного помяли, и я не уверена, что он сегодня в состоянии добраться домой сам. Ты сударыня, приехала сама или с водителем?

Сбитая с толку моим длинным монологом, женщина глупо раскрыла рот.

— Сама приехала, неужели ты белобрысая думаешь, что я дам повод для слухов? Водитель в таком деле совершенно лишний человек. Сплетен и пересудов, вы с моим мужем и так изрядно посеяли, — женщина сердито сдвинула брови и прикусила белыми, мелкими зубками нижнюю губу.

— Отлично, тогда следуй за мной, сударыня Таня Беркутова, — я приглашающе махнула рукой и не оборачиваясь быстро пошла к лестнице на второй этаж.

В кабинете мало что изменилось, за время моего отсутствия. Жутким, черным пятном мрачно украшала стену перекошенная, разорванная картина. Белый, пушистый мех накидки зацепился за спинку дивана и был похож на притаившегося, хитрого зверька. Петр Беркутов полулежал в плюшевом кресле и негромко стонал. Его шея немного распухла, синие пятна от пальцев и длинные, кровавые царапины выглядели устрашающе.

— Петенька, милый что с тобой?! — кинулась к мужу Татьяна.

Ее голос дрожал и прерывался, руки быстро расстегивающие ворот белой рубашки, заметно тряслись.

— Что ты с ним сотворила, ведьма белобрысая? — она обернулась ко мне, в ее глазах плескался ужас.

Мне тоже стало страшно. Вдруг Петр Беркутов, решил умереть у меня в кабинете? Доказывай потом Добужинскому, что я здесь совсем не виновата.

Нашла глазами графин с водой стоящий на столе, волнуясь налила воды в граненый стакан. Стекланные поверхности цокали и звенели, пока прозрачная, холодная вода лилась не только в стакан, но и на зеленое сукно.

— Пей, давай же пей! — с мольбой шептала я, радуясь когда сухие губы открылись и потянули живительную влагу.

Беркутов открыл глаза и закашлялся. Я сунула пустой стакан в руки Татьяны и склонилась над ним, что бы померять пульс. Сердце мужчины стучало ровно, гулко,

ритмично.

— Будешь жить, Беркутов! — облегченно выдохнула я. — Но осмотр доктора тебе не повредит. Сам до мобилы дойти сможешь?

Мужчина сфокусировал взгляд на стоящей рядом со мной женщине. Мне показалось, что его губы на мгновение тронула хитрая улыбка.

— Танюша, как я рад, что ты приехала, — захрипел он тихим, трагическим шепотом. — На меня вот, дикая, бешеная кошка напала. Эмма Платоновна меня спасла.

Он закатил глаза и застонал.

— Петенька, поехали домой. Тебе немедленно нужен врач. Не знаю, как тебя спасала Эмма Платоновна, но мне кажется, что она напротив, угробить решила моего мужа! — Татьяна негодуя сверкнула на меня свинцово-серыми глазами.

Мы с ней вместе довели Петра Беркутова до мобилы. Как две сестры мелосердия бережно поддерживали его с двух сторон, тихо уговаривали и жалели. Мужчина, показательно стонал, иногда повисал на наших плечах всем своим телом. Тогда его жена, приходила в ужас и начинала жалобно, тихо скулить. Мне было смешно. Ведь судя по хитрому блеску глаз, Беркутов был великолепным актером. Но, все же показаться доктору ему сейчас было необходимо.

Я так ему об этом и сказала, прежде чем захлопнуть дверь мобилы.

— Беркутов, ты с царапинами от бешеной кошки Агафьи, не шути. Дай слово, что сейчас же вызовешь доктора.

— Это уж, не ваша забота, Эмма Платоновна! Здоровье моего мужа теперь в надежных руках! — презрительно выплюнула слова, сударыня Татьяна и резко сорвала с места шикарный мобиль.

Я стояла посредине дороги и смотрела вслед чете Беркутовых. Светало. Над темной стеной леса поднималось выпавшееся, румяное солнце. Оно оранжевой рукой поглаживало макушки мрачных елей, игриво щекотало кроны почти опавших деревьев.

Начинался новый день. Начиналась новая пора в моей жизни. Я зевнула, потянулась с наслаждением, так, что захрустели все косточки и по приятельски помахав рукой солнцу, медленно побрела к дому.

Глава двадцатая. Вечера в "Сладких Хрящиках"

— Эмма, сыграй еще! — в голосе Лизы было столько восторга и восхищения, что он звенел, как серебряный колокольчик. Голубовато-зеленые глаза блестели интересом, а на пухлых щечках цвел яркий румянец.

В гостиной утопающей в прозрачных, сиреневых сумерках, сегодня собрались мои первые слушатели. Горничные стайкой застыли возле лестницы, своими белыми передниками они напоминали мне любопытных сорок. Огромный верзила Григорий стоял возле входа и мрачно сопел, вытирая пудовым кулаком скупые слезы. Вот уж, не думала, что такого на вид почти дикого человека, может так растрогать музыка. По всему было видно, что "Шторм" Вивальди, произвел на моего работника неизгладимое впечатление. За круглым столом подперев лохматую, кудрявую голову руками устроился Шурик. Его учитель и наставник, профессор Стефан Стефанович смотрел на меня с явным удивлением. Розовая лысина обрамленная седыми, почти серебряными кудряшками совсем недавно кивала в такт музыке, а близорукие глаза за стеклами круглых очков, блаженно шурились.

Я улыбалась довольная тем, что не забыла ноты. Музыка, оказывается сидела до поры, до времени в глубине моей памяти, затаившись, словно ребенок играющий в прятки. Поначалу немного не слушались пальцы, но затем все прошло. Скрипку действительно делал великий мастер. Ее голос совершенный, насыщенный, свободно пел, плескался, страдал, и сводил с ума.

Смычок осторожно коснулся струн, помедлил. Мелодия чарующая и еще немного грустная взлетела вверх, плавно обволакивая слушателей и даже притихший огонь в камине. Скрипка страдала, плакала, а затем словно сошла с ума. Я посмотрела на притихших горничных, и подмигнула им.

Смычок запорхал над струнами быстрее, скрипка игриво запела, словно брала разбег. Мелодия шаловливая, искренняя, огненная, полилась свободно, яростно.

Огненный "Чардаш", сорвал всех с места. Первой на середину комнаты выпорхнула Лиза, она танцевала по детски неумело, но зато так искренне топала ногами и кружилась, что молоденькие горничные тоже не выдержали. Замелькали белые передники, румяные лица, разноцветные ленты в девичьих косах. Тяжело затопал ногами Григорий, подхватывая на ходу Галину и вливаясь в общий круг. Звонко залаял Лимон, метаясь ярким, желтым шаром в общей кутерме. Последним не выдержал профессор Стефан Стефанович, он танцевал легко и вполне профессионально.

Мой смычок порхал без устали. Быстрее, быстрее, быстрее! Скрипка послушная моим рукам, подзадоривала и искушала.

Топали ноги, развевались юбки, блестели весельем глаза, белели в улыбках зубы. Все двигалось, колыхалось. Мне на мгновение показалось, что даже старинная, дубовая мебель вдруг начала покачивать своими резными дверцами, а парадная посуда и фарфоровые статуэтки в громозком, высоком шкафу, весело подпрыгивали и грозились разбиться.

Закончилась огненная мелодия, запыхавшиеся, уставшие люди, захлопали в ладоши.

— Эмма Платоновна, где вы научились так виртуозно играть? — голос седого профессора, прерывался от частого дыхания, розовая лысина блестела от капелек пота.

Я смутилась, пожала плечами.

— До виртуозности мне далеко, но вот думаю, давать такие концерты по вечерам в

трактире. Хотелось бы узнать ваше мнение на этот счет, Стефан Стеванович.

Блекло-серые, почти прозрачные глаза за стеклами круглых очков посмотрели на меня пристально.

— А не испугаетесь? — резко спросил мужчина.

Я поняла его тревогу. Играть в трактире, когда слушатели кушать изволят...

— Не испугаюсь, — улыбнулась я, пожилому и мудрому человеку. — Впрочем испуг здесь, не так важен. А свою гордыню, я уже обуздала. Завтра поеду в город, закажу небольшие афиши, вы мне текст помогите сочинить?

Щуплый, невысокий профессор с готовностью кивнул головой. Седые кудряшки светлым ореолом взметнулись над его головой.

— Конечно же, я не откажу. Но, мне кажется, что нужно об этом просить Александра. У него очень живое воображение и острый ум. Мальчик балуется стихами, и они у него выходят достаточно неплохими. Афиша-приглашение в стихах, как вам Эмма Платоновна, такой ход? — прозрачные глаза профессора хитро прищурились.

— Отличный ход, — согласилась я. — Шурик, пойдем в кабинет, у меня к вам с профессором есть важное задание.

Лиза, тайно скармливающая Лимону печенье, подпрыгнула от нетерпения.

— Нам с Лимоном, тоже нужно дать задание. Эмма, я обожаю выполнять всякие задания!

Мне немного стало стыдно, в последнее время я очень мало времени уделяла Лизе и Шурику. Но теперь, когда все тайны раскрыты, а все прежние обитатели "Сладких Хрящиков" исчезли, кажется должна начаться светлая полоса в нашей жизни.

— Как же, мы без тебя справимся? — взяла я девочку за руку. — Пошли наверх, ты наверное подскажешь нам великолепную идею.

— Лимон, тоже подскажет! Он умный!

Лиза вприпрыжку побежала наверх. За ней повизгивая увязался Лимон.

Глава двадцать первая. Первый концерт, первые посетители

"В" Сладких Хрящиках"

Скрипка играет,

Гостей и слушателей зазывает,

Под музыку веселую

Будет сладким даже хрен,

Ешь холодец если ты джелътмен. "

Я долго смотрела на образец яркой, развеселой афиши. Сегодня я забрала из типографии, увесистую пачку ее близнецов, форматом не меньше ватманского листа. На белом фоне алым безумием пламенели четкие, рубленые буквы. В верхнем углу плаката, худая дамочка, надо признать, очень на меня похожая, прикрыв глаза" пилила" длинным смычком скрипку. В нижнем углу, кусочек прозрачного холодца, грозился свалиться с золоченной вилки прямо на блюдо с горячими, аппетитными пирожками.

— Ну, какие стихи, такое и изображение, — тихонько бормотала себе под нос, когда несла тяжелый рулон, пахнувший свежей краской к мобиле. Стихи принадлежали перу гордого собой Шурика. Мальчик утверждал, что именно такой" народный" слог должен привлечь внимание людей. Я не захотела спорить, и вздохнув согласилась. Правда вслух заметила, что Шурик написал нечто похожее на рэп. Слово" реп", Шурику не понравилось, он обиделся. Мне долго пришлось его убеждать, что это совершенно новое направление в искусстве, возможно он когда-нибудь станет знаменитым рэпером, если начнет читать свои тексты речитативом и под музыкальное сопровождение.

Стефан Стефанович долго смеялся, когда я немного сгорбившись, отчаянно качая головой в такт, не забывая вскидывать руки с раставленными веером пальцами, прочитала свежее творение Шурика. Лиза и Лимон тут же меня поддержали, а в глазах хмурого мальчика мелькнул неподдельный интерес.

— Эмма, давай помогу! — Шурик уже бежал ко мне, готовый подхватить тяжелый рулон, который так и норовил выскользнуть из моих рук.

Я не стала сопротивляться и поделилась своей ношей с мальчиком. Вдвоем мы дотащили скользкие афиши до мобила.

Лиза тут же принялась искать под своим сиденьем внушительную банку с клеем, а Лимон помогал ей и вытаскивал новые, малярные кисти острыми, белыми зубами.

К вечеру мы сумели общими усилиями справиться со всеми афишами. Задорные стихи теперь призывно, ярко краснели с хмурых, серых заборов, с круглых тумб для объявлений, и даже с толстых стволов гордских деревьев.

Теперь оставалось только ждать.

Люди не торопились в наши" Сладкие Хрящики", не в первый день, не во второй, и даже не в третий.

— Эмма, в нашем городе читать не умеют? — тревожилась Лиза.

— Нет, Лиза! Читать люди умеют конечно, но наверное им не понравились мои стихи, — хмурил черные брови Шурик.

— Они просто не любят скрипку, или мясо с хреном, — бормотала я, поглядывая в сторону трактира.

На новой, вымощенной гладким камнем стоянке перед высоким, бревенчатым зданием было пусто.

Повара досадливо хмурились, глядя на то, как их кулинарные изыски с удовольствием едят работники и горничные. Особенно оценил мясные блюда Лимон. Пес с утра бежал к трактиру и подвывая скребся лапами в двери на кухню, требуя себе вкусный завтрак.

Только Стефан Стефанович, сохранял невозмутимое спокойствие.

— Посетители появятся через три дня, именно такой срок дается населению, на обработку информации, — он смотрел на нас прозрачными, мудрыми глазами сквозь стекла круглых очков и усмехался в седые усы.

Профессор оказался прав. Именно к концу недели, в "Сладкие Хрящики" повалил народ. Мобили разных размеров, цветов и стоимости стояли на стоянке так плотно, что в вечерних сумерках напоминали собой единое, блестящее округлыми боками и хромированными деталями, фантастическое существо.

Я волновалась. Дрожали руки, колени и даже подбородок. Сквозь маленькую прореху в темно-синем, бархатном занавесе, я разглядывала публику перед которой должна была играть на скрипке и понимала, что наверное погорячилась, приняла не совсем верное решение. Разве жующим, увлеченным разговорами и вкусными блюдами людям, нужна сейчас скрипка?

— Э-э-э, хозяйка, так дело не пойдет, — раздался у меня над ухом глухой, как из пустой бочки бас.

Подняла глаза и мой взгляд уперся в широченную грудь, на которой едва не трещал белый передник. Пришлось поднимать глаза повыше. Только тогда я встретила с внимательным взглядом, глубоко посаженных, черных, маленьких, как у медведя глаз.

— Григорий? Ты, что тут делаешь? — спросила я хриплым, дрожащим, словно от испуга голосом.

— Я, на кухне помогаю, народу вон сколько привалило, — спокойно пояснил мне великан. — Не зря сюда сегодня попал. Вам Эмма Платоновна, вот это не помешает.

С этими словами мужчина протянул мне граненый стакан, в нем плескалась прозрачная жидкость.

— Пейте! — приказал он мне строго.

Первый глоток обжег мое сухое от волнения горло, второй огнем опалил кровь, которая кажется побежала по венам быстрее. От третьего мне стало легко и весело. Стах и неуверенность в себе исчезли, словно их растворила прозрачная, пахнувшая сежим хлебом жидкость.

— Ну, все хватит, с вас хозяйка! Вы же, как воробышек, — забасил великан и отнял у меня ставший, почти родным стакан. — Вы, Эмма Платоновна, того... Первым "Шторм", играйте, что-бы проняло всех, что-бы они про тарелки свои позабыли. Ну, уж потом, этот... "Чардаш" вдарьте, да позаборестей!

Я опомниться не успела, а сильные руки уже вытолкнули меня на маленькую сцену.

Мое появление осталось незамеченным. Люди продолжали разговаривать, смеяться, стучать ножами и вилками. Я покашляла, но и это не привлекло ко мне внимание. Тогда я разозлилась.

Смычок уверенно коснулся струн. Послушная ему скрипка с готовностью заголосила, а затем запела чистым, завораживающим голосом.

Первым, как и советовал Григорий, я исполнила "Шторм". Затем зажигательный танец

сменил, великое творение Вивальди.

Наблюдая, как люди самозабвенно танцуют на небольшой площадке перед сценой, я думала о том, что наверное надо перестраивать зал, а когда уставшая и почти засыпающая, под утро пересчитывала солидную выручку, то думала, что если так отлично пойдут дела, то придется нанимать еще штат поваров, а возможно и музыкантов.

Додумать я не смогла. Мысли путались, тяжелая голова клонилась к столу, глаза сладко закрывались. Я уснула у себя в кабинете, склонив голову на зеленое сукно и отодвинув в сторону, так и не сложенные в стопки денежные купюры.

Глава двадцать вторая. Маски сорваны, господа

Осень незаметно промчалась холодными ветрами, прошелестела тусклым багрянцем и ярким золотом опавшей листвы, а затем смыла воспоминания о себе унылыми, продолжительными дождями.

Зима, как всегда свалилась внезапно. Небрежно уронила с высоты мрачных, хмурых небес свою перину, которую так и не успела заштопать за лето. Из огромной прорехи повалил белый, еще пока пушистый снег. Он укрыл землю, повис на верхушках сосен и елей, усладил мягким, рыхлым ковром дорогу.

Работы теперь прибавилось, снег нужно было чистить почти каждый день. Пришлось нанимать еще пару работников в помощь Григорию.

Шурик тоже помогал им бороться со снежной напастью, а я ему не запрещала. Что может быть полезнее, чем физическая работа в удовольствие, на свежем воздухе и еще оплачиваемая? Да, я платила Шурику, так же как и работникам. Педагогического образования у меня не было, но я считала, что каждый труд должен вознаграждаться. Ничего нет ценнее, чем деньги заработанные своими руками. Однажды увидев, как я расплачиваюсь с Шуриком, хитрая Лиза тоже схватила свою маленькую лопатку и присоединилась к борцам со снегом... Ей конечно же помагал, но больше мешал, Лимон. Желто-рыжим пятном, он радостно носился по чистым дорожкам, рыл острой, лисьей мордой белые сугробы и даже пытался закапывать в них драгоценные, сахарные косточки которые оставались после обеда.

А обеды у нас были сытными... На кухне всегда что-то варилось, булькало в огромных котлах, жарилось на широких сковородках. Нанятый новый кондитер, оказалась гением пирожков, кулебяк и тортиков. Дружная команда талантливых поваров, за три с половиной месяца добилась небывалых успехов. Наша кухня начала славиться своими блюдами. Теперь людей привлекала не только музыка. Ценители народной кухни, как они называли себя, а попросту обжоры мужского и женского рода теперь всегда присутствовали в наших "Сладких Хрящиках".

Обжорство вещь заразная. Она, как болезнь. Как устоять перед нежными блинчиками с икрой или перед горячими пирожками с мясом? Однажды собираясь вечером развлекать гостей музыкой, я обнаружила, что платье, так называемое "концертное", мне стало очень тесным. Этот факт заставил меня внимательно рассмотреть свое отражение в зеркале. То, что я там увидела мне понравилось. Исчезла почти болезненная худоба, доставшаяся мне от Эммы Загрязской. Все что нужно, округлилось. Лицо посвежело, кожа сияла, словно перламутр. Даже появилась очень заметная, полноценная грудь! Сейчас я была в идеальной форме! Но еще немного и эта идеальная форма, поплывет... Я вспомнила тетюшку Агафью Платоновну, и отрицательно качала головой. Нет! Эмма, нет! Вот, что тебя ждет если не прекратишь обжорство и не начнешь заниматься спортом.

С того памятного вечера, я старалась не так часто заглядывать на кухню. Новые блюда пробовала, что бы не обидеть поваров, но в очень маленьких количествах. А самое главное я начала бегать, вспомнила все силовые упражнения, и даже попросила соорудить себе турник, далеко за домом, возле самой кромки леса, что-бы поменьше глаз видело, как хозяйка "дурыю мается". Очень скоро мне компанию составил Шурик, а за ним и Лиза с вездесущим Лимоном.

Концерты, а именно так громко, теперь все называвли мои выступления, я давала три

раза в неделю. В такие вечера в трактире собиралось большое количество людей. Все столики были заняты, и после нескольких скандалов, пришлось вводить систему предварительной записи. Толстая тетрадь купленная мной именно для этой цели, была уже заполнена наполовину. В ней столы резервировались до самой весны. Приближался самый главный, зимний праздник, который был аналогом нашего Нового года, но назывался немного иначе — Новая лета.

Назывался Новый год иначе, но отмечался так-же, как и у нас. С непрременной, наряженной шарами и гирляндами елкой, с подарками, и с веселыми гуляниями.

В трактире был аншлаг. Столы заказывали большими компаниями, которые состояли иногда из родственников и друзей, а иногда из сослуживцев различных учреждений. Веселье подвыпивших клерков, очень напоминало мне наши новогодние корпоративы.

Именно такой костюмированный корпоратив, где маска на лице была главным атрибутом, гудел, плясал и от души веселился в тот памятный вечер.

Что-бы не отличаться от гостей, я к своему любимому, черному платью, с голой спиной, смастерила маску. Пошитая из черного бархата, украшенная блестками, которые помогала мне пришивать Лиза, она получилась великолепной. Закрывала половину лица, сверкала бисером и стеклярусом в лучах люстр, словно ночное небо россыпью звезд.

Полюбившийся публике " Чардаш", сменяли цыганские напевы, они переходили в знойную музыку востока. Когда, я поняла, что пьяная толпа способна веселить сама себя, я тихонько покинула сцену.

Накинув на голые плечи шубку, в лакированных туфельках, я засемила ногами к дому, по тщательно прочищенной дорожке, стараясь не поскользнуться и не упасть в сугроб.

Я уже поднималась на крыльцо, когда входная дверь распахнулась и из нее вылетел подпрыгивая от нетерпения Лимон. Он оглянулся на меня, весело твякнул и уверенно потрусил в сторону леса. Я решила пождать когда наш умный пес сделает свои важные дела и вернется назад. Но время шло, мои ноги в легких туфельках стали превращаться в бесчувственные ледышки, а пес не спешил возвращаться.

Подумав немного, я пошла в ту сторону, в которой он скрылся. Остановилась возле сугроба и неуверенно закричала в темноту.

— Лимон!

Мне ответили лишь старые сосны, поскрипывая на морозе, заснеженными ветками.

— Лимон! Лимон! Лимон! — звала я в отчаянье, не зная как лучше поступить. Продолжать ждать негодника, решившего прогуляться в лесу, или же пойти в дом, в желанное тепло.

— Почему именно лимон? Может быть вам поможет и обыкновенное яблоко? — прозвучал у меня над ухом жаркий шепот.

Мужские руки нежно, но требовательно развернули меня, и я уткнулась носом в колючую шерсть белого, щегольского шарфа, обмотанного вокруг сильной шеи. От незнакомца пахло парянным перцем, теплой полынью и апельсинами. Я поняла глаза и встретила с искрящимся весельем, лучистым, притягательным взглядом сине-зеленых глаз.

Этот необычный цвет и продолговатый разрез глаз показались мне очень знакомыми. Конечно же! Это тот самый мужчина которого я видела ранней осенью, в доме губернатора! Но он стоял слишком далеко, не могла я тогда рассмотреть цвет его глаз! И эти черные кудри, широкие брови, длинные ресницы угольным росчерком выделившие светлые глаза...

— О, да вы та самая скрипачка! Должен сказать, что я очарован вашей виртуозной

игрой! Я очарован блеском ваших бархатных, черных очей, вашим запахом, таким знакомым, таким манящим, — голос мужчины низко вибрировал, действовал на меня не хуже чем хмельное вино.

Я чувствовала себя безвольной мухой, которая угодила в сеть могущественного паука. К чему трепыхаться? К чему махать слабыми крылышками?

Горячие губы накрыли мои, холодные от мороза, остывшие. Поцелуй был похож на спасение. Спасение от холода и одиночества. Он длился так долго, что мне стало жарко.

— Позволь я сниму твою маску, прекрасная незнакомка, — хрипло протянул мужчина и наклонился надо мной еще ниже. Пока его нетерпеливые руки сдергивали с моего лица, черный бархат в блесках, я отчетливо поняла где видела эти сине-зеленые глаза. Они уже год, находились рядом со мной. Они лукаво и весело смотрели на меня с румяного личика Лизы, по дружески вопрошали с серьезного лица Шурика.

Мы воскликнули почти одновременно.

— Загряжский?! — просипела я сдавленно, с сомнением.

— Эмма?! — яростно заревел мой недавний искуситель.

От прежней нежности и любовного напора, не осталось и следа. Сильные пальцы сомкнулись на моей шее и начали душить.

— Куда ты дела моих детей, ведьма?! — рычал мужчина и еще сильнее стискивал мою шею.

Темно-синее, ясное от мороза небо, усеянное миллиардами звезд, закружилось у меня перед глазами превращаясь в черную воронку. Как же я тебе отвечу, глупый осел, если ты меня душишь? Подумалось мне, перед тем как потерять сознание. Я медленно падала в холодный снег и еще успела услышать громкий и грозный собачий лай, злое рычание.

— Лимон! — прошептали мои непослушные губы и звездное небо окончательно обрушилось на мою голову.

— Эмма, милая очнись! — детский голосок настойчиво зудел возле уха, вызывая у меня стойкое чувство дежавю.

Вспомнилось лето, запах гари и дыма, и тревожная мольба Лизы. "Эмма, очнись!"

Теплые капли влаги падали мне на лоб и стекали вниз. Ядренный запах нашатыря настойчиво лез в нос. Мучительно захотелось чихнуть. Сдерживать я себя не стала и громкое "Апчхи!!!", кажется вывернуло наизнанку все мои внутренности, глухой болью отозвалось в горле.

Я открыла глаза и сфокусировала взгляд на белом, высоком потолке гостиной. Погладила рукой мягкий плед в который меня закутали, словно младенца и жмурясь от яркого света повернула голову в ту сторону, с которой слышала тоненькие всхлипывания Лизы.

Меня тут же лизнул в щеку шершавый, собачий язык. Нежные, маленькие ручки отстранив жалобно скулящего Лимона в сторону, принялись меня крепко обнимать.

— Тише, Лиза! Ты опять отправишь Эмму в обморок, если будешь ее так крепко душить! — рассудительный и суровый голос Шурика, прозвучал совсем рядом.

Я сразу отреагировала на слово "душить", с тревогой начала озираться по сторонам и натолкнулась на холодный, почти замораживающий взгляд полный ненависти и презрения. Господин Загряжский, собственной персоной сидел в моей гостиной и настойчиво сверлил меня взглядом. Я приподнялась с мягкой, диванной подушки, и попробовала заговорить, но горло болело и у меня вырвался лишь сдавленный хрип. Тут же вспомнился Беркутов, я криво усмехнулась, Ну, вот кажется бумеранг вернулся...

Заметив мою улыбку, весело защебетала Лиза.

— Эмма ты тоже рада, что наш папочка вернулся? Знаешь, это ведь он тебя спас от нехорошего человека, который напал на тебя возле нашего дома. Наш папа герой, да Эмма? — голосок девочки был таким торжествующим, таким радостным, что мне оставалось только согласно кивнуть головой.

Вслушиваясь в слова своей подруги, Лимон звонко залаял и коротко рыкнув, обернулся в сторону мужчины.

Лиза поспешила успокоить лохматого друга, она соскочила с дивана и встав на колени обхватила шею собаки.

— Ты тоже герой, мой храбрый Лимончик!

Но пес не унималась, он косил шоколадным, влажным глазом в сторону Загрязского и глухо ворчал, обнажая белоснежные клыки. Я была с ним совершенно согласна. Но с одной стороны меня сдерживала боль в горле, а с другой, я отчетливо понимала, что именно сейчас я не в праве изобличить гада Загрязского. Дети встретились с родным человеком, и судя по Лизе, которая оставив Лимона, кинулась обнимать отца, а так же по сияющим гордостью и сержанной радостью глазам Шурика, сейчас они были очень счастливы. Кто я такая, что-бы в новогоднюю ночь отнимать у детей такой невероятный, неожиданно свалившийся на голову подарок?

Вспомнив о подарках, я вопросительно кивнула головой притихшему, встревоженному профессору. Он выглядел немного расстроенным, взволнованным, нервно теребил свою пушистую бородку и о чем-то напряженно думал. Моих кивков он не заметил, пришлось громко кашлять и незаметно, украдкой показывать рукой в сторону елки.

Стефан Стефанович, наконец-то пришел в себя. О растерянно мне улыбнулся и согласно затряс головой.

— Шурик и Лиза, мы совсем забыли, что сегодня не простой вечер, — прозрачные, серые глаза, под стеклами очков строго зыркнули в сторону незваного гостя. — Сегодня начнется новое летоисчисление, с Новым летом вас, мои дорогие! Загляните под елку, Добрый дед наверное уже приходил и оставил вам подарки! — голос профессора был, как у диктора центрального телевиденья, он торжественно рокотал, выдерживая нужные паузы.

Лиза взвизгнула, спрыгнув с колен новоявленного папочки Загрязского, кинулась к высокой, почти под потолок, ели. Глухо звякнули стеклянные бусы, затряслись, зашуршали зеленые иголки, закачались золотистые и красные шары, когда девочка проворно нырнула под нижние ветки лесной красавицы.

Шурик вел себя сдержанно. Он осуждающе покачал головой, словно был не мальчиком, а солидным и взрослым мужчиной. Бросил короткий взгляд на отца, словно хотел получить одобрение.

Загрязский улыбнулся Шурику, посмотрел своими сине-зелеными глазами и подмигнул. И столько было любви в этом взгляде, сколько гордости за сына, что я невольно зажмурилась. Неужели эти глаза всего несколько минут назад смотрели на меня с ненавистью?

— А-а-а! Спасибо тебе Добрый дед! Шурик, Шурик, здесь столько много коробок, что одной мне не справиться! Братик помоги!

Мальчик словно этого и ждал. Пусть он сейчас показывал блудному папашке, всем своим видом, что очень взрослый, но в душе он все еще был ранимым, немного наивным ребенком.

В извлеченных из-под елки коробках оказались очень нужные, приятные сердцу вещи. Лиза не сводила восхищенного взгляда с большой куклы. Она тут же принялась снимать с нее пушистую, белую шубку, что-бы посмотреть какого цвета под ней платье, у фарфоровой модницы.

Шурик любовно гладил переплет толстой энциклопедии, листал тяжелые, глянцевые листы с гравюрами и красочными рисунками.

Стефан Стефанович, довольно сопел, примеряя темно-синий, кашемировый свитер.

Лимон с упоением принялся гонять по гостиной упругий мячик, ядовито-зеленого цвета.

Я тоже получила подарок, давно мечтала о таком красивом, почти испанском гребне.

— А папе подарок? — вдруг прозвучал немного расстроенный голосок Лизы.

Я закашлялась, провела рукой по шее. Захотелось сказать, что для папы девочки, у меня есть только один подарок — удар в челюсть чемнибудь очень тяжелым. Я так выразительно посмотрела на мужчину, что он и без слов понял меня.

— Лизонька, свой подарок я уже получил. Самый щедрый подарок о котором я и мечтать не смел, — голос Загрязского вдруг дрогнул, и он стремительно отвернулся скрывая... слезы?!!

В гостиной на несколько секунд повисла тишина. Ее нарушил мой хриплый голос, который каркал не хуже чем у престарелой вороны.

— Дети, уже очень поздно. Вам пора спать. Стефан Стефанович проводит вас в спальни, а мне и..., я запнулась не зная как назвать противного мне гостя. — И вашему отцу, есть о чем поговорить в кабинете.

Когда Лиза и Шурик, пожелав всем спокойной ночи, запрыгали вместе с Лимоном вверх по ступенькам на второй этаж, со своего кресла поднялся профессор. Он вначале направился к лестнице вслед за детьми, но резко остановился.

— Эмма Платоновна, можно сказать вам пару слов?

Я с трудом сползла с дивана, подошла к встревоженному, чем-то обеспокоенному мужчине.

Он схватил меня за руку, заглянул в глаза, ослепив блеснувшими на секунду стеклами очков.

— Эмма Платоновна, не было человека который на вас напал, и от которого вас спас это господин! Я посмотрел, на снегу следы двоих людей и одной собаки. К тому же Лимон, очень злится на нашего гостя. Пусть он и принес вас в дом на руках, но я не доверяю ему. Вы поосторожнее с ним будьте Эмма Платоновна, — приглушенный, быстрый шепот вливался в мои уши, гудел тревожным набатом.

Профессор сжал мою руку и повернулся к Загрязскому.

— Я детей уложу спать и вернусь в гостиную, прочитаю книгу. У меня злостная бессоница сегодня разыгралась! — он гордо задрал подбородок и стал медленно, важно подниматься по лестнице.

Несколько долгих минут в гостиной тяжелой, давящей плитой повисла тишина.

Мужчина встал со своего кресла, усмехнулся мне кривой, угрожающей улыбкой.

— Ну, что же, самое время нам поговорить, моя разлюбленная женушка! — в его голосе явно слышалась насмешка.

Я смело встретила взгляд сине-зеленых глаз, облизнула пересохшие губы языком, с удивлением замечая, как дыхание мужчины вдруг участилось.

— Ну, что же, во всем с вами согласна господин Загряжский, или как там, вас теперь величают? Уверенна, что имя и фамилию вы сменили. Вот поэтому и получается, что я вам никакая не женушка. Вас мертвым признали, а с мертвяками я ничего общего иметь не желаю.

Мужчина театрально, медленно захлопал в ладоши.

— Bravo Эмма! Bravo! Я представь себе, тоже ничего общего с такой стервой, как ты иметь не собираюсь. Но общее у нас все же имеется — мои дети, Эмма! Веди в свой кабинет, разговор наверное у нас будет долгим, боюсь почтенному профессору сегодня не придется заснуть!

Он взял меня под локоть и почти насильно потащил к лестнице.

Когда за нами закрылась дверь кабинета, Загряжский выпустил мой локоть. Огляделся по сторонам, задержал взгляд на неровно весевшем, изуродованном огромной прорехой полотне. Картину я так и не сняла со стены, несколько раз хотела что-бы слуги унесли ее на чердак, но всякий раз оставляла эту идею до лучших времен.

— Странные картины, моя женушка у себя в кабинете держит. Грубо намалеванный стол, кучка истрепанных карт на грязной, истлевшей скатерти... Сюжет отвратительный, как впрочем и твоя лживая, извращенная душонка, Эмма, — он изящно шелкнул пальцами и усмехаясь повернулся ко мне лицом.

В сине-зеленых глазах мужчины было столько холодного презрения, что я зябко передернула плечами.

Молча опустилась в кресло обитое вишневым плюшем, обдумывая его слова, вспоминая всю информацию, которую прочитала в дневниках Эммы. Какая она была? Хрупкая, наивная, доверчивая простушка, без памяти влюбленная в своего мужа. Тихое, послушное существо... Что-то я совсем не уловила в характере этой несчастной, безвременно погибшей девочки, никакой лжи, а тем более извращения. Так, о чем же сейчас так уверенно вещает господин Загряжский? От куда у него, эта ненависть и лютая злоба, по отношению к бедняжке Эмме? Что-то здесь не стыкуется, одну и ту же Эмму Загряжскую, в девичестве Хрящ, мы сейчас имеем в виду? Задумчиво пытаюсь грызть ноготь, но тут же одергиваю руку.

— Еще раз, хочу вам напомнить, господин, не знаю, как теперь вы там представляетесь в обществе... Женушкой будете звать, другую женщину. Ваших намеков, относительно моей лживой и извращенной душонки, простите, но не понимаю, — я развела руками и сладко улыбнулась. — Признаю, что нас связывают Лиза и Шурик, но ведь вы сами изволили их бросить на произвол судьбы. Государственный приют, вот, что уготовил им заботливый отец. Не правда, ли? — если бы яд, которым сочился мой голос, мог убивать, то Загряжский давно бы корчился в конвульсиях.

Мужчина сжал кулаки и с угрожающим видом двинулся в мою сторону.

— Но-но, охладите свой пыл господин "Пустое место", еще шаг и мне придется переполошить весь дом, к тому же внизу не спит Стефан Стефанович! Думаю, что он уже успел предупредить верзилу Григория, о вашем позднем визите. Григория лучше не злить, скрутит вас в два счета, и уж тогда мне придется вызвать начальника полиции, милейшего господина Добужинского. Вы же меня, чуть не убили сегодня? Поверте, полицейские ищейки вмиг поймут, что не было никакого злоумышленника, снег знаете ли, зафиксировал и сохранил все наши следы. А, как расстроятся дети, узнав, что отец предавший их один раз, является еще и несостоявшимся убийцей! И могу себе представить радость Добужинского,

когда он узнает, что уважаемый человек, скупивший все рудники с залежами синих кристаллов на украденные деньги семейства Хрящ, живет по поддельным документам! — я прикусила губу и с вызовом посмотрела на Загряжского. — Может быть, так и поступим, господин Мертвяк?

Мартин Загряжский стоял в двух шагах от меня и усмехался. Но по бледной коже лица, по играющим на скулах желвакам, мне было понятно, что улыбаться ему сейчас совсем не хочется.

— Я уже стал надеяться, что ты Эмма изменилась, после того как хорошенько приложила голову о камни под скалой. Меня так тронуло твое отношение к Елизавете и Александру... Удивительно, но кажется, что и дети тебя искренне любят... Я искал их целый год, а встретил благодаря нелепой случайности. Ты, права, ради Лизы и Саши, я приму все твои условия. Все условия которые способен выдумать, твой извращенный мозг.

При упоминании камней под скалой я встрепенулась. Страшная догадка пришла мне в голову.

— А, повольте узнать, не вы ли, стокнули меня со скалы? — я жадно всматривалась в лицо мужчины, боясь упустить малейшую эмоцию.

Черные, почти сросшиеся на переносице брови взметнулись вверх в немом вопросе. Нахмурился высокий, чистый лоб.

— Ты не помнишь, как все было? В тот вечер опять победила Злая Эмма, она явилась в маленький грот под скалой, где держала меня больше месяца. В то время, когда мое тело искали повсюду, я прикованный цепями, словно раб на галерах, вынужден был полагаться, только на то, что твои перевоплощения, будут не такими частыми, — голос мужчины дрогнул, слова давались ему с трудом.

— Мои перевоплощения?! Что вы этим хотите сказать? Я честное слово, совсем ничего не помню после того рокового падения... Наверное действительно очень хорошо приложила голову о камни, — усмехнулась и закрыла глаза, словно вспоминая.

Загряжский вдруг рассмеялся, но его смех был совсем невеселым, каким то мрачным. Застаралая горечь угадывалась в нем, как запах полыни угадывается в скошенной траве.

— Хорошо, если ты ничего не помнишь, а я в это готов поверить, — Загряжский подошел совсем близко и приблизил свое лицо к моему, заглянул в глаза, словно пытался там прочесть все ответы на свои вопросы. — Я пожалуй начну с самого начала.

Он поискал глазами куда сесть и решительно направился к дивану, который стоял напротив меня. Скрипнули старые пружины потертого мастодонта, когда мужчина усаживался поудобней, всем своим видом показывая, что он настроился на длинный разговор.

— Я женился на скромной, тихой, влюбленной...

— А, главное очень богатой, — я не смогла удержаться от иронии.

Мужчина нахмурился, сердито посмотрел на меня своими невероятно красивыми глазами.

— Мне продолжать, или ты Эмма, все сама знаешь?

Я откинулась на спинку кресла, укрыла ноги клетчатым, черно-красным пледом.

— Нет, нет, продолжайте, я больше не буду мешать, — поспешно воскликнула я, испугавшись, что Загряжский передумает рассказывать правду.

— Так вот, продолжаю — после женитьбы милая девочка, вдруг стала иногда превращаться в Злую Эмму... Не знаю, что на тебя влияло... Полнолуние ли, а может сдвиг

неведомых планет, но со строгой периодичностью, один раз в месяц, ты уходила из дома. Я находил тебя в самых неожиданных местах. В грязных притонах, в игральных клубах, где ты проигрывала состояние своего батюшки, в дешевых гостиницах с мужчинами бандитской внешности. Возвращал тебя домой, где ты превращалась в кроткую, невинную овечку, не смеющую даже приструнить слуг. Каюсь, терпеть твою влюбленность было невыносимо, после того, как мне доводилось видеть тебя в самом непотребном виде, и в самой грязной компании. Ты тихонько лила слезы и робко пыталась привлечь мое внимание, когда была Доброй Эммой, и отчаянно гневалась, негодовала когда пребывала в образе Злой. Однажды с помощью своих знакомых, тех самых которые за рубль, могут перерезать горло человеку, ты похитила меня и приковала цепями в маленьком гроте под скалой. В тот почти роковой день для тебя, и в день когда я обрел свободу, ты явилась ко мне Злой Эммой. Неистойвой, наглой, циничной. Я готовился к твоему визиту. Убеждениями, ласковыми, льстивыми, словами, притворными объяснениями в любви, добился того, что ты освободила меня и мы поднялись на вершину скалы. Тебе хотелось заняться любовью именно там. Заметив отвращение на моем лице, ты закатила истерику. Полезла драться, кричала непристойности. Завязалась драка, ты была подобна дикой, злобной твари. Я тебя сильно толкнул. Сознаюсь, я хотел гибели, тому отвратительному существу в которое ты превращалась один раз в месяц. Стоял, смотрел вниз и хохотал, как сумасшедший, рассматривая твое сломанное тело и светлые волосы запачканные в красные пятна крови, — Загрязский устало вздохнул, потер виски длинными пальцами.

Я потрясенно молчала. Мне казалось, что мужчина врет, рассказывая выдуманную сказку. Но вдруг вспомнила дневники Эммы Загрязской. Что в них мне показалось странным? Чистые станицы... Белые листы чередовались с записями. Количество записей и количество чистых станиц было почти одинаковым, а по датам промежутки составляли около месяца...

— В моем футляре оказалось не одно тайное дно, — глухо пробормотала я, поглаживая рукой черно-красные клетки на шерстяном плеле.

У мужчины оказался на удивление чуткий слух. Он взглянул на меня заинтересованно.

— В футляре? Ты сказала, в футляре? Что, ты имеешь в виду, Эмма?

Мне показалось, или я действительно начала краснеть?

— Ничего, вам господин Загрязский, почудилось. Полагаю, что сейчас нам надо заключить перемирие. Я не доверяю вам, вы не доверяете мне. В свете тех сведений, но не фактов, которые вы мне рассказали, я понимаю ваше беспокойство за детей. Поэтому, мы будем общаться, мы будем приглядывать друг за другом. Лиза и Шурик, очень умные и сообразительные детишки, им можно мягко объяснить и ваше новое имя и ваше долгое отсутствие. Думаю, что они не проболтаются. Профессор, тоже вполне надежный человек, я ему доверяю.

Долгая пауза повисла в кабинете. Мужчина задумчиво смотрел на меня, словно с кем-то сравнивал.

— Разумное решение Эмма. Приглядывать за тобой я буду в любом случае. Теперь будь готова к моим частым визитам. А, еще лучше давай официально объявим, что ты моя невеста, — Загрязский хищно улыбнулся.

— Нет, уж увольте! Я вас боюсь. То вы душишь меня бросаетесь, то вдруг признаетесь, что сбросили меня со скалы.

— Я не сбрасывал тебя со скалы. Я просто случайно толкнул, когда ты вцепилась мне в

лицо своими длинными когтями! — мужчина даже покраснел от гнева.

— Вот видите, как легко вас можно вывести из равновесия! Нервишки лучше лечите, а не в женихи лезьте, — хмыкнула я, и довольно улыбнулась.

Мужчина поднялся с дивана.

— Я думаю, что мы наш договор кровью подписывать не будем. А, сейчас разреши мне откланяться. Знай, что Максим Андреевич Ряжский, всегда к твоим услугам, — он поклонился и протянул мне свою визитку.

Я взяла холодный на ощупь кусочек картона, рассеянно повертела его в пальцах. Поднялась со скрипучего кресла.

— Пойдемте, я вас провожу.

Спускалась по лестнице и чувствовала на затылке и голой спине слабое покалывание, словно шедший следом мужчина хотел испепелить меня взглядом.

В гостиной громко посапывая, спал сидя в кресле Стефан Стефанович. Очки сползли на один бок, толстая книга, распустив веером свои страницы, словно горделивый павлин хвост, чудом держалась на его коленях.

— Твой охранник, сладко спит Эмма, — усмехнулся Загряжский, или теперь Ряжский? — Не провожай меня дальше, я сам найду выход.

Когда за гостем закрылась дверь, я постояла в раздумьях. Потом убрала книгу с колен профессора, бережно сняла круглые очки с его сладко посапывающего носа. Укрыла пледом с дивана.

В кабинет, несмотря на страшную усталость, я поднималась быстро. Где-то там в шкафу должны были стоять дневники Эммы Загряжской, и они должны были открыть мне свою тайну.

Глава двадцать третья. Дневники Эммы

В ту новогоднюю ночь, я так и не добралась до дневников девушки, которая когда-то носила мое имя, и мое нынешнее тело. Память штука странная... Прошел всего год, а я уже воспринимала себя, как Эмму Загрязскую, у которой двое детей, проблемы с открытием зарядной станции и "Сладкие Хрящики" в довесок ко всему.

Нет, я конечно помнила свое настоящее детство, родителей, Гошу предателя. Но эти воспоминания становились все более смутными, словно интересное, милое сердцу кино, совсем не имеющее ко мне никакого отношения. Это кино я смотрела давным-давно и запомнила лишь небольшие и самые яркие эпизоды.

Примерно так же было с телом и лицом. Меня уже не пугало отражение в зеркале, когда смотришь в него и ожидаешь увидеть голобоглазую шатенку, вместо кареглазой блондинки. Привычка? Возможно... А, еще наверное большую роль играло то, что мне некогда было вспоминать и жалеть о прошлом. Надо было жить дальше, и я жила, принимая свалившуюся на меня действительность, как неизбежность.

В самом начале моей адаптации к внезапной реальности, записки Эммы Загрязской мне очень помогли. Мне легче было воспринимать доставшийся мне "футляр", зная, что он принадлежал чистой душе, девушке, которая была мечтательницей не от мира сего, совсем непригодной к житейским передрягам. Да, ее жизнь закончилась очень грустно, но это был в какой-то мере закономерный финал. Что ждало бедняжку в будущем? Нищета и смерть от болезней? Так думала я, до недавней ночи. Но я ошибалась. Почему-то скомканному рассказу Загрязского поверила сразу, а теперь очень боялась, что этот рассказ легко может подтвердиться тайными записями в дневниках скромницы Эммы.

Тянула время, находя все новые причины не искать злосчастные, три толстые тетради в красновато-коричневом переплете. Непонятное, тягучее чувство страха смешанное с безразличностью и жгучим любопытством владело мной целую неделю. В итоге победило любопытство и привычка во всем разбираться до конца.

За эту неделю господин Ряжский-Загрязский в гости не заглядывал, пропал резко, словно испарился. И если бы не вопросы Лизы и сдержанный интерес Шурика, то я вполне могла бы подумать, что новогодняя ночь мне просто приснилась.

Но нет, не померещились мне все эти события и не приснились.

— Эмма, почему к нам не едет папа? — спрашивала несколько раз на день Лиза.

— Эмма, я думаю, что у папы случились непредвиденные обстоятельства, — задумчиво говорил Шурик, а сам ходил каждый вечер выглядывать Загрязского, на дорогу ведущую в город.

Я пожимала плечами, улыбалась, успокаивала детей как могла, а сама все время думала про дневники.

И вот наконец, не выдержала. Красно-коричневые тетради лежали зеленом сукне письменного стола, и тайну свою так просто отдавать не спешили. На пропущенных, желтоватых страницах, которые чередовались с исписанными почти детским почерком, листами, явно был какой-то текст. Первая мысль пришедшая мне в голову, была о молоке и лимонном соке. Вспомнила свое детство и тайные записки подружке. Но от близости горящей свечи буквы проступать не желали. Бумага скручивалась и вспыхивала, обещая сжечь всю тетрадь целиком. Пришлось обращаться за помощью к профессору.

— Стефан Стефанович, вы знаете способы прочтения тайнописи? — спросила я таким тоном, словно речь шла о хорошей погоде.

Профессор отложил в сторону книгу, поправил очки на узкой переносице.

— Если бумагу нагреть свечой или утюгом, то тогда могут проявиться коричневые буквы, при условии, что текст был написан молоком или лимонным соком. Это же так элементарно, Эмма Платоновна, — голос мужчины звучал неторопливо и ровно, словно он объяснял урок нерадивой ученице.

— Фокус с молоком не знает наверное, самый глупый человек или ребенок. Молоко и лимон мы брать в расчет не будем. Еще существуют способы, как прочесть скрытый текст?

Стефан Стефанович задумался на минуту.

— Существует много способов с помощью химических веществ скрыть текст, но что-то мне подсказывает милая Эмма Платоновна, что в вашем случае может помочь синий кристалл или синий Дар. Ведь, вы имеете этот Дар? Зарядная станция, которая ждет своего часа, будет работать на вашей энергии? Мой совет, поторопитесь с ее открытием. Ваш Дар, без надлежащего применения, может сыграть с вами злую шутку, — голос профессора дрогнул, а светлых в глазах промелькнула жалость.

Я насторожилась. Вот так всегда бывает, хочешь выяснить один вопрос, а совершенно случайно получаешь ответ на другой, но такой же важный.

— Злую шутку? Например? — спросила я и затаила дыхание.

— Если не использовать дарованную вам "синюю" энергию, то она может медленно разрушать вашу психику. Опомнитесь не успеете, как начнет раздваиваться сознание. Вам боги отсыпали от щедрот своих, величайшую милость не просто так. Вы обязаны делиться этой милостью с людьми. Так сказать, сдаивать ее, как корова сдаивает молоко. Уж простите, за эту грубую аллегорю.

Мои губы внезапно пересохли, даже дышать стало тяжело.

— А дети? Они тоже должны отдавать эту непонятную "синюю" энергию? — воскликнула я горячо, и вся превратилась в слух.

Стефан Стефанович помедлил с ответом, затем улыбнулся.

— Нет, девочкам, а таким Даром в основном обладают только они, такая напасть не грозит до самой поры взросления.

Его ответ меня немного успокоил. Значит у Лизы еще есть в запасе время, а у меня уже есть готовая зарядная станция.

— Но, вернемся к вашему изначальному вопросу, Эмма Платоновна. Прочитать текст вы можете при помощи синего кристалла или при помощи внутренней синей энергии, при условии, что человек его писавший сам обладал таким же Даром, как и ваш.

— При помощи синего кристалла или рук..., таким же Даром..., думаю, что обладал..., — бормотала я направляясь к лестнице на второй этаж. — Спасибо, профессор! Вы мне очень и очень помогли.

Стефан Стефанович кивнул головой, поправил дужки очков и углубился в чтение толстого, потрепанного фолианта.

Почти добежав до кабинета, я села за стол и в нетерпении раскрыла красно-коричневую тетрадь. Затаив дыхание, ощущая бешенный стук сердца где-то в горле, я растопырив пальцы так, как видела в каком-то фильме, поднесла руки к чистым листам. Синий разряд прошил страницу короткой молнией и четкие буквы, совсем не похожие на детский почерк бедняжки Эммы, стали проступать ровным, черным строем на слегка желтоватой бумаге.

"Я ненавижу эту вечно дрожащую овечку, Эмму! Ха-ха, очень забавно ненавидеть саму себя. Все было бы намного проще, если бы мы были близнецами. Но, увы! Я вынуждена делить свое любимое, свое прекрасное тело, которое способно приносить мне столько плотских наслаждений с отвратительной, глупой курицей, у которой не хватило мозгов не подписывать этот кабальный, брачный договор! Если бы не одно тело на двоих, то давно бы убила чистенькую, наивную глупышку. Подстроила бы все так, что не одна ищейка не нашла бы доказательств моей вины, как это было со скрягой отцом. Ах, какое удовольствие я получила, когда наблюдала за его агоний. О-о, это сине-багровое лицо, эти глаза в которых навеки застыл вопрос — "За, что Эмма?" Да, хотя бы за то, что надоело притворяться доброй, глупой овцой, что бы отец и слуги не заметили подмены, перевоплощения. Ведь, девушка в нашем обществе, просто обязана быть хорошей, послушной дочерью, а затем глупой, любящей женушкой, почитающей своего мужа. "

Я отложила тетрадь и устало потеряла виски, очень сильно разболелась голова, когда я читала шокирующие откровения Эммы Злой. Ненависть, злоба, садистские наклонности, подробные описания диких оргий, от всего этого дерьма меня уже тошнило. Но мне были нужны ответы, на очень важные вопросы, и я продолжала барахтаться в этих помоях. По крупичкам, по вскользь сделанным замечаниям, я пыталась разобраться, кем же был граф Мартин Загряжский в этой дикой истории с диссоциативным расстройством, своей нелюбимой, но очень удобной жены. Это он, так думал до поры, до времени, что очень удачно женился. Огромное состояние и влюбленная в него без памяти жена, которой можно помыкать, которую можно не замечать. Но в скором времени его ждал сюрприз...

"Надо признать, что вкус у курицы, все же есть! Граф Загряжский красивый мужчина и знает толк в любовных утехах. Я даже первое время не старалась убежать из дому, что бы окунуться в настоящую, бурную жизнь. Но это было лишь первый месяц моего перевоплощения. Он наскучил мне прежде, чем догадался о том, с кем имеет дело. "

Я усмехнулась, отхлебнула из белой чашки давно остывший чай. Почему-то испытывала злорадство, когда читала о том, как прозрел граф. Как начался его персональный кошмар с периодичностью один раз в месяц. Как он пытался остановить злую бестию, теперь носившую его древнюю, аристократическую фамилию.

"Сегодня проиграла в карты поместье. Было очень весело. "

Ах, Загряжский, Загряжский... Ты кажется получил по заслугам, когда давал бедняжке Эмме, ложные клятвы у алтаря. Нельзя играть чувствами и любовью кроткой девушки. Обратку ты получил почти незамедлительно. Монстр вместо влюбленной глупышки. Как долго ты терпел бы Злую Эмму, если бы в ее извращенную голову не пришла бы мысль убрать тебя, как она убрала собственного отца? Правда в отношении тебя она проявила больше больной фантазии... Вот почему, ты так и не решился привезти в огромный дом, доставшийся тебе в результате женитьбы, своих детей. Разве можно быть спокойным, если знаешь, что перевоплощение неизбежно, а монстр уже сидит в засаде?

Я захлопнула красно-коричневую обложку и отбросила от себя подальше тяжелую тетрадь. Захотелось принять душ, что бы смыть с кожи все следы от призрачного присутствия Злой Эммы, а может просто напиться.

— Нет, пить коньяк, и смывать с себя то, чего уже нет давным-давно, просто глупо. Конечно футлярчик мне достался с двойным дном, а я сама являюсь третьим, но будем считать, что на этом все и закончится, — задумчиво пробормотала я, и устало прикрыла глаза.

Образ Загряжского возник, выступил из темноты, словно ждал когда я сомкну веки. Продолговатые глаза сине-зеленого цвета смотрели насмешливо, губы подрагивали от хитрой улыбки. Он был похож на довольного кота, которому удалось обмануть повара, и проверить у него под самым носом, свою кошачью аферу.

Я замерла от внезапно пришедшей мысли. Загряжского не было уже неделю, мне он явно не доверял. Хотя я и уверяла его в том, что ничего не помню, после того как ударила головой о камни. Я бы тоже не доверяла, стоило мне прочесть записи чокнутой Эммы. Детей он искал и он их любит, в этом я не сомневаюсь... Значит... Вот оно! На второй день после новогодней ночи, ко мне пришла наниматься новая гувернантка для Лизы. Девушка немного вертлявая, но образованная и Лизе она сумела понравиться сразу. Она знала все любимые сказки девочки, знала все ее привычки и предпочтения. Если мне это и показалось немного странным, то тут же забылось. Лиза была в восторге от новой гувернантки Аделины Ивановны, а мне большего и желать не надо.

Неужели Загряжский прислал в дом своего человека, что бы дети были под присмотром, пока его самого, черти невесть где носят?

Вспоминая холодные взгляды голубых глаз, которые бросала на меня Аделина, ее немного фальшивую, приторную улыбку, я все больше убеждалась в том, что моя догадка верна. Загряжский прислал шпиона. Интересно, какие отношения связывают его и эту красивую девушку? От пришедшей внезапно мысли, у меня вдруг часто, тоскливо забилося сердце. Неужели это ревность?

Я тряхнула головой и тихо рассмеялась. Ревновать Загряжского, значит себя не уважать. А вот за девушкой Аделиной, надо внимательно понаблюдать.

Глава двадцать четвертая. Ревность

— Эмма, Эмма, там па..., радостно закричал прямо с порога Шурик, и внезапно замолчал, словно споткнулся о слово "папа".

Лиза толкнула его рукой в пуховой, серой варежке и округлила сине-зеленые глаза до размера чайных блюдец.

— Т-с-с-с, — предупреждаяще зашипела она брату, а прыгающему от восторга Лимону, наоборот подала знак "голос".

Пес запрыгал от нетерпения, затанцевал, завертелся желтой юлой и звонкий лай наполнил гостиную, назойливо залез в уши всем присутствующим.

Я оценила хитрую уловку Лизы, и улыбнулась, невольно любуясь детьми. Но тут же нахмурилась. Румяные от мороза, с сияющими от восторга одинаковыми, сине-зелеными глазами, с изящным росчерком черных бровей, они были удивительно похожи на Загрязского. Оставалось только надеяться, что остальные обитатели "Сладких Хрящиков", не обратят особого внимания на это сходство.

Шурик понял свою оплошность и дождавшись, пока успокоится голосистый Лимон, прошел прямо в валенках к круглому столу, за которым мы с профессором пили чай.

— Эмма, там господин Ряжский, в гости к нам приехал. Он оказывается повредил ногу. Я распорядился, чтобы водителя его мобилия накормили в трактире, а Аделина Ивановна помогает господину Ряжскому добраться до нашего дома, — мальчик смотрел на меня внимательно, словно ждал моего одобрения и хотел убедиться, что все сделал правильно.

Новость о том, что гувернантка помогает нашему гостю передвигаться, почему-то меня разозлила. Я хотела представить, как на самом деле выглядит эта "помощь", но не успела. Дверь распахнулась и на пороге возникла пара, которая выглядела очень странно, как для простой гувернатки и известного владельца нескольких шахт, в которых добывались синие кристаллы. Девушка на манер заботливой сестры милосердия, подставила мужчине свое изящное плечико обтянутое светло-серым драпом узкого, модного пальтишка. Он старался не опираться на хрупкое, девичье плечо, а только слегка обнимал. Красивая, сильная кисть руки лежала на серебристом меху роскошного воротника.

Другая рука тяжело опиралась на массивную, прочную трость. На правую ногу, мужчина старался не наступать, и прикусывал каждый раз нижнюю губу, если это ему не удавалось.

Встретив мой насмешливый взгляд, он неожиданно смутился, поспешно убрал руку с серебристого воротника.

— Благодарю вас, Аделина Ивановна. Вы мне очень помогли, — пробормотал он тихой, шипящей скороговоркой и глянул на девушку так сердито, что мне на мгновение стало жаль бедняжку.

Она смотрела на Загрязского таким влюбленным, таким открытым взглядом, что наверное о ее чувствах могла догадаться даже Лиза, если бы не была сейчас занята тем, что пыталась удалить замерзшие льдинки из рыже-желтой, лохматой шерсти Лимона.

Я почувствовала, как злость и ревность наполняют меня, словно горячий пар кипящий чайник. Чувство не свойственное мне и надо сказать, не очень приятное.

— Аделина Ивановна, я думаю, что вам пора вернуться к своим прямым обязанностям. Лизе надо переодеться, иначе она может заболеть! — моим голосом наверное можно было

заморозить, ту самую снежную горку, которую с утра строили сегодня дети.

Очевидно мой тон девушке не очень понравился. Она прищурилась и тряхнула головой, словно норовистая лошадь, глаза блеснули голубой сталью. Однако она смогла справиться с собой.

— Слушаюсь, Эмма Платоновна! — ее голос прозвучал кротким, покорным стоном.

Дети и гувернантка поднялись по лестнице наверх, сопровождаемые веселым и бодрым после зимних забав, Лимоном.

Я подождала, когда суетливая, пожилая горничная заберет у довольно ловко раздевшегося Загряжского, теплое пальто и пригласила его к столу.

— Вы любите чай с малиновым вареньем и пирожками, господин Ряжский? — любезность в моем голосе Наверное зашкаливала.

Мужчина улыбнулся и пожал плечами.

— Я все люблю, Эмма, — проворковал он таким тоном, словно собирался за мной поухаживать, но быстро исправился. — Буду рад всякому горячему напитку, Эмма Платоновна!

Он прихрамывая, тяжело опираясь на трость, прошел к столу. Расторопная Галина, уже успела поставить белую чашку с блюдцем, подложить горячих пирожков на серебристое блюдо, добавить кипятка в пузатый, фаянсовый чайник расписанный розами и птичками.

Мы пили чай и молчали, было такое впечатление, что каждый думает о своем. Я думала о странных отношениях между новой гувернанткой и моим неожиданным гостем. Стефан Стефанович уже два дня не мог решить заковыристую задачу из учебника Шурика и теперь в задумчивости, что-то помечал в своем блокнотике. О чем думал Загряжский, мне было не известно.

Но его лицо просияло, наполнилось нежностью, когда сверху, стуча по ступенькам ногами, спустились дети.

За столом сразу стало весело. Галина принесла еще пару белых чашек с блюдцами. Зазвенели ложки, помешивая горячий чай, рассыпался серебряными колокольчиками смех Лизы, слегка хрипловатый голос Шурика рассказывал смешные истории про нашего Лимона. Загряжский смеялся искренне, заразительно-громко, закидывая голову назад и сверкая белыми, ровными зубами.

Я смотрела на них и еле сдерживала слезы. Ревность вновь терзала мое сердце. Мои губы старательно тянули резиновую, застывшую улыбку, я даже пару раз хихикнула за компанию, но мозг уже просчитывал вероятность дальнейших событий.

У Загряжского есть любимая женщина, она сумела понравиться Лизе, возможно найдет подход и к Шурику. Отец любит своих детей, это же очевидно! Интресно он уже разрабатывает стратегию и тактику против меня? Когда мне будет объявлена война? Возможен ли компромисс, мирное соглашение?

Эти мысли кружились в моей голове, назойливым роем липучих мух. Я затрясла головой отгоняя их и встретила взглядом с Загряжским. Он смотрел прищурившись, внимательно, словно изучал вредное насекомое под микроскопом.

Его взгляд заставил меня действовать. Резко отодвинула стул. Он противно, визгливо проскрипел ножками по дубовым половицам, заглушая смех и заставляя смолкнуть веселье, которое искрилось и бурлило за столом.

— Стефан Стефанович, окажите мне небольшую услугу. Пожалуйста займите чем-нибудь Лизу и Шурика, пока я и господин Ряжский обсудим некоторые, важные вопросы в

моем кабинете, — выдохнула я поспешно, словно боялась передумать.

Дети смотрели на меня с обидой. У Лизы даже слезы на глазах заблестели, а Шурик нахмурил черные брови и посмотрел на меня с укором.

— Но, Эмма, — начал было он, и тут же замолчал, — порывисто вскочил, швырнул белую скомканную салфетку на стол. В два прыжка преодолел лестницу ведущую наверх.

За братом со стула сползла Лиза и медленно, поникнув плечиками, двинулась к лестнице. Замыкал эту процессию профессор. Он смотрел на меня строго и качал головой, явно не одобряя мою внезапную вспышку.

— Но, Эмма..., — эхом повторил слова сына, отец.

— Господин Ряжский, у меня мало времени, а разговор у нас может получиться долгим, поэтому будьте любезны, в мой кабинет! — я строго вскинула руку, показывая пальцем в сторону лестницы и от этого нелепого жеста, сморщилась, как от горькой пилюли.

Загряжский улыбнулся мне кривой улыбкой. Сине-зеленые глаза блестели насмешливо и азартно. Он принял мой вызов.

— Ну, вот я и поймал тебя Эмма! Злость с твоего лица никогда и не исчезала. Ты просто ее хорошо маскировала. Что-же, поговорить с тобой всегда было полезно.

— Почему ты не выбросишь, эту нелепую, уродливую картину? — эту фразу мужчина произнес так возмущенно и брезгливо, что мне на минуту стало стыдно.

Посмотрела в сторону огромного полотна, которое криво и уныло висело на стене, как раз напротив входа. Его жуткий, мрачный вид не спасала даже роскошная, золоченная рама, которая сама по себе была произведением искусства. Неизвестный резчик по дереву так старательно вырезал причудливые завитушки, листья и цветы, что казалось они были живыми.

Простой вопрос сбил меня с толку, остудил воинственный пыл. Действительно, что это я запаниковала? Если разобраться, то Загряжский сейчас находится в более уязвимом положении. Что-бы окончательно успокоиться, я глубоко вздохнула и выдохнула. Сложила пальцы особым образом и попробовала беззвучно затянуть заунывное "О-о-о-о-о-ммм".

Беззвучно не получилось. Вибрирующий звук прорвался сквозь сомкнутые губы и протяжное, бесконечное "М-м-м-м-м", устремилось к темным, старым балкам высокого потолка.

Загряжский с интересом взглянул на меня.

— Прости, что ты там говоришь? Я ничего не могу понять.

Досадливо тряхнула головой. И зачем именно сейчас вспомнила давно забытую мантру, которой изредка пользовалась в той, иной жизни? Пришлось импровизировать.

— Говорю, что от этой картины трудно избавиться. Она как праздничная елка, глаза мозолит, а выбросить ее времени не находится, — я повернулась к Загряжскому. — Но это к делу не относится. Я тут подумала, и мне в голову пришла замечательная мысль, а не заключить ли нам фиктивный брак? — говорила быстро, решительно, не давая себе времени на раздумья.

Мужчина застыл, так и не дойдя до старого дивана. Трость с грохотом выпала из его руки и упала почти мне под ноги. Я сделала шаг вперед, не раздумывая наклонилась, что бы ее поднять. В этот момент Загряжский тоже нагнулся и мы больно столкнулись лбами. Удар был настолько сильным, что у меня перед глазами разноцветным фейерверком брызнули те самые искры. Охнув, я выронила злополучную трость и она упала во второй раз, как раз на больную ногу мужчины.

Загряжский взревел, как подстреленный кабан. Лицо побледнело и перекошилось, тонкие ноздри породистого носа раздулись, словно наполненные ветром паруса у быстро идущей яхты.

— Эмма! Я тебя опять начинаю бояться! Как можно доверить детей женщине, которая несет потенциальную опасность? — голос мужчины был щедро приправлен досадой, злостью и болью, словно восточное блюдо жгучим перцем.

От его слов я почувствовала безмерное возмущение. Погладила лоб, на котором вспухла приличная шишка и высокомерным взглядом окинула уже пришедшего в себя Загряжского. Бледность схлынула с его лица, на рельефных скулах выступили красные, злые пятна. Они были даже на высоком лбу и прятались под черной аккуратной бородкой и усами.

— Мне нельзя доверить детей? Интересно, а где же был господин Загряжский, когда Шурика и Лизу, словно бездомных, вшивых щенков выкинули из элитного пансионата, едва узнали, что папенька оказывается банкрот-с? Мне привезла их некая Аврора, и бросила, как ненужный, использованный хлам. Не помогли твои щедрые пожертвования благородному заведению в целом, и дорогие подарки безупречнейшей воспитательнице в частности. А ведь она вызывала у тебя полнейшее доверие? Именно на нее ты оставил своих детей? А получилось так, что дети оказались нужны только мне. За этот год, мы не только привыкли друг к другу, но и стали семьей! Семьей, Загряжский! Хотя, кому я это говорю? У тебя бедняжки, ведь никогда не было полноценной семьи? Ну, нельзя же считать твой брак по расчету на Эмме Хрящ, семьей? Кстати, а денежки ты все же умыкнул? На какие шиши, ты скупил почти все шахты? — я перевела дух, и облизнула пересохшие от такой длинной речи, губы.

Лица мужчины я не видела. Он сидел на диване, выпрямив одну ногу и согнувшись, словно мои слова лягли на его плечи тяжелым грузом. Длинные, сильные пальцы обхватили голову, выделялись на черной гриве волос, заставляя невольно любоваться своим мраморным, скульптурным совершенством.

— Я искал Лизу и Александра, — донесся до меня глухой голос. — Не мог поверить в человеческую подлость. Все деньги которые были переведены на содержание детей, Аврора умудрилась прикарманить себе. Впрочем, чему удивляться. Я и сам, грешил подобным... Да, рудники были куплены на твои деньги Эмма. Но, я не должен сейчас оправдываться. Ты меня почти убила! Считай, что я взял компенсацию, за тот месяц, который я провел в чертовой пещере.

Он поднял голову и посмотрел на меня так пристально, словно хотел добраться до моих мыслей.

— Я все еще не верю, что ты ничего не помнишь. Не может человек так сильно измениться, только из-за того, что неудачно упал и ударился головой о камни. Злобную сущность, которая жила в Эмме, можно истребить только физически. Я боюсь за своих детей, боюсь, что в один не очень прекрасный день, отвратительная фурия опять проснется.

Я вздохнула и села за стол. Усталость и безразличие вдруг навалились на меня, словно тяжелые мешки наполненные камнями.

— И поэтому ты подослал новую гувернантку. Что же ты так рискуешь любимой девушкой, Загряжский? А если и правда, я притворяюсь до поры, до времени. Как, твоя наушница сможет спасти себя и детей от разбушевавшегося монстра?

Мужчина встrepенулcя. С досадой дернул плечом.

— Аделина, вовсе не моя любимая девушка! Ты права Эмма, этот ход действительно

глупый. Но я не смог придумать ничего лучшего! А в тебя и правда, может вновь вселиться Злая Эмма? — его голос дрогнул от волнения.

Я молчала. Просто не знала, что ответить мужчине. Разглядывала картину на стене, раздумывая куда ее отправить на костер или на чердак? Вдруг мой взгляд зацепился за скомканный клочок бумаги, который соскользнул с края изуродованного стула и белым самолетиком спланировал прямо на зеленое сукно письменного стола.

Брать его в руки было немного страшно, но я все же решилась. На ощупь он был теплым, словно совсем недавно лежал под пишущей рукой. "Правда, лучше чем ложь. "Кратко гласили бледно-синие буквы, прямые и тонкие, как палки в старом штакетнике.

— Правда, лучше чем ложь..., — повторила я слова из записки, которую невесть кто и невесть когда написал.

— Что? — мужчина явно волновался, хоть и скрывал свое волнение за небрежной позой и прищуром сине-зеленых глаз.

Я задумчиво разгладила рукой неровный кусочек бумаги. Бледные синие буквы таяли на глазах, постепенно впитываясь в рыхлую бумагу. И пока они совсем не исчезли я решилась.

— Злая Эмма, впрочем как и Добрая Эмма, больше не вернутся. Они умерли. Погибли там, на мокрых и острых камнях. Тебя Загрязский не удивило, что теперешняя Эмма вдруг стала играть на скрипке, подтягиваться на турнике по утрам, учить Шурика приемам самообороны? Ведь, все эти подробности тебе уже донесла, твоя прекрасная шпионка? Скажи, ты сможешь поверить, что это тельце оказалось очень привлекательным футлярчиком, для шуток богов?

— Постой! Ты хочешь сказать, что..., — он замялся подбирая слова. — Сейчас в теле Эммы находится, совсем неизвестный мне человек? Он хоть женского рода? — голос мужчины был растерянным.

Я захлопала в ладоши, медленно и неторопливо.

— Бинго! Ты меня не подвел, Загрязский! Не беспокойся, женского, женского... И вот этот неизвестный тебе человек, женского рода, — тут я усмехнулась и нарочито кокетливо поправила локоны. — Этот человек предлагает тебе фиктивный брак. Мы убиваем не одного и даже не двух зайцев сразу. Подумай сам — выстрел один, а зайцы падают пачками.

Мужчина вдруг захохотал. Весело и заразительно. Сверкали белые зубы, морщился нос с благородной горбинкой, подрагивали аккуратно подстриженные усы. Он смеялся долго, и не мог остановиться. Замолчал резко, словно кончился завод в механической шкатулке. Вытер белым платком с вышитыми женской рукой инициалами, выступившие от смеха слезы.

— Самое забавное, но предложение о браке, правда в первом случае, мне отдавали и само тело в довесок к миллионам, из этих прекрасных уст я слышу во второй раз. Это уже становится привычкой. И пожалуй по привычке я соглашусь, — он махнул рукой и опять засмеялся.

Глава двадцать пятая. Хочешь как лучше, а получается

Прошло чуть больше недели после нашего разговора в "Сладких Хрящиках" и моя фамилия стала короче на три буквы. Ровно на столько букв мне хотелось послать своего новоиспеченного мужа, когда вдруг господин Ряжский решил, что вместе со свидетельством о браке он получил и некие права.

— У нас все четко прописано в брачном договоре. Дети могут жить в твоём городском доме столько, сколько пожелают, но я покидать "Сладкие Хрящики" не намерена. В конечном счете, ты оказался совершенно прав. Образование Шурика и Лизы, я пустила на самотек и в этом сейчас каюсь. Обучение в гимназии действительно будет для них лучше, чем домашние уроки. Няню для дочери, ты уже нашел. Лиза отлично ладит с твоей Аделиной. Найти гувернера для Шурика наверное тоже не составит особого труда, — мой звонкий голос раздосадованной птицей взлетал под высокий потолок с обильной лепниной по углам и хрустальной, громоздкой люстрой посередине.

Кабинет у Ряжского-Загряжского был роскошным. Светлый, с огромными окнами, с новой мебелью и натертым до блеска паркетом. Забавные, дорогие безделушки украшали его огромный, как корабль, письменный стол. Я рассеянно поглаживала литую из чугуна сову, которая нахохлившись сидела на подставке из оникса и сторожила позолоченную чернильницу с давно засохшими чернилами на круглом дне. Под моей рукой вдруг раздался тихий щелчок, крылья совы распахнулись и я глазам своим не поверила. Три фигурки слились в любовном экстазе в такой извращенной позе, что мне невольно пришлось присмотреться, чтобы понять этот ребус, состоящий из переплетения рук, ног и искаженных страстью лиц.

— Ряжский, хочу напомнить, что в твоём доме теперь будут жить дети! Твои дети, если ты забыл! Ты уж пересмотри свои похабные, холостяцкие привычки. Думаю, что и о здоровье тебе надо позаботиться. Не рекомендую выбирать замужнюю даму в любовницы, тогда и прыгать со второго этажа не придется, если вдруг внезапно вернется муж-рогоносец, — я хихикнула и попыталась спрятать развратную тайну совы, под литые из чугуна крылья.

Холодные крылья с острыми перышками, никаким образом не хотели закрываться, пока мне на помощь не пришел хозяин кабинета.

— Это всего лишь безобидный кунштюк, мне его подарила та самая дама, у которой окна спальни выходят на проспект и карнизы под ними такие хрупкие. Постой, а ты от куда знаешь, где я повредил ногу? — Ряжский забрал у меня из рук тяжелую сову и теперь задумчиво оглядывал кабинет, раздумывая над тем, куда можно спрятать такой опасный подарок.

Я поднялась со своего стула, тщательно отряхнула платье, словно могла испачкаться о этот "безобидный кунштюк".

— Сам говоришь, что окна спальни у предмета твоей страсти выходят на проспект. Половина города наблюдала, как ты хромая и сверкая голой задницей садилась в свой мобиль, который предусмотрительно оставил напротив дома, — теперь я не хихикала, холодное пренебрежение рвалось наружу и заставляло меня немного злиться.

Мужчина обернулся, сова покачнулась на полке шкафа, но вовремя захлопнутая дверца

остановила ее падение и скрыла из вида.

Ряжский обиженно нахмурился. Густые брови двумя черными крыльями сошлись на переносице.

— Я не сверкал голой задницей! Я успел одеться! — он в ярости заскрипел зубами.

— Да, хоть обуться! Учти Ряжский, теперь ты человек женатый. Никто не знает, что наш брак лишь фикция, досадная условность, как для тебя, так и для меня. Я предложила тебе эту сделку только ради детей. Но не потерплю явных, длинных рогов на своей голове. Твоя интимная жизнь меня не касается, только сделай ее не такой показушной. Кстати, Шурик уже достаточно взрослый мальчик и теперь он будет находиться не в глухих "Сладких Хрящиках", а в большом коллективе состоящем из подростков, которые имеют родителей богатых и знатных. Не позорь сына своими безобразными выходками! — мой голос шипел, как у потревоженной змеи.

Мы стояли совсем близко, и сверлили друг друга гневными, свирепыми взглядами. Между нами полыхало пламя, оно обжигало кожу, заставляло сердце выпрыгивать из груди. Не знаю чем бы закончился наш молчаливый, яростный поединок, но дверь распахнулась без стука, и в комнату вбежала Лиза, за ней повизгивая от беспричинной радости, желтым, лохматым комом влетел Лимон.

— Эмма, папа, а давайте сегодня все вместе поедem в парк! Там залили водой каток, он уже замерз и теперь можно кататься на коньках! Так сказала Аделина Ивановна, — затараторила с порога Лиза.

Мы с Ряжским отпрянули друг от друга, словно нас поймали на месте преступления. Лицо мужчины уже не было хмурым и злым. Сине-зеленые глаза уже не метали свирепые молнии, которые могли испепилить меня на месте, а губы улыбались так ласково, что мне на миг захотелось, что-бы эта улыбка была адресована мне.

Но, Ряжский смотрел на дочь и улыбался он тоже ей, а Лиза была настолько счастлива рядом с отцом, что даже подпрыгивала на месте, не в силах сдерживать свою радость.

Я тихонько вздохнула. На душе стало грустно. Унылая, зеленая тоска заползла в нее неспешной, толстой змеей.

— Каток, это хорошо... Но наверное вы поедите туда с папой и с Аделиной Ивановной. Мне уже нужно возвращаться в "Сладкие Хрящики". Стефан Стефанович заждался... Пятницам я на скрипке играю в трактирном зале, люди специально приедут из города, не хорошо концерты отменять без причины...

Я закусила губу чтобы не расплакаться. Не дождется Ряжский-Загрязский моего поражения.

— Эмма, а разве ты не останешься с нами? Я думал, что теперь мы будем жить все вместе. Мы станем одной счастливой семьей. Разве не для этого люди женятся? — голос Шурика прозвучал совсем рядом.

Мальчик тихо, незаметно вошел в открытую дверь и теперь пытливо смотрел на меня своими сине-зелеными, отцовскими глазами.

Глава двадцать шестая

За окнами завывал, играл на на чудовищно большом котрабасе, а когда уставал, то жалобно всхлипывал зимний, яростный ветер. Он подхватывал падающий из прохуdivшегося неба снег, швырял его на широкое подворье "Сладких Хрящиков", на дорогу ведущую в город, на стонущий от мороза лес.

Этот концерт длился вот уже неделю, и мне начинало казаться, что еще немного и "Сладкие Хрящики" будут навеки погребены под колючей, белой периной. Мы были словно на маленьком островке, затерявшемся в снежной неразберихе.

Дорогу замело и гостей в трактире не стало. Повара от безделья играли в карты с официантами. Проигравшие должны были чистить снег. А снегу было все равно. Хоть чисти дорожки, хоть не чисти, но к вечеру они опять оказывались под белым, толстым покрывалом.

В доме было холодно. Старые стены давно никто не утеплял и ветер прознав об этом, крал тепло, словно матерый, шустрый вор.

Теперь мы вечерами собирались возле пылающего камина. Теплые шали и шерстяные пледы были извлечены из недр старых сундуков. Жившая в них беззаботной жизнью моль, безжалостно была истреблена. Слабый запах нафталина смешивался с еще более слабым запахом лаванды, и казалось теперь прочно обосновался в гостиной.

Я читала вслух книги, Стефан Стефанович загадывал интересные загадки с подвохом, кажется он знал их огромное количество. Горничные округляя глаза, понижая голос в самых таинственных местах, с придыханием рассказывали страшные истории из местного фольклора, иногда пели веселые или же жалобные народные песни.

Наслушавшись страшных историй на ночь, мы расходились по своим холодным спальням, каждый раз надеясь на то, что метель стихнет к утру.

Нырря под пуховое одеяло, как под тяжелый и холодный сугроб, я долго лежала без сна. Притихнув, как мышка в норке, старалась представить чем там заняты Лиза и Шурик. Тешила себя мыслью о том, что в большом городе им теперь намного лучше. Там цивилизация и все блага, а в "Сладких Хрящиках" лишь воющая вьюга, снег и нескончаемая скука. Вспоминая детей, я невольно вспоминала и их отца. И когда сине-зеленые глаза вспыхивали передо мной настолько близко и ярко, я сердито шипела и приказывала себе спать.

Время замерзло, покрылось прочной коркой льда, словно стоячая лужа на дне глубокого оврага. Пустые серые дни чередовались с вечерними посиделками у жарко пылающего камина, и все это уже превращалось в привычку, в стойкий уклад жизни, которому казалось не будет конца.

Но я ошибалась. В один из вечеров, когда Стефан Стефанович с видом мудрого фокусника, загадывал нам одну из своих хитроумных загадок, дверь в гостиную взвизгнула холодными петлями, простуженно засипела и отворилась. Огромная фигура Григория ввалилась в теплую комнату, принеся с собой холод на промерзшем, заснеженном полушубке.

— Эмма Платоновна, там Лимон пришел! Ну, приполз бедолага... Так оно вернее будет. Мы его в трактир занесли к печке поближе. Замерзла же скотинка, вся шерсть в сосульках, как только по сугробам в такую даль добрался, ума не приложу! — голос огромного

мужчины гудел, словно гудок речного парохода.

— Лимон!?

Все присутствующие в гостиной закричали разом, загалдели потревоженными птицами.

У меня вдруг пересохли губы, а сердце пронзила острая иголочка. Ведь сразу件antly, что пес не после приятной и легкой прогулки оказался в такую ненастную погоду в "Сладких Хрящиках". И если он упрямо преодолел такое большое расстояние, значит где-то там в городе стряслась беда.

— Он один пришел? Дети где? Лиза, Шурик? — мои вопросы были отрывистыми и сыпались подобно сухому гороху.

Я уже вскочила с теплого, насиженного места и кинув в кресло шерстяной, клетчатый плед устремилаь к выходу.

— Эмма Платоновна! Куда без шубы собралась?

Горничная Галина успела поймать меня за край меховой, лисьей душегрейки.

— Девочки, шубу хозяйке несите, да валенки, что возле печки сушатся, не забудьте! — женщина зычно командовала своими подопечными, словно была капитаном на мостике корабля.

Через десять минут мы со Стефаном Стефановичем, облаченные в теплые шубы и валенки, пригнувшись спешно шагали вслед за Григорием. Колючий, промерзший насквозь ветер, стремился забраться в рукава, швырял в лицо пригоршни холодного снега, бросался под ноги косматым зверем.

Лимон уже успел оттаять, лужица воды собралась вокруг его мокрого, блекло-желтого бока. Пес не обращал на это никакого внимания, так как был занят обглаживанием сахарной косточки, которую ему наверное дал наш жалостливый повар.

— Лимон! — позвала я его с порога.

Пес тут же бросил свое лакомство и виляя туловищем, хвостом и даже кажется влажным, черным носом, радостно кинулся в мою сторону. Он повизгивал, заглядывал в глаза и пытался подлезть мне под руку.

— У него записка под ошейником! Смотрите, Эмма Платоновна! — воскликнул профессор и потянулся к лохматой желто-рыжей шерсти.

Но Лимон коротко рыкнул, на мгновение блеснув белоснежными клыками, а затем словно извиняясь за такое поведение перед Стефаном Стефановичем, лизнул его руку языком. Но шею он подставил мне. Покорно и терпеливо ждал, пока я непослушными от волнения руками, снимала плотный, плетенный из кожаных ремешков ошейник.

Завернутая в вощеную бумагу записка, была аккуратно и тщательно заправлена под тонкие, коричневые ремешки, таким образом, что вряд ли могла потеряться по дороге.

Вощенная бумага лишь частично уберегла записку от влаги. Большая ее часть все же была испорчена вездесущим снегом, который растаял от тепла и начисто "съел" довольно длинный текст.

"Эмма, помоги! Лизу...", а дальше только фиолетовые потеки, да рыхлая ветхость промокшей бумаги.

Глава двадцать седьмая

К утру метель и буря стихли. Словно сама матушка-Зима, захотела помочь мне побыстрее добраться в город и посадила на цепь своих верных, свирепых псов — ураганный ветер и снежную вьюгу. Но они успели за эту неделю знатно повеселиться. Дорогу замело снегом так плотно, что она совсем исчезла. Белое, сплошное покрывало блестело на солнце мелкими бриллиантами, похрустывало свежим, тонким настом. Возможность добраться до города на мобиле была надежно погребена под метровым слоем снега и многочисленными, застывшими причудливыми замками и горными пейзажами снежными заносами, наметанными шальной, злой вьюгой.

Я чуть не заплакала, когда приложив козырьком ладонь в теплой, пуховой варежке к выбившимся из-под шапки прядям на лбу, вглядывалась в белое, торжественно-мертвое безмолвие.

— Ничего хозяйка, если мобиль не пройдет, так на лыжах всегда добраться можно, — густой и тягучий, словно застывшее на морозе подсолнечное масло, бас мужчины заставил меня вздрогнуть от неожиданности.

Обернувшись, увидела, что великан Григорий стоит позади. Он тоже приставил козырьком, красную от холода, широкую ладонь к меховой шапке и всматривался в белую, радужно сверкающую даль.

— Я лыжи недавно в кладовой нашел, ох и добротные, да ладные! На таких в город добраться за пару часов можно, — он лихо сдвинул шапку на затылок и улыбнулся мне щербатым, широким ртом.

От его искренней, хитровой улыбки на душе стало спокойнее, появилась зыбкая надежда, что до города мы сегодня доберемся.

Ты Григорий, просто клад, а не работник! Только вот беда, я на лыжах никогда не стояла, а уж ходить на них наверное совсем не могу..., — тяжелый вздох вырвался у меня из груди и белым паром взметнулся вверх.

— Да, не огорчайся ты так, Эмма Платоновна! Это дело не хитрое, научишься! Наука в чем заключается? На лыжи становишься и палками — тырк, а ногами — шмыг, шмыг. И опять палками — тырк, ногами — шмыг, шмыг и так до самого города, — мужчина добродушно, легонько похлопал меня по плечу. — Я с вами, пойду, одну не отпущу. Пес тоже тут не останется, выть будет, если в доме запрем. В метель добрался до "Сладких Хрящиков", а в ясный день, как конь призовой поскачет.

— Эмма Платоновна, я тоже с вами в город пойду. Детям нужна помощь, я не могу остаться в стороне. Александр, мальчик серьезный, он бы просто так, собаку с запиской не присла бы! Беда, там случилась, большая беда! — голос профессора внезапно осип и он хрипло закашлялся на последних словах.

— Стефан Стефанович, вы так тихо больше не подкрадывайтесь, а то я ненароком зашибить вас могу, — гулко пророкотал Григорий. — Если, хозяйка согласна, то и вам лыжи найдутся. Ходить то на них умеете?

Профессор сурово сдвинул седые брови на покрасневшем от недавнего кашля, морщинистом лбу.

— Я в свои студенческие годы в соревнованиях участвовал, молодой человек! Да-с. И призы выигрывал, когда вы еще с валенок ростом были, — голос Стефана Стефановича

дребезжал от сильного раздражения и еле сдерживаемого возмущения.

Пытаясь погасить назревающий конфликт, я спрыгнула вниз с высокого сугроба и зашагала к подворью "Сладких Хрящиков".

— Григорий, Стефан Стефанович, некогда спорить, даю час всем на сборы.

Мужчины выпрямились, словно по команде и согласно закивали головами.

Ровно через час, наш маленький отряд двинулся в сторону города. Первым прокладывал путь Григорий. Он шел сноровисто и ловко. Таранил снежную гладь, как большой ледокол, оставляя за собой четкую, глубокую лыжню.

Я прилагая максимум усилий шла следом, усердно старалась не сбиться с заданного ритма. Палками делала резкое — тырк, а ногами скользящее — шмыг, шмыг, все так, как и учил Григорий. Замыкал нашу процессию профессор, который действительно двигался на лыжах легко и свободно. Ну, а Лимон очередности не придерживался. Резвый и радостный пес, то вырывался вперед, то отставал обнюхивая заметенные стволы деревьев и ветки погребенных под снегом кустов.

К дому Загрязского мы так и пришли. Григорий впереди, а за ним мы с профессором, словно нанизанные на одну невидимую нить.

Двухэтажный особняк встретил нас не очень дружелюбно. Сначала не хотели открываться покрытые инеем, кружевные ворота из чугуна. Но они не смогли долго сопротивляться могучему напору богатырского плеча. Задрожали, жалобно всхлипнули замерзшими, подмороженными петлями и роняя мелкие иголки синего инея, впустили нас во двор.

Расчищенная дорожка привела к высокому крыльцу, и тут наш отряд был вынужден притормозить. Пока мы снимали лыжи, Лимон желтой молнией взметнулся по высоким ступеням и звонко залаял, царапая когтями белую, резную дверь. Она открылась почти мгновенно. Шурик бледный и взлохмаченный, в накинутом наспех теплом пальто, которое было подбито мехом лисы, выскочил на крыльцо и увидев меня, вдруг расплакался.

Он плакал совершенно по детски, размазывая по щекам слезы и шмыгая сопливым носом.

— Ну, Шурик перестань! — я отшвырнула лыжи и обняла мальчишку за худенькие плечики, которые вздрагивали под тяжелым пальто.

— Александр, мужчины не плачут! — раздался где-то рядом голос Загрязского и я подняла глаза.

Мой фиктивный муж тоже выглядел не лучшим образом. Куда подевался брутальный, самоуверенный красавчик?

Недельная щетина неопрятно топорщилась, отдавая сероватой, редкой сединой. Под сине-зелеными глазами, коричневыми пятнами расползлись тени. Их смяли легкие, первые морщинки.

— Эмма, какими судьбами? — голос мужчины глухо, надтреснуто заскрипел.

— Загрязский, так и будем на пороге беседовать? Может войдем в дом? Я и мои люди сильно устали, пока добрались сюда. Что с Лизой? — я решила не тратить время и сразу спросила о главном.

— С Лизой? — переспросил меня мужчина, словно пытался оттянуть ответ. — Лизу похитили...

На этих словах он как-то странно икнул, и одинокая слезинка поползла вниз по небритой щеке.

Мы сидели за столом в огромной и стильной гостиной. Григорий от непривычной обстановки, словно съежился и стал даже меньше ростом. Фарфоровую чашку с чаем держал так бережно и так осторожно, что мне невольно стало его жалко. Человек замерз и проголодался, а отогреться горячим чаем и подкрепиться бутербродами с тонко нарезанным, желтовато-кремовыми сыром, с розовой колбасой усеянной мелким горошком белого сала, не может. Вот уже не ожидала, что мужчина имеет такой застенчивый характер.

Стефан Стефанович о чем-то негромко, вполголоса переговаривался с Шуриком. Круглые очки то и дело сползали с крючковатого носа профессора и кажется тоже хотели напиться остывшего чая из тонкостенной, элегантной чашки.

Загряжский сидел неподвижно, иногда я ловила на себе его настороженный взгляд. Он тут же отводил глаза в сторону и принимался бесцельно, бестолково мешать серебряной ложкой, уже холодный, давно остывший чай. Ложечка противно дребезжала, звонко тренькала о края белоснежной чашки. Мне хотелось потянуться через стол и вырвать у мужчины из рук серебряное орудие моей персональной пытки. Нервы были напряжены до предела. Очень раздражало вынужденное бездействие. Хотелось вскочить и бежать, что-нибудь делать... Но, вот беда — знать бы еще куда бежать...

Я словно смотрела на все со стороны. Сознание того, что где-то там, в неизвестной нам дали и в бог знает каком месте, ждет помощи маленькая девочка, заставляло меня искать какие либо зацепки, но их совершенно не было.

Лиза исчезла почти неделю назад, в тот же день когда началась буря. Утром еще была хорошая погода и они с Аделиной поехали по магазинам, Лизе зачем-то срочно потребовалась новая кукла, а что понадобилось в магазинах, избалованной хозяином гувернатке, было не ясно. Со слов Аделины, посещение всех магазинов, заняло не меньше трех часов. Затем уставшие, они зашли в кондитерскую, но не простую и случайную, а именно в ту, где очень часто бывали всей семьей. Объясняя мне свою версию произошедшего, девушка с нажимом, несколько раз повторила это слово "семья". Рассказывая она истерично всхлипывала, дрожала, но я один раз поймала ее совершенно спокойный и холодный взгляд. Из речи, которая произносилась скорбным, почти неслышным голосом, я узнала, что Аделина заказала горячий шоколад и кексы с изюмом. Оказывается, что Лиза их очень любит... Странно, как много знает о привычках девочки новая гувернантка, подумалось мне, а сердце почему-то ревниво заныло. Но, я постаралась не сильно заикливаться на неприятных эмоциях. Сейчас самое главное было поймать хотя бы единую, тонюсенькую мысль о том, кто мог похитить Лизу. Если верить словам Аделины, то она отлучилась буквально на минуту в дамскую комнату, а когда вернулась, за столиком никого не было. Стояла чашка с недопитым, горячим шоколадом, с тарелочки исчезли кексы, исчезла и сама Лиза вместе с новой куклой.

Аделина не сразу подняла тревогу, а когда прошло уж слишком много времени приехала в дом Загряжских с надеждой на то, что вдруг девочка сама добралась туда.

Конечно же Лизы дома не оказалось. Поднялся переполох. Приехала полиция. Доблестные сыщики начали поиски, но к вечеру поднялась такая злая и свирепая метель, что искать кого-либо в этой снежной, воющей круговерти было бесполезно. Ветер и снег в этот раз, были не на стороне добра. Они словно злостные преступники замели все возможные следы.

Загряжский самостоятельно пытался обследовать глубокий овраг за городом, возле которого будто бы видели в тот день маленькую девочку в белой шубке и красной, вязанной

шапке, но сильно обморозил ноги и был вынужден вернуться.

Все эти дни он предпринимал попытки поисков Лизы. Были наняты десятки людей, они прочесали все загородные овраги и подступающий к городу лес. Была допрошена масса людей. Полицейские провели несколько облав и обысков в самых криминальных районах города, но не обнаружили даже намека на след Лизы. Она словно испарилась, исчезла еще там, за столиком в кондитерской "Шоколадный рай".

— Исчезла, — тихонько пробормотала я, стараясь "схватить за хвост", ускользающую, туманную мысль.

— Что? — тут же откликнулся Загряжский и даже приподнялся со своего стула.

Его движения, видимо из-за того, что он недавно обморозил не только ноги, но и руки, были немного замедленные, механические, как у большой куклы.

— Кукла! — воскликнула я громко и резко поднялась со своего места.

Хрупкая, фарфоровая чашка все же выскользнула из огромных рук Григория и расплескивая горячий чай, поставила коричневую подпись на белоснежной скатерти, а затем раскололась на две половинки с хриплым скрежетом.

Одна половинка упала мне под ноги, но я даже не затормозила, наступила на нее каблуком, чувствуя как сминаю хрусткий и нежный фарфор. Точно так же, мне сейчас захотелось смять фарфоровое, лживое личико гувернантки Аделины.

— Эмма, ты куда? — неслись мне в спину недоуменные, растерянные возгласы.

Но, я только отмахнулась от них. В два прыжка преодолела ступеньки ведущие на второй этаж, по коридору бежала, так быстро, словно от за мной гналась стая свирепых псов. Дверь в комнату Аделины открыла сильно пнув ее ногой.

Остановилась посредине маленькой комнаты и мрачно рассмеялась. Я каким-то образом вспугнула Аделину. Конечно же, негодяйка успела скрыться! Бедная и слабая девушка, которая заболела на нервной почве от того, что похитили ее любимую воспитанницу, всего лишь час назад лежала и казалось умирала в своей постеле. Синие круги под глазами. Бледные, сухие и искусанные в кровь губы. Ах, какая великолепная актриса!

Я закричала зубами. Обвела глазами комнату. В ней царил ужасный беспорядок. Было понятно, что Аделина собиралась торопливо, наспех. Постель не убрана, одеяло валялось рядом на полу. Вещи из шкафа вывернуты и раскиданы. Синее платье раскинуло рукава, словно хотело обнять подушку. Пара шелковых черных чулок, тонкими змейками повисла на спинке стула. Кружевная, ночная рубашка белым приведением распласталась на туалетном столике.

— Эмма, что происходит? — голос Загряжского привел меня в чувства.

Обернувшись я посмотрела на мужчину и зловеще улыбнулась.

— Что происходит? Это было нужно спросить у бесценной, страдающей гувернантки Аделины. Неделю, она водила всех за нос! Все искали Лизу, а всего лишь надо было прижать эту великую артистку. Каленым железом, да хоть пытками, вырвать из ее лживого рта, куда она спрятала нашу девочку!

— Эмма, я не понимаю. Аделина конечно виновата, что не уследила за Лизой. Но ее буквально парализовало от горя. Она так крепко успела привязаться к моей дочери, — голос Ряжского звенел от напряжения, он явно осуждал меня.

— Ряжский, ты безнадежный болван! Очнись уже, от чар великолепной Аделины. Она сбежала! Парализованная, а как быстро смылась! Теперь, нам не узнать, где прячут Лизу! —

я всхлипнула и закусила губу, что-бы не расплакаться.

— Но почему ты решила...

Я шагнула к безобразно разворошенной постели, со злость скинула подушку на пол. Она с глухим, тяжелым шлепком опустилась на распластанное одеяло.

Небольшая кукла лежала на скомканной простыне и смотрела в потолок голубыми, стеклянными глазами. Нарядное платье из розового шелка было смято, локоны цвета спелого льна взлохмаченны. Красный башмачок на левой ноге, выглядел немного сиротливо без своей пары.

Усмехнувшись, я нагнулась и пошарила рукой под кроватью. Второй башмак долго искать не пришлось. Он зацепился за кованую ножку тонким шнурком и болтался там, скрываясь под кружевной занавеской. Именно его я видела совсем недавно, когда разговаривала с умирающей Аделиной.

— Ты хочешь сказать...

Мужчина побледнел так сильно, что сине-зеленые глаза, обрамленные черными ресницами, казались слишком яркими, словно нарисованными на белой, алебастровой маске.

— Это, та самая кукла, которая якобы исчезла вместе с Лизой. Аделина была растерянна, после того, как позволила преступникам украсть девочку. Куклу захватила нечаянно, она небольшая, вполне могла поместиться в сумочке. Спрятать в доме у нее не было возможности и поэтому решила не заморачиваться. Подушка, самый надежный тайник, если сама лежишь на ней сверху.

Я вздохнула и потеряла виски. Сильно разболелась голова, после того, как цепочка событий недельной давности выстроилась перед моим мысленным взором.

— Меня успокаивает только одно. Лиза жива, и с ней ничего плохого еще не случилось, — мой голос звучал устало и хрипло.

— Почему ты так думаешь, Эмма? — с надеждой выдохнул Загряжский.

— Лиза имеет Синий Дар, папа, — голос Шурика раздался совсем рядом, он стоял на пороге прислонившись спиной к притолоке двери. — Ее один раз уже похищали. Эмма тогда спасла Лизу. Не побоялась целой шайки цыган. Ты бы видел, как она прострелила ногу вожаку!

— Синий Дар? Моя Лиза? — мужчина выглядел так, словно на него сейчас обрушились небеса.

— Увы, Загряжский... Лиза была лакомым кусочком, для похитителей. Но это обстоятельство играет нам на руку. С ней будут обращаться достаточно хорошо. Ведь Лиза в будущем, должна нести золотые яйца, — я с трудом выдавила из себя улыбку. — Мы скоро найдем ее, я в это верю.

Глава двадцать восьмая. О вреде горячего шоколада и кексов с изюмом

Я сидела в самом дальнем углу уютной кондитерской, которая называлась "Шоколадный рай". Именно за этим столиком, если я правильно поняла объяснения Шурика, сидела неделю назад маленькая, кудрявая девочка с сине-зелеными глазами. Девочка ждала свою няню, ела кексы, тщательно выковыривая из желтовато-коричневого теста изюминки, которые напоминали ей черных, сморщенных жуков. Об этой ее привычке я знала совершенно точно. Девочка пила теплый, ароматный напиток и несколько капель пролила на розовое платье новой куклы. Именно их, темно-коричневые, пахнущие свежим шоколадом и ванилью, я потом увидела, на розовых кружевах фарфоровой модницы.

Девочка огорчено вздохнула и решила спрятать куклу в испорченном платье в сумочку своей гувернантки. Сумочка лежала на соседнем стуле и девочка быстро справилась со своей задачей.

Затем она вернулась на свое место и... исчезла? Растаяла в воздухе? Испарилась? Если верить показаниям официанток и посетителей, так оно и было...

Задумчиво повертела в руках красную, тяжелую чашку на дне которой плескались остатки ароматного напитка. Раскрошила на тарелочке мягкий кекс, усмехнулась стараясь освободить его "черных жучков", так Лиза называла изюм. Светлых мыслей не наблюдалось. Я поправила яркую, в красно-белую клетку скатерть на столе. Она была туго накрахмаленной и своеобразной броней укрывала столик до самого пола.

Внезапная догадка, такая простая и такая очевидная пришла мне в голову. Я немного отодвинула свой стул и пригнувшись соскользнула вниз, под круглый и высокий стол. Под столом царил таинственный, красноватый полумрак. Крестовидная перекладина, соединяющая ножки стола была толстой и надежной. Я оперлась на нее рукой, приподнялась и вдруг зацепилась плечом о что-то острое.

Гвоздь грубый, ржавый и кривой торчал из светлой древесины, словно гиганский рыболовный крючок. Присмотревшись внимательно, я обнаружила на нем "улов". Кто-то совсем недавно, испортил свою одежду, отдав коварному гвоздю красный, сатиновый лоскуток. Именно в таких сатиновых рубашках, деловито сновал по залу весь обслуживающий персонал. Девушки носили их с клетчатыми юбочками, а парни надевали красную, сатиновую униформу навыпуск, подпоясав ее тонким, черным ремешком.

Зажав свою добычу в руке, я вынырнула из-под стола. Устроилась поудобней на стуле и обвела глазами довольно большое и уютное помещение кондитерской. Посетители совсем не заметили моего минутного отсутствия. Тяжеловесная матрона сидевшая за столиком у окна, самозабвенно наслаждалась слоеным тортиком покрытым сливочным, белоснежным кремом, заедая его блинчиками с шоколадом и жадно запивая ярко-желтым напитком из высокого стакана. Влюбленная парочка справа от меня, смотрела только друг на друга. Мне кажется, что им даже бумажные салфетки показались бы сладким лакомством, если бы вдруг оказались у них на тарелках.

С моего глухого угла хорошо просматривался весь зал, но сам столик надежно прикрывала пара резных, деревянных колонн. Видимо это место было выбрано Аделиной не напрасно. Я повернула голову и еле удержалась от крика. Совсем рядом, в полуметре от столика была дверь. Она сливалась с темно-коричневыми, резными панелями повторяя все

их завитушки и узоры, и была совершенно незаметна. Этакая дверь невидимка. Узкая, низенькая, неприметная.

Я едва не хлопнула себя лодожкой по голове. Эх, Эмма! Сидишь в этой кондитерской уже не меньше часа, наслаждаешься горячим шоколадом, переводишь напрасно кексы с изюмом. Пытаешься представить, что ты маленькая девочка... Ну, что же, возможно тебе это и помогло...

Итак — маленькая девочка ждет свою гувернантку, которая пошла в дамскую комнату на минутку, но застряла там надолго. Девочка не знает еще, что попала в хитрую ловушку, поэтому спокойно пьет свой шоколад, доедает кексы, от скуки смотрит на посетителей. Вдруг она замечает кого-то очень знакомого. Того, кто пугает ее очень сильно, до ужаса, до дрожи. Она хочет спрятаться и ныряет под стол. Сидит в красноватом полумраке испуганной мышкой. Гулко и торопливо бьется маленькое сердечко. Сколько проходит времени? Наверное достаточно для того, что-бы узанный ее человек, открыл неприметную дверь расположенную позади, нагнулся и тоже нырнул под стол. Сильный и беспощадный, от его цепких рук не увернуться. Но девочка сопротивляется, и злодей вынужден приподняться и зацепиться красной, сатиновой рубахой за изогнутый гвоздь.

С добычей в руках он стремительной тенью скрывается за дверью. Была девочка, исчезла девочка. Растаяла в воздухе, испарилась...

Я шумно выдыхаю, соскользнув со стула, тоже испаряюсь. Красноватый полумрак окутывает меня, вокруг красно-белые клетки скатерти, они выглядят как надежные стены. Я отодвигаю самую дальнюю" стену" и согнувшись, почти на четвереньках толкаю таинственную, узкую дверь. Она поддается мягко и послушно, словно давно этого ждала. Я не успеваю обрадоваться этому обстоятельству. Мой взгляд упирается в начищенные до глянцевого блеска голенища черных сапог. Интуиция воет пронзительной сиреной, вопит, что угодила в ловушку. Пытаюсь быстро встать. Но полностью распрямиться не успеваю. Что-то влажное и вонючее накрывает мой рот и нос.

Сознание уплывает медленно, но уверенно.

— Поймалась Синяя птичка! — зловеще и радостно шипит надо мной чей-то смутно знакомый голос.

Это последнее, что еще фиксирует мой одурманенный парами эфира мозг.

Сознание возвращалось ко мне постепенно, рывками. Сквозь тяжелые, будто отлитые из чугуна ресницы проник робкий, рассеянный свет. Он колыхался подобно рваной, ветхой занавеске, которая мешала рассмотреть где я нахожусь. Вместе с сомнительной способностью видеть, пришла такая же сомнительная способность двигать непослушными, словно пластилиновыми руками и ногами. Я попыталась подняться и тут же ощутила боль. Мне показалось, что тысяча злых кошек раздирают мое горло. Кашель хриплый и надсадный пришел на помощь, помогая организму выплюнуть острые когти жестоких мучителей.

— Пить, — прохрипело мое измученное парами эфира горло.

Это коротенькое слово вырвалось непроизвольно, я тут же слизнула его с пересохших губ. Просьбы о помощи тут совсем неуместны. Скорее всего меня бросили помирать в каком-нибудь заброшенном подвале. Такая затхлая, стылая сырость бывает лишь в старых, каменных мешках.

Но к моему удивлению, в губы мне робко ткнулся край железной кружки. Холодная вода выплеснулась, заструилась ледяной змейкой по подбородку. Я с досадой застонала. Вторая попытка была намного удачней. Живительная влага скользила приятным холодком

по измученному, раздраженному горлу, проваливалась в желудок замораживая рвотные позывы.

Я пила жадно, вцепившись в кружку уже вполне послушными руками. И только когда когда в ней закончилась вода, отпала от холодного, железного края, словно пиявка наглотававшаяся необходимой ей крови.

Кружка исчезла. Стукнула совсем рядом о что-то твердое, своим металлическим дном. Маленькая, горячая ладонка осторожно погладила мою щеку.

— Эмма, я знала, что ты меня обязательно найдешь! Только почему так долго, Эмма? — нежный, немного хриловатый голос Лизы, был словно влажным от мужественно сдерживаемых слез и рвущегося наружу кашля.

Голос девочки прозвучал для меня, как самая лучшая и сладостная музыка на свете. Я попыталась быстро приподняться и у меня это получилось. Слегка покачиваясь, стараясь держать равновесие, я шагнула навстречу Лизе и обняла ее. В этот момент мужество и сдержанность покинули Лизу. Она заревела громко, хрипло и отчаянно.

— Я хочу домой Эмма! Я хочу горячего чая с малиновым вареньем, и даже кексы теперь буду есть вместе с изюмом. Мне надоела холодная вода и черный, сухой хлеб. Он говорит, что это наказание, за тот побег который я устроила в самый первый день. Если еще раз попробую сбежать, то даже воды не будет. А сбежать уже не получится, он лестницу убрал, теперь на свободу не попасть! — Лиза дрожала, от нее шел жар, как от раскаленной печки.

Приложив ладонь к ее лбу, я тихо выругалась. У девочки явно был жар.

— Лизонька, мы выберемся отсюда, обещаю тебе. Только давай ты успокоишься и расскажешь, мне про лестницу, про то где мы находимся, — я говорила уверенно и ласково, старалась что-бы девочка поверила мне.

Но слова срывались с языка, а разум вопил о том, что вряд ли у меня что-нибудь получится. Оглядывая помещение, я сделала вывод, что мы находимся где-то глубоко под землей. Неровные стены, очевидно когда-то вырубленные рудокопами, добытчиками тех самых синих камней. Грубо сколоченный тапчан с полосатым, грязным матрасом набитым соломой. Ее золотисто-желтые, жизнерадостные пучки, топорщились колючими усами из частых, широких прорех. Старое, буро-зеленое, похожее на огромный кусок засохшего мха, одеяло прикрывало полосатый матрас. Рядом с подобием кровати стоял кособокий стол, на нем ржавый чайник и железная кружка. Напротив была дверь. Она была совершенно инородным предметом в этой убогой обстановке. Новая, блестящая и несомненно толстая, дверь поражала обилием железных полос, круглых заклепок и сложным механизмом замка, который закрывался с той стороны. Даже при одном взгляде на этот шедевр, достойный самого надежного сейфа, было ясно, просто так через нее не прорваться.

— Лиза, ты говорила, что уже убежала отсюда. Где находится, то место? — мой голос продолжал звучать все так же уверенно и бодро.

Девочка села на красно-ржавый, колючий матрас и понуро опустила голову. Маленькое тельце сотрясала дрожь. Я укрыла ее тяжелым, зеленым одеялом, которое кажется было неспособно давать тепло.

— Там! — она устало махнула рукой в сторону узкого, каменного коридора из которого тянуло стылмым, морозным холодом.

Мое сердце сжалось от тревоги и жалости. Еще одна ночь в этом каменном мешке, без лекарств и тепла может оказаться фатальной. Ждать и медлить нельзя. Но, что придумать, когда сама беспомощная и жалкая?

— Думай, Эмма! Думай! — бормотала себе под нос, протискиваясь через узкий ход.

Коридор был коротким, за поворотом он вдруг оборвался и я застыла в изумлении. Потрясенная увиденным. Вверху каменного колодца, где я сейчас находилась, на расстоянии примерно двадцати метров сияли яркие звезды. Они переливались на фоне ночного, темно-синего неба, подмигивали мне лукаво, по дружески, словно хотели дать совет.

Теперь ясно о какой лестнице говорила Лиза. Обрывки толстых веревок свисали сверху и были похожи на ноги гиганского паука. Значит люди не зря говорили о том, что видели маленькую девочку в белой шубке и красной вязанной шапке возле ближайшего оврага. Она могла бы убежать от похитителей еще в первый день, если бы люди, которые встретились у нее на пути не оказались равнодушными скотами.

Я оглядела стены каменного коридора. Огромные глыбы непонятного, незнакомого мне минерала тускло мерцали синим светом, словно перекликались со звездами сияющими в вышине.

Задумчиво поскребла ногтем один из камней. Он отозвался на мое прикосновение, вспыхнув на мгновение синим светом, на глазах превращаясь из грубого бульжника в яркий сапфир.

— Овраг от города находится недалеко, должны заметить. Да? — спросила я у любопытных звезд и закрыв глаза представила, как освобожденный синий свет летит навстречу к своим далеким сестрам.

— Эмма, подожди, давай вместе! — услышала я за спиной тихий голосок Лизы.

Сглотнула колючий ком в горле. Девочка правильно все поняла. Тут либо пан, либо пропал.

— Давай! Только все же сильно не напрягайся. Ты просто будешь мне помогать, а уж первой скрипкой буду я.

Мы стали рядом. Вытянули руки, касаясь ладонями гладкой и холодной поверхности тусклых камней.

— Лиза, закрой глаза и представь, что мы с тобой зажигаем звезды, — прошептала я тихо.

Глава двадцать девятая. Мы зажигаем звезды

Как я потом узнала, в тот зимний вечер невероятное событие переполошило и напугало весь город. Огромный столб синего света вдруг вырвался из недр земли и устремился вверх. Это было невероятное, красивое и величественное зрелище. Словно самый мощный прожектор вспыхнул в зимних ультрамариновых сумерках и устремился к звездному, праздничному небу, ярко освещая близлежащий лес, пологий, занесенный снегом овраг и дома на окраине города.

Самый крайний, неприметный домик, что притулился в метрах шестидесяти от оврага, тоже вдруг превратился в яркий фонарь. Синий свет вырвался из его маленьких, подслеповатых окошек. Он бодро заструился вверх из печной покосившейся трубы, соревнуясь с белыми завитушками дыма.

А в это время мы с Лизой стояли в каменном колодце, и тоже любовались творением своих рук. Яркие синие потоки вспыхивали голубыми, бирюзовыми, ультрамариновыми искрами и уверенно вырывались на свободу из холодных, покрытых инеем стен. Они стремительно неслись навстречу к своим небесным сестрам.

Странное состояние я испытывала после того, как отдала все силы на поджог этого гиганского прожектора. Приятно кружилась голова, хотелось петь и громко смеяться. Покачиваясь словно пьяная, я обняла хихикающую девочку.

— Пойдем Лиза, присядем на твой соломенный матрас. Думаю, что в скором времени начнется самое интересное, — мой голос дрогнул от волнения.

В эту минуту я вдруг ясно представила, какая опасность может нас подстергать.

Поддерживая друг друга, едва перебирая слабыми, заплетающимися ногами, мы добрались до помещения, которое в течении почти недели было тюрьмой для Лизы. Силы покидали меня стремительно, хотелось прилечь на грязный, холодный матрас и закрыть глаза.

Борясь со слабостью, я обняла обмякшую, засыпающую Лизу. Странно, но от девочки уже не шел такой жар, как полчаса назад. Дотронувшись губами к гладкому, чумазому и прохладному лбу, я нашла в себе силы удивленно качнуть головой. Температуры у Лизы, по моим ощущениям не было. Хотела спросить ее о самочувствии, но не успела.

Тяжелая, перетянутая железными полосами, словно портупеей, дверь вздрогнула, задрожала и распахнулась. Напрягая зрение, я с усилием всматривалась в темный проем, в котором застыл высокий силуэт мужчины. Мои самые мрачные опасения сбылись. На пороге стоял явно не Загрязский.

Несколько секунд мы пытались разглядеть друг друга, а затем темная, мужская фигура, сильно припадая на левую ногу, проковыляла на середину помещения.

Темные, бархатистые глаза смотрели на меня с дикой ненавистью. Иссиня-черные волосы уже не лежали идеальными волнами на смуглом, блестящем от капелек пота лбу. У мужчины был такой вид, что еще секунда и он бросится на меня, сминая и вгрызаясь мне в горло желтоватыми, крупными зубами, которые щерились в недоброй улыбке.

— А-а-а, мой давний знакомый! Мой мохнатый красавчик! — протянула я с насмешкой, а сама в это время задвинула почти спящую Лизу себе за спину. — Я вижу, что вожак табора из тебя не получился. Карьера не задалась у колченого и глупого барашка. Теперь ты держишь кондитерскую и продолжаешь воровать маленьких девочек? — мой голос хоть и

звучал насмешливо, но мне было по настоящему страшно. Сколько времени понадобится Загряжскому и полиции, чтобы добраться сюда?

Бывший цыганский барон заскрипел зубами, но смог удержать себя в узде. Видимо прошедший год не прошел для него даром. Он научился контролировать свои эмоции.

— На твоём месте, надо молчать или умолять меня не делать больно тебе и этой строптивой девчонке. Может быть ты ослепла со страху и не видишь, что оружие теперь не в твоих, а в моих руках? — он громко рассмеялся и потряс тускло сверкнувшим вороненым, длинным стволом большого пистолета. — Если я колченогий, то ты и девчонка сейчас будете мертвыми хромоножками. Сначала прострелю вам ноги, чтобы почувствовали боль, а затем сердце, чтобы заткнулись навеки.

Стиснув зубы и глядя мне в глаза он размахивал пистолетом, словно выбирал удачную цель.

Я постаралась максимально собраться, прикидывая в уме смогу ли выйти в этом поединке победительницей. Слабость и головокружение, такой надежды не давали. Но надо было попытаться.

— Ну, что красотка, готова стать мертвой хромоножкой?

Мне показалось, что сама смерть насмешливо подмигнула, выглянув на секунду из черного и безжалостного дула пистолета. Я невольно закрыла глаза. Прозвучал громкий выстрел.

Я ждала боли, но почувствовала, что чье-то тяжелое тело наваливается на меня каменной глыбой. В то же мгновение послышался другой выстрел, топот ног, ругательства и глухое падение тела. Ну, право слово, не мешок же с картошкой мог сейчас так тяжело и грузно шмякнуться о каменный пол.

— Идиот, ты его прикончил! С кого теперь брать показания? — голос начальника полиции Добужинского, прозвучал резко и сердито, но для меня, как самая нежная музыка.

Я распахнула глаза и постаралась увернуться из-под тяжелого мужского тела, которое закрыло меня собой от смерти.

Взгляд сине-зеленых глаз тускнел и ускользал от меня. Черные ресницы медленно прикрывали их, как вовремя опущенный, театральный занавес. Яркое, красное пятно расплзлось, хлопало из-под светлого меха короткой шубы.

— Загряжский, ты только не умирай! Не смей подыхать, подлец ты этакий! Валериан Антонович, доктор срочно нужен, доктор! — мой голос взвыл тревожной сиреной, заглушая и топот ног и разговоры людей, набившихся в тесное, каменное помещение.

Все пришло в движение, все замелькало, как в фильме при рапидной съемке.

Загряжского осторожно подняли трое крепких полицейских и быстро унесли, скрывшись в мрачной темноте за бронированной дверью.

Спящую Лизу, которая свернулась маленьким, уютным клубком на грязном полосатом матрасе, тоже бережно подняли и стараясь не разбудить, унесли в темноту выхода.

— Ей тоже нужен доктор! — крикнула я вдогонку квадратной спине, в темно-сером мундире.

Попробовала подняться, что бы побежать следом, но охнув плюхнулась обратно на полосатый матрас. Ноги совершенно не ощущались.

— Эмма Платоновна, не беспокойтесь, вашего мужа и вашу дочь сейчас осмотрят наши лучшие врачи. Полицейские мобили быстрые, сирену включат и уже через несколько минут в городе будут. Злодеи то сильно не заморачивались, под самым нашим носом сидели. Если

бы не устроенная вами иллюминация, мы бы долго искали их логово. — Добужинский развел руками и извиняще улыбнулся.

Улыбаться в ответ я не спешила.

— Валериан Антонович, вы наверное захотите узнать больше. Составить протокол и взять показания, но давайте договоримся, что все разговоры будут завтра. Сегодня я слишком устала, очень волнуюсь за Лизу и за..., — я запнулась не зная как теперь называть Загрязского. — За мужа, — выдохнула я тихо и с удивлением поняла, произнести два коротких слова было совсем не трудно.

— Ах, Эмма Платоновна, прошу простить меня за промедление. Конечно, сейчас и речи не может быть о протоколах. Давайте я вас домой отвезу. Вам отдохнуть нужно, — голос Добужинского был таким мягким и таким непривычно заботливым, что мне захотелось улыбнуться.

— Валериан Антонович, буду вам благодарна, если мы заедем домой, успокоим Шурика и Стефана Стефановича, а затем вы меня отвезете в вашу знаменитую больницу. Хочу быть рядом с дочерью и..., — не договорила, запнулась, опять пришлось напрягаться, что-бы произнести слово "муж".

Добужинский согласно кивнул головой и поклонившись подал мне руку. Мы медленно направились к выходу из этой каменной тюрьмы, по дороге я чуть не запнулась о распластанное тело цыгана. Он лежал на грязном, мокром от подтаявшего снега полу и улыбался ощерив желтоватые зубы. Черный, мутный, словно присыпанный пеплом, полужакрытый глаз казалось подмигивал мне.

Я отвернулась и поспешила выйти, туда за распахнутую, железную дверь. Мы долго шли по длинному, мрачному тоннелю, затем попали в обыкновенный, деревенский погреб. Вдоль побеленных известью стен, стояли мешки с овощами. От двух дубовых бочек тянуло огуречным рассолом, банки с вареньем тесными рядами выстроились на деревянных полках. Лестница, старая и ветхая привела нас наверх. В тесной комнатухе, затмевая огонь в печи, сияли мощным, синим светом множество камней, которые были набросанны, словно обыкновенный, крупный гравий на строительной площадке.

Когда мы с Добужинским пройдя через темные сени, оказались на улице, то я на мгновение зажмурилась. Огромный прожектор бил прямо в небо потоком синего света. Вокруг было светло на многие километры. Встревоженно лаяли собаки, где-то громко разговаривали люди.

— Вот, Эмма Платоновна, какой вы переполох устроили, — сухо и осуждающе промолвил Добужинский. — На днях, наверное из столицы проверяющие пожалуют. Слыханное ли это дело, столько камней за один раз зарядить!

Глава тридцатая. Клубок распутался сам

Наверное все хирургические отделения в больницах, похожи друг на друга. Они пахнут хлоркой, стиранным бельем и болью.

Загряжский лежал на сероватых простынях и теперь совсем не был похож на того лощеного, самоуверенного красавчика, которого я когда-то увидела впервые на осеннем балу у губернатора.

Серое лицо слилось с такой же серой подушкой, черные волосы были взлохмаченными и влажными. Трехдневная щетина напоминала мне сапожную щетку, на которую кто-то по рассеянности рассыпал муку. Лишь черные, густые иголки ресниц были яркими, словно нарисованные свежей сажой.

Мужчина спал. Иногда тревожно хмурились его черные брови, иногда тихий стон слетал с сухих, потрескавшихся губ.

Я уже с полчаса сидела возле его кровати на неудобном, скрипящем при каждом движении стуле, которое мне любезно выделил главный доктор, внешне очень похожий на жизнерадостного Айболита из детской книжки.

Пользуясь беспомощным положением своего "мужа", рассматривала его лицо. Затем взгляд переместился на крупные и красивые кисти рук, которые были похожи на идеальные, мраморные произведения искусств, и неподвижно, как у покойника, лежали поверх серого одеяла. Белоснежные, свежие бинты на левом плече, резко контрастировали с унылым, серым цветом, а выступающее на них алое пятно, смотрелось неуместной, яркой розой.

Задумчиво разгладила грубую складку на одеяле. А ведь на месте Загряжского, на этих серых простынях, сейчас должна была лежать я. Это конечно в лучшем случае... А в худшем случае, в "Сладких Хрящиках", сейчас бы готовились к погребению молодой, но такой глупой хозяйки. Погоревали бы немного, да и забыли бы. Кому я нужна?

На душе стало тоскливо, а в носу щекотно. Слезы, такие непредвиденные и такие обильные, словно дождь в грозу, закапали из глаз. Они тяжелыми каплями упали на серое одеяло, на сложенные, как у покойника руки Загряжского.

Черные ресницы дрогнули, затрепетали и яркие сине-зеленые глаза раскрылись. Они смотрели на меня, как всегда насмешливо. Только насмешка была какой то вымученной и больше напоминала мне ласковую, снисходительную иронию.

— Эмма, ты умеешь плакать? — прохрипели сухие губы, а затем попытались изобразить широкую улыбку.

Мужчина попробовал приподняться, но я вовремя пресекла его опасные усилия. Ладонью легонько вернула его в исходное положение.

— Лежать, Загряжский! Ты же не хочешь, что бы разошлись швы? Пусть сердце и не пострадало, но пуля достаточно глубоко прошила твою тушку, — я стыдливо прятала глаза и пыталась украдкой вытереть позорные слезы.

Мужчина покорно кивнул головой.

— Как скажешь женушка! Видишь какой, я послушный?

Я понимала, что он злит меня намеренно. Не успел очнуться, а уже ненавидит. Странно, разве можно спасти от смерти и ненавидеть одновременно? Возможно он спасал не меня, а свою дочь? Но Лиза в тот момент, была надежно прикрыта моим телом...

Словно прочитав мои мысли, Загряжский потушил в сине-зеленых глазах ласковую

пронию. Теперь в них плескалась тревога.

— Как себя чувствует Лиза? С ней все в порядке?

Голос у него был такой хриплый и тихий, что только тут мне пришло в голову, поднести к потрескавшимся губам мужчины белый, фаянсовый поильник. Он сделал два жадных глотка воды и отстранил мои руки холодными, как мрамор пальцами.

Чувствуя его волнение, поспешила успокоить своего спасителя.

— С Лизой все хорошо. У нее еще немного болит горло, но температуры и слабости уже не наблюдается. Лимон не отходит от нее ни на шаг. Шурик безропотно и послушно выполняет все ее прихоти. Правда она почти совсем не капризничает. Первые два дня все просила свежих кексов с изюмом. Говорила, что в своей каменной тюрьме жалела только об одном — об недоеденных кексах и об сладком изюме, который всегда выковыривала из них, — на этих словах мой голос дрогнул и задрожал, а слезы опять были готовы оросить собой больничное одеяло.

Я постаралась их скрыть. Встала со стула, отошла к широкому окну. За чисто вымытыми, почти стерильными стеклами шла обычная больничная жизнь. Прогуливался по дорожке худенький подросток, закутанный по самые уши в теплый, красный шарф. Он опирался на костыли и прыгал на одной ноге резвым, легким воробышком. Его пышнотелая матушка шла рядом и что-то горячо говорила, жестикулируя руками в ярких, полосатых рукавичках. Сестры милосердия в длинных халатах, в накинутых на плечи шубках весело смеялись и бежали с какими-то пробирками и бумагами в соседнее, приземистое здание. Белый пар, который вырывался из их розовых губ, поднимался вверх и становился голубым на фоне огромного синего снопа света. Очевидно все уже привыкли к такому необычному явлению и не обращали особого внимания на такую красоту, которую сотворили мы с Лизой.

Загряжский терпеливо ждал, когда я вновь вернусь к разговору. Я уже справилась со своими эмоциями и хотела отвернуться от окна, когда увидела знакомую фигуру в темно-синей шинели. Форменная фуражка наверное совсем не согревала лобастую голову с коротким, густым ежиком светло-русых волос. Красные, словно флажки на параде уши, выглядели трогательно. Добужинский шел торопливо, едва не задел плечем парнишку прыгающего на костылях, еле разминулся на узкой дорожке с объемной мадам, по неистребимой привычке оглянулся на веселых и молоденьких сестер милосердия.

Появлению начальника полиции я обрадовалась. Добужинский прибыл вовремя. Теперь пусть он рассказывает Загряжскому, всю ту запутанную и сложную историю с появлением в наших краях беглого цыгана, который промышлял на пару с Аделиной похищением детей. Который так неудачно похитил Лизу и вместо огромной наживы получил пулю в спину, да земли небольшой, но глубокий кусок.

Я вернулась на свое место, постаралась улыбнуться Загряжскому ласково и даже томно, чем слегка его озадачила.

— Дорогой, а давай я поправлю тебе подушку, — проворковала я нежно и нагнулась над неподвижным, крайне изумленным мужчиной.

За спиной скрипнула дверь. Морозный холод шмыгнул в нее вместе с замерзшим Добужинским.

— Гм-мм, прошу прощения, но миловаться будете дома. Доктор сказал, что еще пару, тройку дней и можно господина Ряжского домой забирать, — голос мужчины был такой торжествующий, словно он был безмерно рад, что отца Лизы так скоро могут выписать из больницы.

Я распрямилась, успев поймать сожаление мелькнувшее на лице моего "мужа". Неспеша обернулась к замерзшему начальнику полиции.

— Проходите Валериан Антонович, всегда рады вас видеть. Есть какие-то новости? Во вашему праздничному настроению, можно судить о том, что неуловимую Аделину Ивановну поймали? — в моем голосе хоть и звучала капелька иронии, но она несомненно тонула в любопытстве приправленном горячей надеждой.

Добужинский оглянулся по сторонам, заметил возле выхода трехногую, рогатую вешалку накрытую белой простышкой. Синяя шинель, словно крылья подбитой птицы повисла поверх белой простыни, а форменная фуражка превратила больничную вешалку в высокого, важного полицейского.

Растирая крепкими ладонями красные, замерзшие уши начальник полиции подошел к кровати.

— Максим Андреевич, я очень рад вашему выздоровлению. Если вы не против, то начну рассказ о нашем блестящем, полицейском расследовании, — голос Добужинского стал важным и тягучим, он особой, горделивой интонацией выделил "наше блестящее, полицейское расследование".

Я тихо хмыкнула, но смогла сдержать ехидную улыбку. Долго же длилось это блестящее расследование. Оно было таким блестящим, что преступники чуть было не угробили беззащитного ребенка.

Загрязский тоже отвел глаза в сторону и криво усмехнулся. Длинные пальцы совершенной формы, нервно стиснули складки серого одеяла.

— Валериан Антонович, я вас поздравляю с успешным завершением дела. Буду рад послушать, как удалось раскрыть все детали преступления, — улыбка змеей скользнула по губам мужчины.

Но радостный Добужинский совсем не заметил скрытого сарказма в словах моего "мужа". Он осмотрел палату, и не найдя второго стула, без колебаний уселся на широкий подоконник. Голубоватый свет падал на него сзади, четко обрисовывая ярким контражуром высокий, мужской силуэт. Особо лучистое свечение у него над головой было похоже на нимб святого. Выждав для важности пару минут, Добужинский вздохнул и начал свой рассказ.

— Сегодня ночью задержали вашу гувернантку, Максим Андреевич. Дамочка оказалась большой шутницей. Она знала, что полиция будет искать молодую особу, и решила перевоплотиться в древнюю, безобидную старушку. Ах, как достоверно Аделина Ивановна, играла! Как вошла в образ немощного одуванчика! Вот, готов поспорить, что девицу могло ждать будущее великой актрисы, если-бы не преступные наклонности ее большого семейства. Посудите сами — отец бывший каторжник осужденный за убийство.

Матушка — содержательница публичного дома и по совместительству хозяйка кондитерской "Шоколадный Рай", а братья — промышляли грабежами, похищением детей, но иногда и заказными убийствами не брезговали, — Добужинский вздохнул и потер ладонью красное ухо.

Я резко встала со стула. Он скрипуче и ворчливо забурчал, как проснувшийся старый дед.

— Валериан Антонович, значит Лиза была не единственной девочкой, которая пропала в этой кондитерской?

Добужинский стыдливо отвел глаза в сторону.

— Увы, вынужден признать, что в самом центре нашего города, почти у полиции под носом, действительно похищали детей, — голос его звучал глухо и виновато. В основном добычей приступников были девочки постарше. С родителей требовали выкуп и возвращали похищенную в семью, если получали деньги. А, если родители были не в состоянии заплатить, то...

Мужчина замолчал и начал дергать бедное красное ухо, словно пытался его оторвать.

— Эмма Платоновна, хочу вынести вам благодарность от всего нашего полицейского отдела и от себя лично. Вы так ловко разворошили это змеиное гнездо, что удалось арестовать всю банду. Аделина молчать не стала. Я пообещал ей некоторые поблажки и она с легким сердцем сдала всех своих родственников. И маменьку с папенькой и братцев-разбойников и своего убиенного любовника-цыгана.

Добужинский спрыгнул с подоконника и голубоватый нимб святого над его головой, качнулся и исчез. Лишь красные, слегка оттопыренные уши горели, как два фонарика.

— Господин Ряжский, неудачно вы своей дочери гувернатку подобрали. Аделина Ивановна, конечно девушка видная, но мне кажется, что ее профессиональная непригодность, на хорошеньком лбу просто крупными буквами начертана. Хотя, не вините себя сильно. В том, что ее документы подделка, не сразу разобрался даже я. Пришлось устраивать консилиум из специалистов. Только наш старенький и немощный Курлыкин, определил, что перед нами фальшивка. Теперь, вот готовимся накрыть и ту контору, где подобными документами, как семечками на базаре торговали.

Загряжский на эти слова откликнулся очень бурно. Бледные щеки покрылись красными пятнами, глаза горели неприкрытой злостью. Он приподнялся со своей тощенькой подушки и опираясь на здоровую правую руку, попытался встать с кровати.

— Я так понимаю, что в "Сладких Хрящиках", набирают персонал без всяких документов? Верно, Эмма? — голос мужчины громышал гневом.

Я не спеша подошла к кровати и почти насильно уложила Загряжского на серую подушку. Укрыла одеялом до самого подбородка. Мужчина не сильно сопротивлялся, видимо сил у него после ранения было не так много.

— Успокойся дорогой" муженек". Мне кажется, что в "Сладких Хрящиках", Аделина Ивановна появилась не просто так. Возможно, с твоей подачи? Документы у нее, я проверяла. Бумаги, как бумаги. С печатями большими и подписями размашистыми. Вот почему ты проникся к этой девице такой горячей благосклонностью? За красивые, голубые глаза доверил ей Лизу?

Умом я понимала, что веду себя в настоящий момент, словно ревнивая супруга, но ничего с собой поделать не могла. Возможно сказывалось напряжение последних дней, а возможно это действительно была обычная ревность. Разбираться в своих чувствах у меня сейчас не было ни малейшего желания. Все потом, все позже. Вот закончится вся эта история, вернусь домой в свои уютные "Сладкие Хрящики", сяду в старое кресло в кабинете и тогда буду препарировать все свои чувства и эмоции. Взвешивать и оценивать их. Ну, смешно же в самом деле реагировать так бурно на предполагаемые шашни Загряжского и Аделины. Сделала пару глубоких вдохов и выдохов. Села на скрипучий стул стоящий подле кровати.

— Простите за такую сцену Валериан Антонович, право слово мне очень жаль, что заставили вас стать невольным свидетелем семейных разборок. Прошу продолжайте свой рассказ, — мой голос уже не срывался на крик, моя речь была вежливой и спокойной,

именно такой, какой и полагается быть у воспитанной, интеллигентной дамы.

— Я понимаю Эмма Платоновна, это все нервы виноваты. Но, действительно разрешите продолжить. Кажется я остановился на показаниях вашей бывшей гувернантки, — Добужинский на секунду задумался, потер ладонью выпуклый лоб. — Аделина, всегда так поступала. Нанималась в богатые дома, втиралась в доверие. Затем ненавязчиво, скромно рекомендовала кондитерскую "Шоколадный Рай", как самую лучшую в городе. Первое время все семейство с удовольствием посещало кондитерскую, затем Аделина Ивановна пользуясь доверием семьи, начинала сама появляться там со своей подопечной. Все казалось таким безобидным, таким милым. Запах сдобы, шоколада, ванили... Ну, какая опасность может подкарауливать девочек в таком приятном заведении? Родители расслаблялись, полностью доверяли свой гувернантке, а затем вдруг случалось несчастье... Надо сказать, что Аделина Ивановна, всегда использовала свой гениальный актерский дар. Именно он позволял ей оставаться вне подозрений и выходить сухой из воды.

— Так вначале, Аделина просто хотела получить выкуп за очередную жертву? Но Лизу узнал цыган и план поменялся? — хрипло спросила я, и тут же прикусила язык, понимая, что невольно проболталась.

Но Добужинский кажется не обратил особого внимания на то, что так неожиданно слетело с моего языка. Он смотрел в окно. Уже вечерело. Хмурые, морозные сумерки заглядывали в окно, а в далеке, за городом разбрасывал синие искры высокий столб холодного огня. Он смотрелся просто фантастически на фоне зимнего, оранжево-багрового заката. Мужчина замороженно смотрел на него несколько секунд, а затем повернулся к нам.

— Да, на Лизу указал хромой цыган. Он появился в нашем городе несколько месяцев назад. Работал в кондитерской "Шоколадный Рай" управляющим. Но думаю, что это была лишь ширма. Какой из цыгана управляющий? Просто он там был главным злодейским исполнителем, а еще очень неплохо развлекал Аделину, в свободное от работы время.

Хоть в комнате уже царствовал полумрак, я успела заметить, как на последних словах Добужинского, сжались крепкие челюсти, скрипнули зубы у моего так называемого муженька.

— План похищения составляли вместе со всем семейством. Имеющая Синий дар Лиза была для них настоящей находкой. Украсть такого ребенка, это значило обеспечить себе в будущем безбедную жизнь. Все прошло гладко, но ваше появление Эмма Платоновна, почему-то вспугнуло девицу. А затем вы появились в кондитерской и было принято решение, что две курицы несущие золотые яйца, лучше чем одна. Простите, конечно за такое сравнение, но лучшего я не смог придумать, — мужчина улыбнулся и развел руками. — А дальше, вы все знаете лучше меня, Эмма Платоновна.

В комнате уже было довольно сумрачно. Темным силуэтом на фоне окна возвышался Добужинский. Светлым пятном мерцала кровать. Тишина тягучая, словно разжеванная ириска, липла к белым стенам.

Мы молчали и каждый думал о своем. Не знаю какие мысли бродили в голове начальника полиции и в голове Загряжского, но я думала о том, что как часто мы доверяем совсем не тем людям. За делами, за бытовой текучкой не замечаем, что детям иногда может грозить серьезная опасность.

Глава тридцать первая. Пьянящий запах весны

Могучие полчища ручьев хлынули в низину возле "Сладких Хрящиков", окружили их со всех сторон. Тающий снег под вечер превращался в густой, овсяной кисель, а утром подкрашенный синевой небес еще мог сиять былой красотой. Но красота вещь недолговечная, капризная. Прошел еще месяц и от огромных сугробов не осталось и следа. Все впитала в себя жадная до влаги, Матушка Земля. Она запаслась жизненной силой и теперь уверенно и весело улыбалась черными зубами обнаженных проталин.

— Эмма, а зачем нужно разогревать пальцы перед игрой? Эмма, я голову держу правильно? А руки, руки, с ними все в порядке? — голосок Лизы, серебряным колокольчиком звенел в старой гостиной.

После страшных событий было решено, что Лиза должна пожить в "Сладких Хрящиках" Загряжский внимательно выслушал мою пламенную речь о ненадежности следующей гувернантки и пользе свежего воздуха. Задумчиво посмотрел на меня своими сине-зелеными глазами и согласился.

Шурик тоже рвался в "Сладкие Хрящики", но у него теперь были обязанности. Занятия в гимназии еще не закончились, а значит мальчик остается жить в городе с отцом. Что-бы ему не было так обидно, Стефан Стефанович, тоже согласился пожить в доме Загряжского. К моему удивлению, профессор подружился с моим "мужем". Они часто обсуждали свойства синих кристаллов, спорили о том, как долго будет "пылать" над городом синий столб света и можно ли наладить продажу уже готовых, заряженных камней. Ведь та заброшенная копальня в овраге за городом, как оказалось, по документам принадлежала Загряжскому.

Решения о детях мы принимали с Ряжским-Загряжским вместе. Советовались по поводу того, когда они с Шуриком будут навещать Лизу и Лимона в "Сладких Хрящиках". Говорили о погоде, о ценах на синие кристаллы, о том, что Шурику нужно купить новую обувь, и еще о массе всякой ерунды. Наверное со стороны мы были похожи на обыкновенную семейную пару. За то время, что я провела в городском доме, Лиза и Шурик незаметно связали нас с Загряжским. Я с ужасом замечала, что начинаю думать о мужчине в самые неподходящие моменты. Нет, уверяла я себя, влюбленностью здесь и не пахнет. Это же Загряжский!!! Неисправимый бабник, алчный делец и просто гад ползучий! С ним можно только дерзить, иронично критиковать и холодно смотреть в сине-зеленые глаза.

Надо признаться, что Загряжский по отношению ко мне, вел себя так-же. Мы состязались в злословии, старались переплюнуть друг друга в насмешках, когда нас не слышали дети. Это было похоже на азартную, не совсем честную игру. В последнее время меня страшило то, что я наверное слишком заигралась. Вот сегодня пятница и я с нетерпением жду вечера. По пятничным вечерам в "Сладкие Хрящики" приезжали в гости Шурик и Стефан Стефанович, а привозил их на своем шикарном мобиле Загряжский.

Я тряхнула головой прогоняя надоедливые мысли, заставляя себя слушать резкие звуки скрипки.

— Пи-пи-пи-ииии-иии, пы-пы-пы-ыыы-ыыы, — пыталась петь скрипка, послушная старому смычку зажатому в тоненьких, нежных пальчиках Лизы.

Девочка старалась держать голову и руки, так как я ее учила. Черные локоны колыхались и упруго подпрыгивали в такт простенькой мелодии. Брови были упрямо нахмурены, а губы сжаты в куриную гузку.

Скрипка сопротивлялась, но пела, а затем вдруг резко вскрикнула и завизжала, словно кошка которой прищемили дверью хвост.

Лиза виновато взглянула на меня из-под нахмуренных бровей. Замахнулась рукой, в попытке отбросить смычок, но вовремя одумалась. Положила его аккуратно и осторожно на край круглого стола.

— Эмма, у меня ничего не выходит! Я хочу играть так, как играешь ты, но скрипка отказывается меня слушать! — слезы крупные, прозрачные закапали из сине-зеленых глаз, заблестели на изогнутом боку старинного инструмента.

— Лиза, скрипка тебя слушается, поверь мне. Но, для того, что бы играть свободно и красиво нужно учиться, — я говорила и ласково улыбалась девочке, огорченной первой неудачей.

Она всхлипнула, вытерла ладошкой мокрый бок скрипки и положила ее на стол рядом со смычком.

— Вот скажи Эмма, почему всему нужно учиться? Играть на скрипке, читать книжки, любить папу? — голосок Лизы уже не дрожал, в нем слышались нотки любопытства.

Последний вопрос заставил меня прикусить губу.

— Любить папу? Что ты имеешь ввиду Лиза? — спросила осторожно, боясь спугнуть настроенную на откровенность девочку.

Лиза посмотрела на меня насмешливо. Я даже вздрогнула. Показалось, что сейчас смотрит на меня сине-зелеными глазами ее отец.

— Ну, вот ты Эмма, научилась играть на скрипке, научилась читать книги, еще есть множество вещей которому ты научилась. Но почему ты не хочешь научиться любить папу? Ты думаешь, что он плохой? Мне самой, так казалось раньше. Он не слишком часто навещал нас с Шуриком в пансионате. Потом исчез надолго, а когда появился, то тоже часто отсутствовал в городском доме. Оставлял меня с Аделиной Ивановной, а она хоть и была ласковой и доброй, но ее доброта была не настоящей. Игрушечной. Словно понарошку, — Лиза горько вздохнула. — Мне кажется, что папа это тоже знал. Я однажды видела, как он ругал Аделину Ивановну, говорил ей, что давно уволил бы. Но не может, потому, что я к ней привязалась. А я к ней и не привязывалась, просто я по тебе Эмма сильно скучала.

Девочка замолчала, видно было, что такая длинная, сумбурная речь утомила ее. После мрачных событий с ее похищением, она впервые говорила так много и так бурно. В последнее время она была немного заторможенная, задумчивая.

Я подошла и обняла маленькую, поникшую фигурку. В ответ тоненькие ручки робко обняли меня.

В горле запершило, на глаза навернулись слезы. Мы в ответе за тех, кого приручили, вспомнились забытые строчки и так горько стало на душе. Вот ты и поймалась Эмма...

— Лиза, а давай я тебе сыграю? Когда не хватает слов, музыка может прийти на помощь, — я говорила тихо, стараясь не хлюпать носом.

Девочка молча кивнула головой, устраиваясь поудобней в мягком кресле стоящем возле камина.

Я задумчиво погладила теплый, гладкий бок у старой скрипки. Взмахнула смычком.

Скрипка запела. Вначале робко и хрипло. Но потом ее голос окреп, она пела сожалея о минувшем, давая надежду на будущее. Нежная, грустная мелодия, словно прозрачные, хрустальные слезы лилась неторопливо, с удивительной легкостью. Она смывала горечь с сердца, очищала мысли, дарила душе спокойствие, тихую радость и любовь.

Опустила смычок и улыбнулась девочке сидевшей в кресле. Лиза притихла, смотрела на меня пристально. Разные эмоции мелькали на ее красивом, подвижном личике. Я не могла понять какие именно. Восхищение сменялось грустью, надежда переплеталась с горечью.

Я подумала о том, что ребенок быстро повзрослел. Недавние события не прошли даром. Теперь от нас, зрелых людей зависит, как быстро она сможет забыть каменный, холодный мешок и предательство гувернантки.

За моей спиной раздались сдержанные, глухие аплодисменты, я резко обернулась.

Загряжский по привычке улыбался мне язвительно, но глаза смотрели серьезно, задумчиво. Он словно решал в уме какую-то задачу.

Из-за спины мужчины выглядывал довольный Шурик, а Стефан Стефанович пытался успокоить вертящегося волчком Лимона.

— Приехали! Я вас с самого утра жду! — голос Лизы звенел восторгом.

Она от радости запрыгала на месте и кинулась обнимать отца и брата.

Глава тридцать вторая. Был да сплыл

Краснолицый толстяк с пченичной шевелюрой и потной шеей протянул мне пухлую, покрытую множеством веснушек руку для дежурного рукопожатия.

— Поздравляю вас госпожа Загряжская..., простите госпожа Ряжская, теперь вы можете на законных основаниях заниматься зарядкой кристаллов в усадьбе "Сладкие Хрящики".

Чиновник который напоминал мне сдобную огромную булку, фальшиво улыбаясь протянул мне плотный лист голубоватой бумаги. Документ украшали множество круглых, больших и маленьких печатей, размашистых подписей и витиеватых букв.

Счастливо улыбаясь я вышла из кабинета и еще раз любовно посмотрела на документ в своих руках. Свершилось! Ну, теперь я развернусь! Мне показалось, что вокруг торжественно зазвучали фанфары и в призрачной дымке засверкали горы еще не заработанного золота.

По коридору летела как на крыльях, наталкиваясь на важных, неторопливых чиновников и робеющих посетителей. Перед глазами уже разворачивалась милая сердцу картина. Длинные очереди состоящие из разномастных мобилей на стоянке перед зарядной станцией. Забитый посетителями до отказа зал в трактире. Переполненный постояльцами гостиный двор. И деньги... Деньги которые я считаю по вечерам в своем кабинете. Мысленно я уже прикидывала, что надо нанять побольше людей в трактир и на зарядную станцию. Надо затеять ремонт в старом и скрипучем доме. Не плохо бы починить крышу, потому, что следующую зиму она навряд ли переживет. Возможно надо разбить большой огород, что-бы снабжать трактир собственными, свежими овощами.

Радужные образы мелькали в моих мыслях, на губах блуждала мечтательная улыбка когда я вышла на крыльцо и подставила лицо яркому весеннему солнцу.

— Эмма? — знакомый мужской голос раздался совсем рядом, заставляя спуститься с небес на землю и по королевски, гордо задрать подбородок.

Оборачивалась медленно, усилием воли заставляя себя не поправлять новую, голубую шляпку и растрепавшиеся локоны.

Петр Кондратович Беркутов застыл напротив и смотрел пристально, изучающе. На его лице гуляла холодная улыбка. Он окинул меня нарочито циничным взглядом, провел пальцем по моему подбородку и воркующим, тихим голосом произнес:

— Говорят, что ты вышла замуж, Эмма? Но лично я, не верю в чувства господина Ряжского, а вот ты выглядишь влюбленной. Похорошела еще больше. Глаза сияют, как звезды. Губы так и склоняют к поцелуям. Может быть пообедаем сегодня вместе? Вспомним былые времена?

Он ждал моего ответа, забавно наморщив нос и щурился от яркого солнца, словно огромный рыжий кот, который недавно наелся сметаны.

Я застыла неподвижной восковой фигурой. Беркутов был самым последним человеком, которого я хотела бы встретить именно сегодня. Впрочем, возможно наша встреча поможет прояснить кое-что. У меня давно были подозрения на его счет, может быть стоит все выяснить именно сейчас?

— Петенька, твоя жена наверное опять в теплые края уехала? Ты потому такой смелый? Или горлышко твое быстро зажило? Или память у тебя короткая? А если, ты все еще при памяти, то вспомни пожалуйста, не давал ли ты большие взятки, в надежде на то, что канцелярские крыски будут тянуть время с выдачей мне вот этого документа?

Голубой лист украшенный печатями, словно мундир генерала орденами, взмыл вверх и легонько щелкнул по носу слегка побледневшего мужчину.

Беркутов дернулся, словно я нанесла ему настоящий и болезненный удар. Его лицо расплзлось в разные стороны, превращаясь в набор отдельных и не очень привлекательных черт. Застыл немой подковой рот, глаза стали злыми и бесцветными, словно грязное, покрытое изморозью стекло.

— Ты его все же получила! Ну, радуйся теперь. Твои потрепанные "Сладкие Хрящики" наконец-то начнут приносить баснословный доход. Только знай, что я как мешал тебе, так и буду мешать. Конечно раньше проще было. Совмещал так сказать, приятное с полезным. А, что оставалось делать? Ждать когда все мои клиенты в "Сладкие Хрящики", перекочуют? — Беркутов скрипнул зубами и посмотрел на меня так свирепо, что я даже попятилась.

— Не скрипи зубами Петенька, сломаешь. Лучше подумай, чем заниматься будешь, когда все твои клиенты предпочтут "Сладкие Хрящики". Сам понимаешь, что зарядная станция дает мне много преимуществ! — я гордо вкинула голову вверх и развернувшись пошла к ступенькам.

Старалась чтобы походка была легкой и уверенной, как у королевы которая победила. Долго чувствовала на спине злобный взгляд Беркутова. Эта встреча сильно испортила мне настроение. Уже не так ярко и радостно сияло весеннее солнце, а легкий ветерок, который пытался играть с голубым шарфиком из тонкого шелка, раздражал своей настойчивостью.

Хмурая и сердитая я вернулась домой, в "Сладкие Хрящики". Время приближалось к полудню, а мобилей на стоянке возле трактира было совсем немного. Один старый, потрепанный жизнью и дорогами ржавый монстр, который грозился рассыпаться прямо на стоянке и пара мобилей среднего класса, сияющие на солнце хромированными деталями.

— Ничего, теперь все будет по-другому, — тихо бормотала я себе под нос, когда торопливо шла по дорожке к дому.

Я торопливо поднялась на высокое деревянное крыльцо, которое явно требовало ремонта. Нижние ступеньки грозились рассыпаться, а верхние хоть охали и скрипели, как древняя старуха у которой разболелась спина, но еще были достаточно крепкими.

Дверь открыть не успела. Она распахнулась сама и Лимон виляя задом и повизгивая от радости, закружил вокруг меня желто-рыжим, мохнатым клубком. Я морщась от боли погладила лоб и кинулась поднимать свалившуюся с головы новую голубую шляпку. Ну, что за день такой! Второй раз меня подстерегают неприятности прямо на крыльце! Почему у меня такое чувство, что это еще не все? На задворках сознания мелькнула тревожная мысль. Я застыла в надежде поймать ее, но налетевшая на меня Лиза окончательно прогнала ее прочь.

— Эмма, ты приехала! Я очень ждала. У меня есть для тебя одна новость, — зашебетала девочка и попыталась поймать Лимона за ошейник. От резвого топота ее ног, недовольно взвыли скрипучие ступеньки.

— Лиза, давай позже, а? Я устала и голодна, как стая волков. Вот возьму и съем сейчас тебя вместе с Лимоном! Хотя нет, Лимона не трону, он наверное кислый!

В ответ на мою шутку Лиза рассмеялась заливисто и звонко. На розовых щечках показались ямочки. Пухлые губы приоткрылись демонстрируя выпавший недавно зуб.

— Не надо нас есть, Эмма. Пошли лучше в дом. Галина в гостиной уже стол накрыла, — деловито сказала девочка и прошмыгнув мимо меня скрылась в полумраке за распахнутой дверью.

За столом Лиза была рассеянной, но это не мешало ей тайно скармливать Лимону кусочки мяса из своей тарелки. Пес отлично понимал, что совершает преступление против правил. Он всякий раз громко проглотив тайное угощение, косился в мою сторону темно-карым, виноватым взглядом.

Ругать неразлучную парочку у меня не было сил. К тому же я пыталась понять, что именно меня так сильно беспокоит. Какая смутная, едва уловимая мысль мелькает, словно дразнится где-то там, на задворках сознания.

Когда обед был съеден, а на столе благодаря стараниям Галины был водружен бокастый, сверкающий начищенной медью самовар, Лиза вдруг посмотрела мне в глаза ясным, синезеленым взглядом.

— Эмма, ты не рассердишься, если я тебе скажу, что сегодня мы с Лимоном нечаянно зашли в новое помещение зарядной станции? — ее голос был очень решительным и серьезным.

Лимон услышав вопрос девочки, устало вздохнул и прикрыл лапами острую, вытянутую морду.

Чувствуя какой-то подвох, я постаралась казаться спокойной.

— Ругаться я конечно не буду, но позволь спросить, зачем вам с Лимоном нужно было туда ходить? Там пока еще безлюдно и холодно.

Лиза опустила глаза и пожала плечами. Сосредоточенно развернула конфету громко зашуршав ярким фантиком, но есть ее не стала, а протянула Лимону. Пес виновато покосился на меня, вздохнул и осторожно слизнул конфету розовым, длинным языком.

— Понимаешь Эмма, мне приснился сон. Не знаю это был хороший сон или плохой, но мне нужно было его проверить, — тихо проговорила Лиза, комкая белую салфетку в руках. — Мне нужно было убедиться в том, что я действительно не могу теперь зажигать звезды. Вот мы с Лимоном и пошли... Ты не волнуйся, я всегда внимательно наблюдала за тем, как работает все это зарядное оборудование. Сначала надо включить, а затем через эти медные трубочки, загрузить в большую прозрачную емкость нашу силу, наше синее сияние, да Эмма?

Лиза опустила голову, сосредоточив все свое внимание на белой, вышитой красным крестиком салфетке. Бедная салфетка в ее руках превратилась в тугий жгутик.

— Все верно девочка моя, все верно. Не знала, что ты такая наблюдательная. Хорошо. Ты попыталась перелить свою силу в резервуар. А, что же произошло дальше? — почему-то мой голос охрип. Возможно потому, что я уже знала ответ?

Мысль которая дразнила и тревожила меня на протяжении всего обеда, вдруг приобрела контуры, оформилась и теперь гаденько улыбалась строя мерзкие рожицы.

— Резервуар не наполнился. Я больше не могу зажигать звезды... Конечно с одной стороны это хорошо, ведь теперь меня никто не будет красть. Кому нужна девочка без дара? Но, с другой стороны Эмма, мне так грустно, словно я потеряла что-то важное, большое, — Лиза всхлипнула и поднесла к глазам скомканную, измученную салфетку.

Я почувствовала холод. Он зародился где-то в пятках, а теперь стремительно поднимался вверх стараясь достать и заморозить сердце. Наверное именно такие ощущения испытывает человек, когда ему выносят неутешительный, горький диагноз.

— Лиза, с даром или без него ты нужна всем. Нужна мне и Шурику. Нужна Лимону. Очень нужна своему папе, — я махнула рукой в ту сторону, где по моему разумению находился городской дом Загряжского. — Это я, похоже буду не нужна никому, если вдруг

все подтвердится...

Я тихонько прошептала эти слова себе под нос, и поднялась из-за стола. Одернула платье, пригладила волосы. Усмехнулась, понимая, что сейчас пытаюсь тянуть время перед тем, как узнать очевидную правду. Не знаю, что придумала бы еще, что-бы оттянуть момент истины, но мне помогла Лиза.

— Эмма, как ты думаешь, а ты еще можешь зажигать звезды? Может быть тебе тоже надо сходить в зарядную и проверить? — голос маленькой девочки звучал не по детски рассудительно, настойчиво и трезво.

— Да, ты права Елизавета, этот вопрос слишком для меня важный, и его надо выяснить немедленно, прямо вот сейчас, — проговорила я уже на ходу, решительно направляясь к выходу из гостиной.

— Эмма, попробуй еще раз. Закрой глаза и попробуй, — уговаривала меня Лиза, отталкивая от меня жалобно скулящего Лимона.

Я стояла неподвижно, не чувствуя боли в прикушенной до крови нижней губе. Глаза с надеждой смотрели на прозрачный, огромный резервуар. Он холодно блеснул округлыми боками и оставался совершенно пустым, невзирая на мои титанические усилия. Синий свет так и не заполнил его.

— Нет Лиза, тут закрывай глаза, открывай глаза, хоть прищуривай их, все равно толку не будет! — я пнула ногой клубок состоящий из больших и маленьких медных трубочек, которые сплелись с похожими циферблаты, круглыми приборами.

Хотелось все крушить и громить, может быть даже взять молоток побольше и со всей силы грохнуть им об гладкий, прозрачный бок, который как мне казалось ехидно подмигивал серой, безнадежной пустотой.

Но, я твердо помнила о том, что рядом находится ребенок. Немного испуганный, но не по годам рассудительный и мудрый ребенок.

— Эмма, я думаю, что тебе нужна психологическая помощь. Помнишь, ты такое говорила, когда я вернулась домой, после похищения? Ты тогда, все время старалась быть рядом, рассказывала смешные истории, читала книги, успокаивала. Вот я и подумала, что теперь тебе тоже нужно, что-бы тебя успокоили. Поедем в город? Там профессор, Шурик, папа — они точно тебе помогут.

В сине-зеленых глазах Лизы было столько сочувствия и тревоги, что моя злость постепенно таяла, будто ледяная лужа согретая лучами солнца.

— Ты сегодня не перестаешь меня удивлять Лиза, — я старалась, что-бы мой голос звучал весело и беспечно. — Конечно нужно ехать в город, возможно Стефан Стефанович сможет мне помочь!

Глава тридцать третья. Виски с лимонным соком, очень хороший рецепт

— Эмма Платоновна, голубушка вы моя, не слышал я о таком, что-бы Дар вдруг мог исчезнуть... Правда если рассуждать логически, то все произошло не вдруг и не случайно. Очевидно вы с Лизой использовали до самой последней капельки все резервы, которыми так щедро одарила вас природа. Не напрасно, в правилах пользования Даром, рекомендуется использовать его дозированно, постепенно. Для этого и были изобретены устройства для зарядных станций, — Стефан Стефанович вздохнул и посмотрел на меня сочувственным взглядом поверх своих круглых очков.

Его сухонькая, морщинистая рука похожая на куриную лапку протянула мне рюмку с коктейлем из виски, наполненную почти до краев. Аккуратно подстриженные, розовые ногти блеснули в желтом, мягком свете керосиновой лампы жемчужным мерцанием.

— Пейте, Эмма Платоновна! Послушайте меня, старика. Я конечно мог бы вам и валерьяночки накапать, но в данном случае, коктейль из виски с лимонным соком и сахарным сиропом будет вполне соответствовать обстановке и обстоятельствам. Глядишь, еще пару рюмочек этого волшебного напитка и вам все покажется такой ерундой! — профессор зашелся дребезжащим смехом. — Вот если откровенно говорить, то за Лизу я искренне рад. Не совсем завидная доля, у вас, у владеющих синим Даром.

Я повертела высокую и широкую рюмку в руках, посмотрела сквозь узорчатый хрусталь на желтый свет лампы стоящей на письменном столе. Рядом с лампой лежали исписанные мелким, бисерным почерком профессора толстые тетради. Стопка книг похожая на опасно наклонившийся многоэтажный дом, тяжело опиралась на высокую бутылку с виски. Свежевыжатый лимонный сок в прозрачном широком стакане, был похож на мутный, желтовато-зеленый кисель. Рядом трагично скукожившись валялась пустая кожура лимона. Она еще была жива. Еще задорно и ярко блестел ее ярко-желтый бок, а свежий запах далеких и жарких стран все еще будоражил обоняние. Сейчас я наверное была похожа именно на нее, несчастную, выжатую досуха оболочку.

Широкая рюмочка была решительно выпита. Обжигающая горло, кисло-сладкая жидкость уютно свернулась на дне желудка теплым клубочком. Голова немного закружилась, зато пружина, которая в последние часы сжимала мое сердце распрямилась. Действительно, с какой стати я поддалась панике? Ну, не будет в "Сладких Хрящиках" зарядной станции, так оборудование дорогое, его всегда можно продать. Интересно, как тут объявления о продаже даются? Наверное через газеты. В конце концов, можно продать и саму усадьбу вместе с трактиром, постоянным двором и не совсем доброй славой. Не получилась из меня успешная хозяйка. Не смогла я победить заклятого Петю Беркутова. Так из-за этого вешаться? Вот продам все и отправлюсь в путешествие. Мир такой большой, такой наверное интересный, а я застряла в "Сладких Хрящиках", которые находятся у самого черта на куличках. У профессора крыша над головой есть, вот какая огромная комната у него в этом городском доме. Дети тоже пристроены, у них родной отец объявился... А вот кстати, где его в такое позднее время черти носят? Лиза так хотела его увидеть, но не дождалась и уснула. Шурик, тоже не стал ждать приезда непутевого папаши, по всему видно, что привык к таким поздним возвращениям Загрязского...

— Эмма Платоновна, вы о чем задумались, голубушка? — голос Стефан Стефановича

вырвал меня из размышлений, словно крючок рыболова размечтавшегося карася.

— О будущем думаю, Стефан Стефанович, о своем будущем. Удивительная вещь, эти ваши виски с лимонным соком и сахаром, мозги прочистили не хуже чем горчица горло. Я сейчас поняла, что жалеть о потраченных усилиях не стоит. И злиться на конкурента тоже не стоит, он действительно прекрасный руководитель своего бизнеса. Подленький немного, так наверное в бизнесе честность не самое правильное качество... Мне не дано этого. Обманывать не приучена, а на праведности, скрипичных концертах, да обильных, мясных рецептах народной кухни, "Сладкие Хрящики" не поднять. Вот хочу посоветоваться с вами, профессор. Как вы думаете, если все объяснить детям и уехать, они поймут меня? — мой голос звучал угрюмо и мрачно.

Сухонькая фигура пожилого мужчины от моих слов стала еще меньше. Он совсем утонул в своем высоком, огромном кресле.

— Что это вы надумали, Эмма Платоновна? Неужто бросить нас решили? Воля ваша конечно. Я не совсем понимаю ваши отношения с мужем, да и понимать не стремлюсь. Но, вот отношения с детьми у вас прекрасные, не у всякой родной матери такое взаимопонимание существует. Лиза тосковать будет, а у Александра переходный возраст намечается. Я боюсь, что ваше решение уехать, больно ударит его, — профессор сокрушенно, с явным огорчением покачал головой, его бледные щеки от волнения пошли красными пятнами, а бледно-голубые глаза за стеклами круглых очков подозрительно увлажнились.

Отвечать на вопросы Стефана Стефановича я не спешила. Сама еще не знала, насколько серьезной была моя скороспелая мысль о продаже тетушкиного наследва и полного исчезновения с горизонта семьи Загряжских. Семьи Загряжских? Я повторила про себя эту коротенькую фразу и задумалась. Что такое семья, и была ли у меня она?

Додумать столь важную мысль мне помешал голос хозяина дома. Он раздался за спиной неожиданно и очень громко. Настолько громко, что мы с профессором просто подпрыгнули в своих креслах от необъяснимого смущения, смешанного с толикой страха. Так наверное себя чувствуют заговорщики, когда их разоблачает суровый хозяин своего королевства.

— Стефан Стефанович, не ожидал от вас такого. Откуда почтенный профессор посвятивший свою жизнь служению науки знает рецепт этого замечательного коктейля?

Загряжский подошел к письменному столу, где среди книг и тетрадей сиротливым, неуместным натюрмортом смотрелись пустые рюмки, квадратная бутылка виски с черной наклейкой, белая сахарница с торчащей из нее ложкой, мутный сок в широком стакане и остатки измученного лимона.

Мужчина без стеснения, со знанием дела налил в широкий стакан золотистый виски из квадратной бутылки, щедро сыпанул туда сахар и помешал смесь серебрянной ложечкой, извлекая из стенок стакана мелодичные и звонкие звуки.

Он задумчиво и критично понюхал то, что у него получилось в результате этого химического опыта, сморщился и в два глотка осушил прозрачную посудину.

— Неплохо... Но лучше когда в коктейль добавляется не сахар, а сахарный сироп, так меньше риска, что такая нежная дама, как моя жена напьется до состояния пьного сапожника, — голос Загряжского сейчас напоминал обледенелый бархат. Он был мягким и холодным одновременно.

Я дернулась как от удара. Утренняя встреча с Беркутовым, который открыл мне глаза на истинные причины нашего бурного романа. Недавнее потрясение от потери синего Дара.

Вызванное этим открытием ощущение своей беспомощности и понимание того, что я нахожусь на краю денежного краха, скрутилось внутри меня таким тугим узлом, что меня просто прорвал словестный поток.

— Я не ваша жена, Загряжский! Завтра же подам на развод, Ряжской мне тоже надоело быть! Надеюсь, что существует юридические законы, которые позволят вам стать опекуном собственных детей. Я всего лишь мачеха, а значит с меня и спрос невелик. Бойтесь, как все воспримет общество? Да хорошо оно воспримет. Можете сочинить любую легенду, я ее поддержу. Например, беспутная мачеха потеряла свой Дар и пала жертвой своего неумеренного пристрастия к алкоголю. Вы человек благородный и милосердный, пожалели детишек и усыновили их. В итоге и овцы целы и волки сыты. Дети останутся на законных основаниях с родным отцом, а гадкая мачеха продаст подлому Беркутову "Сладкие Хрящики" и уедет. Давно хотела посмотреть мир. Конечно по детям скучать буду, но говорят, что разлука творит чудеса. Пройдет пара-тройка лет и думаю, что мы будем все реже вспоминать друг друга. А возможно тебе Загряжский хватит ума и найдешь себе достойную, умную и добрую жену. Она станет отличной матерью твоим детям. Позволь, только совет дать — любвеобильность свою мерзкую придется выжигать каленым железом!

Я замолчала и перевела дух. Горло от такой долгой и пламенной речи пересохло, а из напитков на столе стояла лишь квадратная бутылка с золотистой жидкостью, красиво сияющей в желтых лучах лампы. Я решительно налила в свою рюмку виски и так же решительно выпила ее до дна. Обратила внимание на то обстоятельство, что профессора в кресле уже не было. Видимо он незаметно и тихо покинул свою комнату в самом начале моего монолога.

— У тебя пропал Дар, Эмма? А у Лизы? Надеюсь тоже исчез? Если это правда, то новость замечательная! — замороженный, обледенелый бархат исчез из голоса Загряжского, сейчас он звучал по мальчишески восторженно.

Мужчина быстро вышел из комнаты, а вернулся через несколько минут. В руках у него были какие-то бумаги.

— Вот, Эмма, это документы подтверждающие то, что с сегодняшнего дня ты являешься полноправной и единственной владелицей того рудника, который сейчас сияет синим светом на всю округу. Думаю, что этого сияния хватит на долгие годы. Представляешь, если продавать не услуги по зарядке мобильных, а уже заряженные камни? Такого еще не было в истории, но всегда бывают моменты, когда жизнь вносит свои поправки. Ты теперь, не только единственная владелица сияющего рудника, а и единственный на всю страну продавец готовых синих камней. Это огромные перспективы, Эмма! Можно например продавать готовые лампы, вместо привычных керосиновых. Можно... Сама придумаешь! Я спешил оформить бумаги именно сегодня, потому и задержался. Вот как знал, что они будут весьма кстати, — Загряжский улыбался искренне и открыто, его лицо было довольным. — Ты можешь Эмма, исполнить свою угрозу, бросить нас и уехать, но только не заставляй выжигать мою любвеобильность каленым железом. Я представил, это наверное очень больно! — мужчина вдруг прыснул от едва сдерживаемого смеха, посмотрел на меня своим прежним, таким привычным, насмешливым взглядом.

Глава тридцать четвертая. Один шаг вперед, два шага назад

Очертания городского пруда очень напоминали очертания Африки на географической карте. Но Африка вспомнилась мне не только этим. Аномально жаркое лето накрыло наш северный город, словно чугунная крышка раскаленную сковородку. Людям, которые не привыкли к таким фокусам от природы, хотелось прохлады и они спешили ее получить в городском парке заросшем вековыми соснами, елями и березами. Огромный пруд посередине парка, сейчас пестрел большими и маленькими лодками, которые бороздили его прохладные, водные просторы.

Сегодня я тоже поддалась всеобщему помешательству. Наша лодка выкрашенная в бело-красные цвета, неторопясь рассекала слегка зеленоватую, ленивую от жары воду. Весла ритмично пели свою простенькую мелодию и старались не запутаться в солнечных бликах.

Загряжский сидел напротив меня в белой, расстегнутой на груди рубашке и казалось, что солнце совсем не доставляет ему хлопот. Сильные руки гребли уверенно, размашисто. Сине-зеленые глаза слегка щурились, а на губах плясала привычная мне, игриво-насмешливая улыбка.

Мы молчали. Я все еще сердилась на себя за то, что так легко поддалась уговорам мужчины и согласилась на эту почти романтическую прогулку. Краем глаза наблюдала за тем, как на берегу мелькает желтым пятном Лимон, старательно пытаюсь поймать воланчик, которым играют в бадминтон Лиза и Шурик. Стефан Стефанович сидит на скамейке неподалеку от них и пытается читать газету. Но ветер ему не дает, он треплет газету, словно молодой и задорный щенок. Нарядные, веселые люди иногда заслоняют мне весь вид, и тогда я почему-то начинаю волноваться. Хотя сейчас это наверно смешно. Теперь мало найдется охотников, что-бы выкрасть Лизу. К тому же и она, и Шурик, знают несколько действенных приемов для обороны, которым я их научила.

Лодка, покорная сильным взмахам весел, удаляется от берега, разговор между мной и Загряжским все не возникает. Между нами стоит тишина. Громкий плеск воды, смех на соседних суденышках, отдаленный, веселый лай Лимона все это не в счет. Тишина неловкая, напряженная, почти физически ощутимая, окутала нас с Загряжским, словно плаш сводницы. Кажется, что если сейчас не разорвать эту многозначительную тишину, у меня еще больше покраснеют щеки. Я пытаюсь придумать тему для разговора, но мужчина меня опережает.

— Эмма, я говорил, что у тебя очень красивые глаза? — его голос звучит немного хриловато, все же управление большой лодкой и жара не проходят для мужчины бесследно.

Я усмехаюсь. Поправляю широкие поля соломенной шляпки, которую все не оставляет в покое настырный, докучливый ветерок.

— Ага, — тайно обижаюсь на такой, по моему мнению, идиотский и лживый комплимент. — Глаза у меня и правда красивые... Один правый, другой левый...

Загряжский закидывает голову и громко смеется, но чувствуется, что за этим громким смехом прячется растерянность. Я смотрю на мужчину и ловлю себя на том, что люблю. Нет, не Загряжским, строго рассуждаю я. Просто отдаю дань мужской красоте. Вот изваяла же природа такое совершенство!

Размах плечей не сильно широкий, но сколько в них силы и грации. Напряженные

мышцы так рельефны и отчетливы, что Давид в исполнении знаменитого Микеланджело, просто щуплый цыпленок. Мой взгляд поднимается вверх. Против моей воли ласкает высокие скулы, разлет широких бровей, твердый и четкий рисунок смеющихся губ. Хочется приподняться и провести по ним кончиком пальца. А может быть, просто поцеловать.

— Эмма? О чем размечталась? Мне показалось, что сейчас ты думаешь о поцелуях, — голос Загряжского все еще вспыхивает искорками недавнего смеха, кажется ему доставляет истинное удовольствие насмеяться надо мной.

Я решила приструнить весельчака. Притворно расвирипев, я наклоняюсь к воде и пригоршни сверкающей на солнце, прохладной влаги заставляют Загряжского бросить весла. Он смешно фыркая трясет головой и старается вытереть ладонями мокрые глаза.

— Поворачивай лодку к берегу, Загряжский, если не хочешь что-бы я тебя утопила, — и очередная порция воды обрушивается на мокрое, ненавистное лицо. На белую, расстегнутую на груди рубашку, на сильную, мускулистую шею и плечи.

— Есть, капитан! — покорно соглашается со мной мужчина.

Лодка танцует на месте, оставляя за кормой белый, вспененный след. Она разворачивается так резко, что я крепко хватаюсь за ее разогретые солнцем, деревянные бока. Оставленная без присмотра моя соломенная шляпка, тут же становится добычей ветра. Он срывает ее с головы, подбрасывает вверх, а затем бережно пускает на зеленоватую воду, словно это не шляпка, а маленький корабль.

— Догоним капитан? — спрашивает меня мужчина и уже торопится опять развернуть лодку.

— Не, стоит беспокоиться Загряжский, пусть плавает. Все равно она мне не нравилась, — я отворачиваюсь от ретивого гребца и стараюсь сдержать слезы.

— Тебе Эмма, видней, — дипломатично замечает мужчина и лодка стремительно несется к берегу.

Мне совсем не нравится мое настроение. Что это со мной? Я задаю вопрос и прислушиваюсь сама к себе. В последнее время я все больше чувствую себя мухой. Большой и глупой мухой, которая сердито жужит, деловито перебирает мохнатыми лапками, а сама все больше запутывается в паутине. И дело тут не только в сумасшедшей, гипнотической харизме Загряжского. Лиза, Шурик, Стефан Стефанович и даже беспокойный Лимон, все это опутывает меня. Заставляет думать, что у меня есть семья. Но это, ведь совсем не так! Какая семья, если мы с Загряжским совсем разные люди?

Лодка глухо стучит красно-белым боком о деревянный причал. Первым из нее выбирается Загряжский, ловкий и быстрый, словно обезьяна, он одним слитным движением подтаскивает лодку поближе и привязывает ее к серому, отполированному тысячами прикосновений, высокому столбу.

Я игнорирую его протянутую руку и легко взмываю над красно-белым суденышком, еще мгновение и мои ноги прочно стоят на дощатом полу причала.

Мы молча идем по мягкой и зеленой траве к детям. Первый нас заметил Лимон. Он рванул нам навстречу, прескакивая через ноги отдыхающих людей, радостно и громко лая. Закрутился вокруг, повизгивая от избытка переполняющих его ликующих эмоций.

Следом за собакой прибежали дети. Загорелые и веселые. Шурик за последнее время очень подрос, его детский голос, иногда вдруг начинал сипеть, словно подавившийся зернышком петух, а иногда срывался на гулкий басок.

— Папа, ма..., гм... Эмма, — пойдете скорее, Стефан Стефанович нам уже столик

занял и заказ сделал.

Мы сидели за круглым столом, под огромным, полосатым зонтиком. Неугомонный ветер трепал концы белой скатерти, красный бант в черных волосах Лизы, мои локоны цвета выгоревшего на солнце льна. Что-то забавное рассказывал Стефан Стефанович, ломающимся баском смеялся Шурик, серебряным колокольчиком звенел смех Лизы. Лишь один Загряжский был задумчив. Он хмурил свои широкие брови и отрешенно покусывал длинную травинку.

Я вдруг поняла о чем он так напряженно, вдумчиво размышляет. Потянулась к мужчине, почти носом уткнулась в его гладко выбритую, горячую от солнца щеку.

— Что Загряжский, тоже ощущаешь себя большой мухой, которая угодила в семейные сети? — мой голос был тихим, сочувствующим.

Уверенная в том, что я угадала мысли мужчины, я откачнулась от него, поскребла ложечкой по почти пустой тарелке с растаявшим, розовым мороженым. Всем своим видом я великодушно давала Загряжскому собраться с мыслями.

Он долго думать не стал. Вздрогнул от моих слов, как от холодной воды. Непривычная робость вдруг проглянула в нем. Мужчина, словно испугался того нового и странного чувства, которое сейчас светилось в его сине-зеленых глазах.

— Откуда ты все знаешь, Эмма? — выдохнул он мне в ухо горячим шепотом.

Глава тридцать пятая. Ограбление

Созидать всегда приятно. А в последнее время я этим только и занималась. Нет конечно, я крышу сама не перекрывала, возле новенького забора с молотком в руках не стояла, молодой сад с огородом лопатой не копала. Руки у меня были чистые а спина по вечерам не ныла от непосильного труда. Зато голова часто шла кругом.

Управлять большой трудовой армией, занятие тоже не из легких. Все требовало моего контроля и внимания. И крепко запивший совсем не вовремя Григорий, и строители, что так и норовили стянуть ящик-другой новеньких гвоздей, и печник который перекладывал камин в доме, но делал это так криво, что кирпичи смотрелись так, словно выбитые зубы деревенского задиры.

Дети и Стефан Стефанович уехали вместе с Загряжским отдыхать в теплые края. Звали и меня, но я решительно отказалась. Разыгрывать спектакль где нам с Загряжским отводилась особенная роль счастливой семейной пары, у меня не было сил. В оправдание сослалась на стройку в "Сладких Хрящиках", но на самом деле я боялась... Я очень боялась, что наши отношения с Загряжским окончательно испортятся, либо перейдут на совершенно новый уровень. Кажется он тоже боялся именно этого, поэтому с моим твердым решением остаться, согласился слишком поспешно. Вначале я чувствовала себя вольной птицей. Даже начала отвечать на ухаживания молодого, но очень талантливое художника, которого я наняла для написания нового портрета Агафьи Платоновны. Но бежали дни заполненные хлопотами и заботами, и я вдруг четко осознала, что мне очень не хватает сине-зеленых, насмешливых глаз Загряжского. Милого щебета веселой и непоседливой Лизы, подростковой дерзости Шурика и мудрых советов Стефана Стефановича. Я даже соскучилась о бестолковом, вечно путающемся под ногами Лимоне.

— Эмма Платоновна, не могу представить вас румяной пампушкой, а ведь именно такой, судя по вашим словам должна выглядеть тетушка Агафья Платоновна, — хриловатый голос художника Аркадия, был бархатным, немножко шершавым, как у исполнителей тягучих блюзов.

У Аркадия было очень молодое лицо и седые, как самая белая бумага волосы. Тонкий, почти незаметный шрам пересекал наискось его правую скулу, слегка задевал край губы, от чего казалось, что молодой мужчина постоянно весело ухмыляется. Эта кривая усмешка никак не вязалась с выражением его серых, холодных глаз. Когда художник слишком увлекался творческим процессом, то его серые глаза начинали отливать металлической синевой. В такие моменты во всем его облике появлялось нечто демоническое, пугающее.

Тогда я зябко куталась в зеленую шелковую шаль в которой позировала и старалась разговорами прогнать невесть откуда взявшийся страх. Вот и сейчас, поспешила ответить молодому живописцу.

— Аркадий, напрягите свое воображение. Мы с тетушкой внешне очень похожи. Только мысленно прибавьте мне килограммов двадцать пять, тридцать. У вас получится, я даже не сомневаюсь. Вот смотрите, как складки скатерти удачно выписали, а колода карт совсем, как настоящая! — мой голос звучал преувеличенно бодро и льстиво.

На самом деле я уже мысленно ругала себя за этот эксперимент с портретом Агафьи Платоновны. Нужно было спрятать раму с холстом на чердаке и забыть про нее. Но, что-то не давало мне это сделать, и вот теперь позирую Аркадию накинув на плечи зеленую шаль.

Молодой художник смотрит на меня пристально и вдруг улыбается. Улыбка выходит кривой, но из серых глаз исчезает металлическая, пугающая меня синева.

— Килограммов двадцать пять? Делать нечего, пририсуем мы эти килограммы. Только обещайте мне Эмма Платоновна, что когда закончу рисовать вашу тетушку, вы мне позволите написать ваш портрет. Очень хочется увековечить истинное совершенство лица и фигуры, которым так щедро одарила вас природа, — Аркадий взглянул на меня искоса, закусил губу и вдруг покраснел.

Он сейчас выглядел, как испугавшийся собственной смелости школьник, ничего демонического и пугающего в нем не было совершенно.

Я тоже слегка смутилась. Приятно ощущать себя предметом обожания молоденького художника. Хотя возраст Аркадия, я так и не смогла определить. Иногда он казался мне совсем мальчишкой, а иногда я внутренне вздрагивала от исходящей от него темной и даже злой силы. Такое ощущение я испытывала, только один раз в жизни. В той, в прошлой моей жизни. Тогда я вела дело о неуловимом, жестоком маньяке. Но теперь мне не хотелось прислушиваться к своим ощущениям. Разве такой талантливый художник может быть злодеем?

Пока мы взаимно и мило смущались, в гостиную вбежала запыхавшаяся горничная Галина. Белый фартук был запачкан кровью, под глазом медленно наливался синяк.

— Эмма Платоновна, там такое творится, такое творится! — голос женщины дрожал и срывался на истерический визг.

— Так говоришь, что их пять человек? Приехали около часа назад на огромном мобиле, зашли в трактир и заказали выпивку? За это время вели себя как последние скоты. Громко хохотали, ругались неприлично, щипали официанток, в конечном счете распугали всех немногочисленных посетителей? А когда Григорий сделал замечание, избili его так сильно, что и тебе досталось? — я быстро бежала по новой дорожке из гладкого серого камня, вопросы сыпались из меня, словно горох из дырявого мешка, поэтому мой голос срывался и сипел.

Под зеленой шалью я прятала тот самый пистолет, который когда-то украшал стену с оружием в кабинете папеньки Платона Платоновича.

Галина семенила рядом со мной, на ходу снимая белый фартук и вытирая им потное лицо и кровь с разбитой губы.

— Да, Эмма Платоновна, все так и было. За Григория переживаю, не убили ли его природы? Я было кинулась ему на подмогу, но он велел вас позвать. А повара и официанты попрятались, оно конечно верно... Вон Григорий какой сильный, а и ему досталось. Они все как на подбор, здоровенные мордвороты, — женщина возбужденно махала руками, говорила прерывистой скороговоркой и старалась от меня не отставать.

Маленькая, решительная и очень смелая, она сейчас напоминала мне рвущуюся в бой голосистую и бесстрашную дворняжку, которая защищает свое подворье от врагов. Но вот беда, врагов много, судя по рассказу Галины, а отбиваться от них некому... Григорий выведен из строя, старшая горничная всего лишь слабая женщина, оружие есть только у меня... Я на секунду приостановилась и оглянулась назад.

Что я там хотела увидеть? Наверное надеялась, что Аркадий тоже бежит следом, но дорожка вымощенная новеньким серым камнем была пустой. Неужели струсил мой художник? Ну что же, он мне в охранники не нанимался, придется одной принимать бой. Конечно помощь бы позвать...

— Галя, ты мобиль водить можешь? До города доедешь? — я так резко затормозила, что женщина едва не налетела на меня.

Белый фартук в пятнах крови упал в зеленую траву, а Галина всплеснула руками.

— Правильно думаете Эмма Платоновна, помощь нам сейчас нужна! Давайте вместе в город рванем, полицию надо позвать! Боюсь, что и вас эти мордороты не сильно испугаются! — она смотрела на меня не мигая. На дне черных глаз появился страх. Видимо только сейчас, храбрая и отважная женщина поняла, что наше положение очень серьезное.

— Нет, в город поедешь одна. Гони так быстро, как только сможешь. Сразу к Добужинскому беги. Он тоже пусть не мешкает. Людей надо побольше взять. Поняла? — требовительно спросила я у притихшей женщины.

Она хотела что-то мне возразить, даже рот раскрыла, но тут со стороны трактира раздался пронзительный женский визг. Галина спешно направилась в сторону моего мобиля. Визг повторился и женщина перешла с торопливого шага на быстрый бег.

Проводив взглядом вихрем сорвавшийся с места мобиль, я сделала глубокий вдох и выдох, погладила под шалью холодный бок оружия.

Дверь в трактир была распахнута, из прокуренного зала доносился грубый, мужской хохот. Я знала, что означает это скотское веселье. Обычно так визгливо смеется стая гиен в человеческом обличьи, когда окружает слабого.

Задержалась на пороге, обреченно оглянулась назад. Увидела, что с высокого крыльца торопливо спускается высокая мужская фигура и на душе стало немного легче. Хотя понимала, что Аркадий всего лишь художник, а не герой-спаситель из крутого боевика. Но все же в данной ситуации, даже такая подмога будет не лишней.

Отбросив все сомнения я шагнула в большой зал трактира. Меня сразу же окутал противный запах дешевых сигарет и перегара. Он смешивался с запахом свежей крови и особом, резким смрадом разгоряченных похотью мужчин.

Молодые и не очень, они окружили стол на котором лежала молоденькая официантка в разорванном платье. Подбадривая рыжего, худого парнишку, что стоял ко мне спиной со спущенными штанами и ослепительно белым задом, бандиты отпускали грязные шутки и советы.

Занятые своим грязным делом они совсем не замечали меня. Я огляделась по сторонам, пытаюсь не ошибиться с правильным решением. Мой взгляд наткнулся на мужчину, который не принимал участие в общем веселье, а сидел в стороне и мрачно потягивал пиво из глиняной кружки. Похоже, что мужчина научился контролировать свою мимику очень давно. Лицо его было бесстрастным, а очень высокий и выпуклый лоб, придавал ему вид выдающегося мыслителя. Движения мужчины были пренебрежительны и ленивы, это натолкнуло меня на мысль, что бесстрастный любитель пива мог быть главным в этой компании сорвавшихся с цепи гиен.

Стараясь двигаться бесшумно и неслышно, я приблизилась к мужчине и холодный ствол оружия уперся ему прямо в лицо.

Он резко и брезгливо откинул голову назад, словно у него под носом сейчас был не сверкающий сталью пистолет, а протухший кусок мяса.

— Дай команду своим шакалам, пусть оставят девочку в покое! — очевидно мой тихий шепот для него был подобен раскату грома.

"Мыслитель" дернулся, попытался дотянуться до оружие, которое лежало на краю стола, но не успел. Я смахнула его свободной рукой. Большая пушка, очень похожая на

мушкет пирата, глухо шлепнулась о деревянный пол и застыла где-то вдалеке от стола.

— Ты кто такая, что-бы приказывать мне? Возможно захотела занять место рядом с девчонкой? Стол широкий, вы обе там поместитесь, — его холодный голос был равнодушным и медленным, как голос старого крупье в казино.

Я молчала. Скрытое бешенство начинало закипать во мне, словно острое варево в котле. Оно еще было смешано со страхом и сомнением, но уже требовало выхода. Плавно нажала на спусковой крючок, барабан провернулся с тихим, почти нежным звуком.

— Мне не нравится ваш тон, милейший. И не нравится ход ваших мыслей. Наверное в моем трактире подают слишком крепкий алкоголь, он затуманил ваш мозг. Прежде чем я окажусь на столе, ваша шея поймает пулю, — яростно плевалась словами, мне нужно было убедить своего собеседника, что я совсем не шучу.

Мужчина скосил на меня горящий ненавистью взгляд и одарил сладкой, мерзкой улыбочкой, которую я поспешила вернуть ему в виде нахальной, холодной ухмылки.

— А-аа, так ты и есть, та самая хозяйка здешнего трактира. Эмма Платоновна? Что же раньше не представилась, я бы не был таким грубым, — он рассмеялся, но в его голосе не было и тени веселья.

— Эй, ребята! Хватит на сегодня развлечений. Боюсь, что Аркадий не одобрит, подобного скотства!

Толпа возле стола замерла. В нашу сторону стали поворачиваться распаленные похотью и безнаказанным развратом рожи. Назвать лицами эти красные, мерзкие маски у меня просто не повернулся бы язык. Блудливые и масляные взгляды заскользили по моему лицу и фигуре. Тяжелый, циничный блеск мужских глаз мне не очень понравился.

— Философ, ты не прав! Дай закончить с девчонкой, очередь ломать из-за твоей прихоти мы не будем!

Самый здоровый детина, подмигнув мне и запрокинув голову разразился громким, грубым хохотом. Таким же грубым хохотом смеялись и остальные бандиты.

— Закройте рты, и держите их все время на замке. Иначе мне придется самому отрезать вам языки. Что вы тут устроили, олухи? Я же сказал, что-бы вели себя прилично. Сказал? — голос Аркадия был низким и грубым, казалось, что он не говорил а рычал.

Грубый хохот смолк почти мгновенно. Отвратительные, потные рожи еще минуту назад пламеневшие от сладострастного предвкушения, вдруг стали белыми и испуганными.

Рыжий, веснушчатый парень с голой задницей и спущенными штанами так и застыл наклонившись над столом и не решаясь повернуться к грозному предводителю. Воспользовавшись моментом, девушка сползла со стола и всхлипывая, стараясь запахнуть разорванную на груди рубашку, бросилась в сторону кухни.

Я стояла не в силах пошевелиться. Мои мысли прыгали туда-сюда, как сумасшедшие зайцы. Аркадий главарь этой банды? Талантливый художник, интересный и учтивый собеседник, мальчишка который смущается всякий раз, когда я смотрю на него пристально, краснеющий от случайных прикосновений наших рук?

Оружие в моих руках дрогнуло. Реакция "мыслителя" оказалась мгновенной, он вскочил и резко оттолкнул меня. Курок был взведен и выстрел прозвучал незамедлительно. Станным образом пуля попала прямо в ослепительно белую, покрытую веснушками ягодицу несостоявшегося насильника. Парень охнул, испуганно обернулся. В голубых глазах обрамленных рыжими, густыми ресницами застыло удивленное выражение.

Где-то в глубине трактирного зала жалобно и тихо скулил рыжий парень. Очевидно

пуля застряла в мягких тканях и теперь доставляла веснушчатому насильнику ощутимые страдания.

Остальные бандиты вели себя тихо. Они изредка переговаривались и старались накачать алкоголем пострадавшего коллегу. Мужчины, которые еще недавно показались мне настоящими громилами, как то вдруг стали меньше ростом, они словно скукожились и усохли. Куда подевался их кураж и возбуждение? Иногда я ловила на себе косые взгляды, в которых без труда читалась ненависть вперемежку с опасливой осторожностью.

— Эмма Платоновна, я хочу попросить у вас прощение за гадкое, непристойное поведение моих подопечных. Сами понимаете, что особым воспитанием и вежливостью эти парни никогда не могли похвастаться, — голос сидящего напротив меня Аркадия был усталым.

Мужчина смотрел на меня катая во рту тонкую, незажженную сигарету. Она подпрыгивала в его узких, твердых губах, словно была на невидимых пружинках.

Мне казалось, что грозный предводитель банды, которого я еще полчаса назад считала молодым и талантливым художником, слегка волновался. У него подрагивали руки перепачканные охрой и зеленой краской, только лицо профессионального игрока оставалось спокойным. Тонкий, бледный шрам пересекающий скулу и бровь, как всегда слегка приподнимал уголок губы, и от этого нервно подпрыгивающая сигарета грозила упасть на документы, которые лежали на столе.

Я уже успела ознакомиться с текстом, который был написан на них четким и ровным почерком, без всяких легкомысленных завитушек и росчерков.

Эти бумаги были составлены очень грамотно. Если верить тексту и дате поставленной под ним, то я уже давно продала рудник с сияющими, синими камнями некому господину. Фамилия и имя таинственного покупателя были мне совершенно незнакомы. Сумма сделки там была такой огромной, что я протяжно вздохнула. Ведь платить по правилам навязанной мне игры, никто не собирался.

Свою подпись я пока отказалась ставить под этим документом, но уже чувствовала, что проиграла.

— Эмма Платоновна, советую вам по дружески, подпишитесь под этим текстом и не ищите лазейки. Их просто нет. Поверьте, мой заказчик человек почти всемогущий и очень неуравновешенный, взбалмошный. Если ему взбрела в голову мысль, что сияющие камни он получит именно таким путем, то так оно и будет. Зачем вы своим упрямством, обрекаете себя на жизнь в вечном страхе? У вас же дети... По моим сведениям девочка уже испытала на себе все ужасы похищения. Боюсь, что второго раза психика малышки может и не выдержать. Есть еще мальчик... Однажды он может не прийти домой с занятий в гимназии... А может случайно попасть под мобиль. Может...

— Да заткнитесь вы, Аркадий! Понятно мне, что рычаги давления у вас имеются. К совести вашей тоже взывать не буду. Вы на работе, и выполняете ее хоть и очень топорно, но зато верно, — я вдруг рассмеялась. — Мне в голову пришла забавная мысль! У меня вы тоже работаете. Я верила вам... Я так радовалась, что нашла такого талантливого художника! Оказалось, что ваши таланты весьма разнообразны, прямо на любой вкус. Аркадий признавайтесь, вы намеренно пытались меня соблазнить?

Мужчина усталым жестом пригладил белые волосы, вынул изо рта тонкую папиросу и смял ее крепкими пальцами, блеснули аккуратно подстриженные розовые ногти. Он окинул меня странным взглядом.

— Э-э-э-ммма, — произнес Аркадий медленно, словно пробуя мое имя на вкус. — Ах, Э-эмма, если бы ты знала, как я иногда жалею, что бросил честное ремесло художника... Теперь за моими плечами столько дерьма, что выкрутиться уже невозможно. Ты удивительная женщина, Э-эмма, ты создана что-бы быть музой. Как только увидел тебя, сразу понял, что задание провалю... Это хорошо, что получилось именно так. Обманывать тебя долго я бы не смог.

Он встал из-за стола и шагнул ко мне. Рывком поднял меня со стула и поцеловал долгим поцелуем, который больше напоминал жалящий укус.

— Аркадий, надо уезжать! С минуту на минуту здесь будет полиция. Пусть дамочка подпишет бумаги, она умная девочка и все поняла, — грубый голос принадлежащий "Мыслителю", подействовал на нас с Аркадием, как отрезвляющий ушат холодной воды.

Мужчина оторвался от моих губ, секунду-другую в его затуманенных глазах гуляла мечтательная нега. Он дотронулся пальцами до своих губ словно стирая мой ответный поцелуй и опустил голову. Когда он ее поднял, то передо мной стоял совсем другой человек.

Он смотрел на меня нахмурив брови, глаза отливали металлической синевой. В руках нетерпеливо подрагивал мой пистолет у которого уже был взведен курок.

— Подписывай бумаги, Эмма. У меня очень мало времени. Ты же не хочешь, что-бы твое оружие выстрелило сегодня еще один раз? — голос мужчины был таким низким и грубым, что я мгновенно поверила ему.

— Да подавись ты этими бумагами! — я схватила ручку с пером и окунула ее в приготовленную чернильницу.

Перо немного царапало желтоватую бумагу, но подпись ложилась ровно и уверенно.

"Мыслитель" торопливо схватил подписанные бумаги и развернулся к притихшим бандитам.

— Дело сделано, уходим ребяташки!

"Ребяташки" долго уговаривать себя не заставили. Подхватив под руки пьяного рыжего парня, они потащили его к выходу. Ноги раненого безвольно волочились по деревянному полу, который украшали пятна подсохшей крови.

Последним выходил Аркадий. Он обернулся на пороге, вид у него сейчас был отрешенным и очень усталым, словно мужчина выполнил тяжелую, непосильную работу.

— Эмма Платоновна, вы больше не нанимайте художника, что-бы он рисовал портрет вашей тетушки. Там холст очень странный, будто заговоренный, опомниться не успеете, как вашу душу внутрь затянет. Поверьте, я такие вещи всегда чувствую.

Он послал мне воздушный, шутливый поцелуй и скрылся за дверьми.

Через минуту раздался резкий, тяжелый шум отъезжающего от крыльца большого мобиля.

Глава тридцать шестая. Никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь

— Не надо меня жалеть Загряжский! Со мной все в порядке. Я цела и здорова, даже полна сил. Вот берите за угол эту тяжеленную раму, мы ее с вами на чердак затащим. А подрамник с холстом нужно сжечь, мне так один художник посоветовал. У вас спички в кармане имеются? — мой голос срывался от усилий, потому что, резная, покрытая позолотой рама была будто бы каменной.

Вся красная от натуги, с растрепанной прической, я волокла ее по лестнице на чердак так быстро, что Загряжский еле успевал за мной. Прошло несколько часов, с тех пор, как банда Аркадия уехала из "Сладких Хрящиков" в неизвестном направлении. Прибывший с полицией Добужинский лишь разводил руками и хмурил светлые брови.

— Как в воду канули разбойники! Видно давно план отступления проработали. Художник этот ваш, не так прост оказался. Говорите, что волосы у него полностью белые и тонкий шрам на лице имеется? Неужели сам Седой в наши края вернулся?

Добужинский задумчиво покивал головой, дал команду полицейским бросить поиски исчезнувших грабителей и забрав с собой в больницу избитого Григория, которому явно была нужна медицинская помощь, благополучно отбыл в город.

Пока Галина успокаивала девушку, у которой после пережитого случилась истерика, я тоже решила прийти в себя. Давно заметила, что меня отлично утешает любая физическая работа или занятия спортом. Но поскольку бегать вокруг "Сладких Хрящиков" или подтягиваться на турнике в данной ситуации выглядело бы очень странным, то я решила исполнить наказ моего несостоявшегося живописца, будь он трижды неладен.

Когда я с сожалением и злостью искала место для торжественного сожжения холста, на котором так и не появился портрет моей тетушки, в "Сладкие Хрящики" вихрем ворвался Загряжский.

Красивый и загорелый он ходил за мной по пятам, старался утешить неловкими и шаблонными фразами. В результате его лощенный, франтоватый вид раздражал меня еще больше, и я позволила себе раскапризничаться, как маленькая и обиженная девочка. Ну, честное слово мне так надоело быть сильной, что в какой-то момент захотелось расплакаться. Слезы и эмоции были героически сдержаны, но Загряжский все равно что-то почувствовал.

Он резко бросил нести свой край злосчастной рамы. Деревянный шедевр неизвестного мастера вырвался из моих рук, с тяжелым грохотом упал на ступеньки. Углы украшенные тончайшей резьбой и позолотой, огорченно скрипнули, удивленно ойкнули и раскололись. Рама перекосилась превратившись в уродливый, огромный ромб.

Я стояла и смотрела на погибшую красоту. Слезы уже невозможно было сдержать. Они бежали у меня по щекам, щедро орошали губы. Были они отчетливо соленые и даже горькие. Конечно же я понимала, что оплакиваю не только эту невезучую раму. Что-то явно надломилось во мне, словно это не рама разбилась, а лопнула какая-то пружина во мне самой. Жалобно всхлипнув я тихонько заскулила, как маленький ребенок уверенный в том, что никто ему не может помочь.

Очнулась от того, что сильные руки подхватили меня, торопливые поцелуи покрыли мое мокрое от слез лицо.

— Плачь, Эмма, плачь! Слезы это сейчас то, что тебе необходимо! Пусть с ними выйдет вся твоя душевная горечь, все твои обиды. Если ты позволишь, я всегда буду с тобой, я постараюсь что-бы эти слезы были были последними в твоей жизни. Прошу, дай мне возможность доказать тебе свою любовь, — шепот мужчины был поспешный, обжигающий, он перемежался с короткими и страстными поцелуями.

Мне казалось, что я лечу высоко над землей подхваченная жарким порывом ветра. Но тревоги не было. Я откуда-то твердо знала, что эти крепкие руки не уронят меня, что я теперь не одна. Поцелуи становились все яростней, все настойчивее, они покрывали мои щеки, лоб, закрытые глаза. Затем наши губы встретились и слились в едином и безумном, почти сумасшедшем поцелуе.

Этот поцелуй был таким долгим, соленым на вкус и неожиданно желанным.

— Загрязский, ты сейчас признался мне в любви? — мой голос был растерянным и тихим.

Мужчина улыбнулся, провел языком по губам, словно слизывая с них остатки моих слез.

— Максим. Давай знакомиться заново Эмма. Называй меня Максим. Ведь Мартином ты уже звала меня. Да и Мартин Загрязский остался где-то там, в далеком прошлом. Кто знает, что с ним случилось? Утонул ли он в море, а возможно его никогда и не было?

Мужчина опустил меня на диван, а сам сел в кресло стоящее напротив. Синие-зеленые глаза вдруг стали задумчивыми. Он сидел неподвижно и смотрел в пустоту.

— Загряз... Прости привычка, — я усмехнулась. — Максим... Я согласна.

Для убедительности я протянула руку и коснулась кончиками пальцев его щеки. Она была горячей и немного колючей.

Загрязский встрепенулся. Перехватил мою руку.

— Согласна на все?

Я понимала, что сейчас мы играем словами. Перебрасываем их, словно мячики. Захотелось внести ясность.

— Я согласна познакомиться с тобой заново. Давно хотела спросить тебя о матери Лизы и Шурика. Куда подевалась госпожа Загрязская?

Мой вопрос наверное был неожиданным. На скулах у мужчины появились красные пятна, а взгляд стал отсутствующим и горьким. Я поняла, что воспоминания о первой жене, не относятся к самым приятным для Загрязского. Он резко встал с кресла, уверенным движением полез в карман серых, летних брюк и достал отливающий холодным серебром подсигар. Клацнула маленькая зажигалка, улыбнувшись на мгновение красным огоньком. Загрязский закурил сигарету, затянувшись глубоко и с удовольствием. Ноздри правильного, классического носа затрепетали. Мужчина прикрыл глаза, а затем, словно испугавшись резким взмахом руки потушил сигарету об лежащий на столе подсигар.

— Она меня бросила, — сказал он медленно и с большим трудом выговаривая буквы. — Марта из тех женщин, которым всегда и всего мало. Я был беден, а она любила деньги и роскошь. Я был слепым однолюбом, а она считала верность пустым звуком. Однажды ей предоставился шанс стать любовницей нашего императора и она его не упустила. Даже дети не смогли ее остановить. Правда не долго ей пришлось жить во дворце. Через два года Марта погибла при весьма странных обстоятельствах, — мужчина вздохнул и грустно улыбнулся. — С тех пор я превратился в наглого, циничного ловеласа, но клянусь всеми святыми, сейчас я действительно влюбился. Не признавался сам себе, злился на тебя Эмма, но эта короткая разлука все поставила на свои места.

Загряжский опять полез в карман брюк и извлек маленькую, бархатную коробочку. Он осторожно открыл ее и в лучах солнца сверкнул радужным блеском крупный, прозрачный камень.

— Эмма, я люблю тебя и делаю предложение руки и сердца, увы позвать тебя замуж я не могу, так как официально мы с тобой уже состоим в браке, хотя он фиктивный. Наверное в нашем случае это выглядит немного комично. Один раз мы были уже были женаты по настоящему... Правда это была совсем не ты, я тоже был не совсем я... Уф, я совсем запугался...

Мужчина нахмурил брови и нервно поправил воротник белой рубашки.

— Не надо лезть в дебри Максим. У нас говорят, что Бог любит троицу, значит в этот раз нам обязательно повезет, — я протянула руку выставив нужный палец.

Колечко было мне в самый раз. Оно, словно прилипло к пальцу, заняло свое законное место.

— А теперь, жених должен поцеловать невесту? — спросила я и сама первой шагнула к мужчине.

Наш поцелуй теперь был неспешный, медленный. Мы изучали друг друга, принаравливались. Я словно в кино видела себя и Загряжского со стороны и удивлялась. Неужели все происходит на самом деле?

Глава заключительная

— Пусть молодые будут счастливы! Пусть семейные узы будут неразрывными! Пусть ваш дом всегда будет полон богатства и детского смеха! — голос одного из многочисленных гостей, который сейчас произносил тост, был в меру торжественным и слегка пьяным. Судя по решительно вздернутому подбородку и раскрасневшемуся лицу, мужчина настроился на длинную и витиеватую речь.

Я вздохнула и украдкой сняла под столом тесные, новые туфли. Хозяйским взглядом окинула широкие и длинные столы, которые сияли прозрачным хрусталем бокалов, рюмок и стаканов. Многочисленная армия бутылок горделиво выстроилась в ряд, словно brave солдаты на торжественном параде. Всевозможные яства радовали аппетитным запахом обоняние и своим обилием глаз. Они являли собой живописный и яркий натюрморт достойный кисти великих живописцев. Повара "Сладких Хрящиков" сегодня доказали, что они самые лучшие в нашей округе. Даже пышные букеты цветов буйствовали свежестью и яркими красками, и казалось тоже старались быть идеальными.

Но самой великолепной и бесподобной конечно же была невеста. Лиза сияла, словно яркая звезда. Белая, прозрачная фата оттеняла черные, густые локоны. Платье цвета самого первого снега, подчеркивало стройную и гибкую фигурку. Я любовалась своей девочкой, временами незаметно для окружающих смахивала непрошенную слезу. Рановато отдаем мы замуж Лизу, но что поделаешь, любит она своего жениха. Я в этом не сомневаюсь. Конечно он старше Лизы, но относится к ней трепетно, как к хрупкому и редкому цветку. Я только сейчас поняла, как хорошо, что когда-то Лиза потеряла свой Дар. Теперь точно можно определить, что любовь со стороны жениха искренняя, не замешанная на скрытых меркантильных мотивах. Вон с каким обожанием он смотрит на свою невесту! А Лиза, словно ощущает свою власть над взрослым и состоявшимся мужчиной, то губки капризно надует, то улыбнется милостливо. Надо будет поговорить с ней перед отъездом.

— Дорогая, не устала? Может быть вам с малышом следует отдохнуть? — шепот Загряжского звучит у меня над ухом, твердые губы украдкой целуют щеку, а рука под столом гладит мой слегка круглый живот.

Это моя третья беременность за те десять лет, что мы прожили с Загряжским. Две девочки-погодки, девятилетняя Ольга и восьмилетняя Танюшка, сегодня не отходят от невесты, они очень гордятся своей важной миссией. Длинный шлейф свадебного платья находится под их опекой. Вот и сейчас они сидят рядом с Лизой и довольно улыбаются. Старшая Оленька очень похожа на Лизу, те же сине-зеленые глаза, румяная мордашка и черные кудри. Танюшка моя копия и мой характер. Самостоятельная и решительная барышня. Что-то подозрительно блестят весельем ее черные глаза. Я пристально наблюдаю за младшей дочерью несколько минут и выясняю причину ее радостного оживления.

Из-под белой скатерти на секунду выглядывает лохматая, рыжая голова Лимона. Слизнув с детской ладошки очередную порцию лакомства розовым и проворным языком, собачья голова вновь скрывается под столом.

Пока я пытаюсь взглядом, кивками и жестами указать сидящему рядом с девочками Шурику, на неподобающее поведение младшенькой сестрицы, мне на помощь приходит Стефан Стефанович. Бодрый и полный энергии профессор, не смотря на свои годы, отличается большей сообразительностью, чем служащий в императорской академии,

молодой ученый Александр Максимович Рязский.

Стефан Стефанович верно понимает мои знаки, возможно потому что знает, непредсказуемый и склонный к всяческим авантюрам нрав Татьяны.

Профессор берет самый аппетитный кусок мяса и выманивает Лимона. Он старается действовать незаметно, почти как старый и ловкий шпион, но пьяным гостям уже нет дела до таких мелочей, как большая, рыжая собака под свадебным столом невесты и жениха.

Пес нехотя покидает свое хлебное место и удаляется вместе со Стефаном Стефановичем из зала. Я облегченно вздыхаю и строго сдвинув брови, крайне неодобрительно, укоризненно киваю головой своим девочкам. Они враз делают серьезными лица и потупив глаза, начинают ковырять вилками в своих тарелках.

Шурик в конце концов понял в чем дело и смеется сверкая белоснежными зубами. Он необыкновенно хорош в эту минуту. Широкие плечи, гордая посадка головы, размах черных бровей над искрящимися весельем сине-зелеными глазами. Я вижу, как он словно магнитом приковывает к себе внимание всех молодых девиц и даже замужних женщин.

Музыканты начинают играть вальс, что бы их перекричать старается громко разглагольствовать ведущий свадьбы. Он смешно надувает щеки и жестикулирует короткими ручками. Говорит о чем-то проникновенно и с усердием, но я думаю о своем, и не сразу замечаю, что многочисленные гости смотрят в нашу сторону.

— Дорогая, нас просят станцевать вальс, — горячий шепот мужа щекочет мою щеку.

— Почему, нас? — испуганно шепчу я в ответ, но понимаю, что сейчас задаю лишние вопросы.

Коротышка ведущий, видимо решил отомстить мне за то, что я в начале была против его кандидатуры. И сейчас поймал меня в самый неожиданный момент. Поспешно нащупываю под столом свои туфли, но мои ноги немного отекли и злосчастная обувь никаким образом не хочет на них обуваться.

— Туфли, я не могу одеть туфли, — шепчу я сокрушенно, чуть не плача от досады.

Загрязский сразу же понимает меня.

— Не нужны тебе туфли, Эмма. Клянусь ты не будешь касаться пола ногами!

Он решительно берет меня на руки и под восторженные и завистливые вскрики гостей несет меня в центр широкого зала. Бережно опускает и с улыбкой кланяется, затем протягивает руку.

Я с гордым и уверенным видом царственно киваю головой. Какая разница в туфлях я сейчас или без них? Про меня и так рассказывают сплетни и легенды. Например все уверены, что я усилием воли заставила погаснуть, некогда заженные мной и Лизой синие камни. Они потухли сразу же, как новый владелец принялся их добывать. Людская молва приписала мне много всяческих небылиц, так одной сплетней больше, одной меньше, от меня не убудет.

Смело я шагаю навстречу мужу и музыка подхватывает нас. Она искрится, ведет путеводной звездой в вихре ласковых волн. Забыв о гостях, о свадьбе мы кружимся в вальсе и мои ноги почти не касаются пола. Сильные, надежные руки кажутся мне единым сплетением с нотными строками танца. Я ощущаю, что лечу прямо к небу, но у меня нет страха и нет тревоги. Мой муж, моя опора, всегда готов подхватить меня, поймать в свои ласковые объятия.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net